

Александр Козлик

**"Солдат-путешественник
света
Афанасий
Носов
или
записки
русского
солдата
во
Франции"**

18+

Александр Козлик

**"Солдат-путешественник света
Афанасий Носов или записки
русского солдата во Франции"**

«Автор»

2026

Козлик А. А.

"Солдат-путешественник света Афанасий Носов или записки русского солдата во Франции" / А. А. Козлик — «Автор», 2026

Первая мировая война, солдата русского армии в составе экспедиционного корпуса направляют во Францию для отражение нападения Германии. Первая часть книги о его приключениях и возвращении на Родину. Вторая часть книги уже после второй мировой войны о героизме советских солдат по защите интересов братских народов от посягательство враждебных сил на их суверенитет и независимость.

© Козлик А. А., 2026

© Автор, 2026

Александр Козлик

"Солдат-путешественник света Афанасий Носов или записки русского солдата во Франции"

Глава 1

ПОДЛИННАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ.

Новая книга петербургского писателя Александра Козлика состоит из двух частей: «Записки русского солдата во Франции» и «Солдаты Советской Армии – Герои 60 – 80 гг. 20 века».

Наверное, мы не ошибёмся, если скажем, что в мире нет более объёмистой литературы, чем та, что отражает военные явления в жизни и в развитии разных стран и народов. Здесь - художественная литература, публицистика, мемуаристика, документалистика и многие другие. Но есть особый жанр, который, как мы полагаем, наиболее правдиво и точно передаёт ощущение автором событий, происходящих с ним самим и с окружающими его людьми. Причём, в определённое время, в конкретном месте. Это дневниковый жанр, или повествование от первого лица в виде повседневных, как правило, датированных записей, что отражают факты жизни автора, её обстоятельств и переживаний. Особо интересны дневники, в которых документальность напрямую сочетается с исповедальностью.

Одно из таких произведений - «Записки русского солдата во Франции», небольшое по объёму, но глубокое по содержанию и широте отражённой в нём действительности.

В самый разгар Первой мировой войны в Россию прибыл представитель Военной комиссии французского сената П. Думер. Он предложил царскому правительству усилить противостояние германским войскам и направить на Западный фронт, во Францию 400 тыс. русских офицеров и солдат в обмен на поставку русской императорской армии вооружений и боеприпасов.

Император Николай II положительно решил этот вопрос. Изначально русский экспедиционный корпус составили 20 тыс. воинов. Они героически сражались и несли большие потери. Лишь немногие после войны вернулись на родину. Одним из них оказался давний предок Шашкина Виктора Алексеевича – прадед Афанасий Демьянович Носов, который в Первую мировую воевал во Франции и вернулся домой искалеченным и больным. Но прожил недолго, и, судя по всему, не предполагал, что его записи могут стать серьёзным документом давно прошедшей эпохи.

Не менее интересна и познавательна вторая часть книги «Солдаты Советской Армии – Герои 60 - 80 гг. 20 века».

В ней автор представил ряд военных событий второй половины 20 века. А именно: участие наших вооружённых сил в наведении порядка в некоторых странах бывшего социалистического содружества – Венгрии и Чехословакии. А также помощь и содействие народам Кореи, Египта и Афганистана в отстаивании

своей свободы и независимости от враждебных им сил. Трудная, жестокая была борьба, но советские воины с честью и достоинством выполнили свой долг, став героями многих сражений. Война для защитника Родины – гордость и честь.

Война для захватчика – тупость и корысть.

Сейчас, годы и годы спустя, многие задают себе вопрос: когда же человечество станет жить по-человечески? Когда же мы научимся разговаривать друг с другом языком мира и благолепия, не прибегая к вооружённым конфликтом и не убивая себе подобных? Может быть, пора научиться готовить таких дипломатов – настоящих волшебников, - которые смогут найти необходимые слова и аргументы, способные разрешать самые сложные вопросы, не прибегая к кардинальным мерам воздействия?

Но уже хорошо, что есть книги, заставляющие нас думать об этом и стремиться упорядочить земную жизнь, какою бы она ни была.

**Сабилло Иван Иванович,
лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга
в области литературы, искусства и архитектуры,
заслуженный работник культуры РФ**

*Эта книга посвящается памяти моему другу
Шашкину Виктору Алексеевичу, передавшему мне
дневник своего родственника, воевавшего во Франции.*

*Солдат-путешественник света Афанасий Носов
или записки русского солдата во Франции.*

Часть первая.

Записки русского солдата во Франции.

Это лето выдалось очень жарким, и я с трудом дождался отпуска, чтобы поскорее сбежать в деревню, к бабушке, Анастасии Петровне, а проще – бабе Насте. Там меня ждала вкусная еда: вареники, пирожки и прочие десерты, ленивый отдых, речка и разные деревенские радости. Первая неделя пробежала незаметно, на второй - стал искать себе развлечений и полез на чердак. Он всегда манил меня своими загадками, там столько всего было, что я находил себе приключений на весь отпуск: в прошлом году нашел граммофон и потом долго его пытался отремонтировать. Не всегда удавалось что-либо сделать, но было интересно покопаться и узнать откуда «ноги растут».

В этот раз я залез на чердак и долго ничего не мог найти что-либо выдающееся, пока не наткнулся на небольшой сундучок. Открыв его, я обнаружил тетрадь, пожелтевшую от времени, старые фотографии, на которых были brave солдаты еще Российской империи, с лихо закрученными усами, и различные ордена, медали: среди них Российские: Георгиевский крест, медаль «За храбрость» и две медали или ордена на иностранном языке. В начале тетради была надпись: «Записки русского солдата во Франции», причем написано было на старорусском языке и читать сложно. Я взял сундучок и пошел к бабушке выяснять, что это такое. Баба Настя объяснила мне, что этот сундучок остался от ее деда Афанасия Демьяновича Носова, который воевал во Франции, как он туда попал, она не знает. Вернулся дед Афанасий домой в начале двадцатых годов прошлого столетия, весь больной и израненный. Долго не прожил, во всяком случае, его она в живых не застала. Этот сундучок все, что от него осталось, и никто в нем не

копался и не стремился выяснить, как дед оказался во Франции. «Вот ты и действуй», - сказала баба Настя, - тебе флаг в руки, разберись, сделаешь благое дело, память о нем останется». На некоторых сохранившихся фотографиях мой предок выглядит весьма представительно: высокого роста, широкие плечи, грудь колесом, в военной форме, правая рука заложена за ремень и на груди медали. Герой – это видно сразу.

Вот и пришлось мне самому во всем разбираться. По той истории, что нам преподавали в школе, а потом и в институте, я не помнил, чтобы в Первой мировой войне русские солдаты воевали во Франции и как они там оказались. Во всяком случае, не помню, чтобы мы это по истории проходили. Прежде чем читать записки деда Афанасия я перекопал всю литературу и интернет и вот что выяснил.

Предисловие.

Поводом для начала Первой мировой войны явилось убийство в Сараево (Босния и Герцеговина) 28 июля 1914 года эрцгерцога Фердинанда, наследника Австро-венгерского престола членом движения «Молодая Босния» Гаврило Принципом. Но это был только повод, а причиной являлись требования передела мира между Англией, Францией и Германией. В свое время мы много, и не очень старательно, изучали марксизм-ленинизм и запомнилось, что в эпоху капитализма войны неизбежны, как, впрочем, и экономические кризисы. Сейчас многие возвращаются к этому учению, но я не об этом. Факт тот, что мир не поделили и началась война.

С одной стороны, выступала Антанта: Российская империя, Франция, Великобритания. Союзниками выступали США, Италия, Румыния, Канада, Австралия, новая Зеландия и т.д.

С другой стороны, выступал Тройственный союз: Германия, Австро-Венгрия, Османская империя. Позже к ним присоединилось Болгарское царство, и т.д.

Формальным поводом для вступления России в войну явился договор между Сербией и Россией, по которому Россия была обязана оказать помощь Сербии по ее защите, но фактически начался новый передел мира, так как Австро-Венгрию и Германию не устраивало возросшее влияние России. (История повторяется в настоящее время).

Россия вступила в войну 4(17) августа 1914 года и начала наступление на Восточную Пруссию.

29 октября 1914 года турецкий флот обстрелял Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск. 2 ноября 1914 года Россия объявляет войну Турции и так возник Кавказский фронт.

Фактически имелось несколько фронтов, где велись боевые действия: Западный фронт, где Франция совместно с Англией противостояли Германии и Австро-Венгрии. Восточный фронт – Россия противостояла Германии и Австро-Венгрии и Балканский фронт и само собой – Кавказский фронт, где противостояли Россия и Турция.

Германия стояла перед опасностью воевать на два фронта и тогда был разработан «план Шлиффена», который предусматривал разгром Франции в течении 40 дней, т.к. полагали, что именно столько потребуется России, чтобы мобилизовать свои войска. Однако по приказу Николая второго Россия вступает в войну неподготовленной и для спасения Франции начинает наступление на Восточную Пруссию. В результате наступление захлебнулось, армия Самсонова была разгромлена, а сам он застрелился, но Париж был спасен, т.к. часть войск Германии была вынуждена перебросить на Восточный фронт.

По итогам 1914 года на Западном фронте стала складываться стабильная линия фронта, стороны стали строить укрепления в виде траншей, проволочных заграждений, блиндажей, особенно интенсивные бои велись на северном направлении, где были сконцентрированы основные силы. Германия захватила значительную часть Французской территории, однако добиться окончательной победы не смогла.

В течении 1914 и 1915 годов на Восточном фронте война шла с переменным успехом: вначале в результате Восточно-Прусской операции Российские войска потерпели поражение, затем в результате Галицийской операции одержали победу и захватили большую часть Галиции. Затем Германия решила вывести из войны Россию и нанесла по ней основной удар. В ходе Августовской операции им удалось выбить российские войска из Восточной Пруссии, однако затем потерпели поражение и были отброшены назад за перевал.

На Балканском фронте вначале войны для Сербии обстановка более-менее была спокойной и стабильной, но после вытеснения Русских войск из Галиции, Германия и Австро-Венгрия перебросили большое количество войск, на их стороне вступила в войну Болгария и войска Сербии были вытеснены со своей территории в Албанию и на остров Корфу. Англо-Французская помощь не успела и войска их закрепились уже в Греции образовав Салоникский фронт.

Критическое положение на фронтах вынудило Союзников обратиться к русскому царю с просьбой об отправке во Францию 3-х или 4-х корпусов войск общей численностью около 300 тысяч человек для оказания военной помощи по сдерживанию врага, предлагая при этом России материальную помощь в боеприпасах, в которых она очень нуждалась. Отправить такое количество людей Россия физически не могла, но тем не менее, согласилась на оказание военной помощи в отправке 4-х бригад 2-х полкового состава. Полки трех батальонные и при каждом полку по три пулеметные роты (по 12 пулеметов в каждой), всего около 100 тысяч человек.

В начале 1916 года началось их формирование. В 1-ю бригаду отбирались самые рослые солдаты, в следующие бригады – солдат имеющие боевой опыт. По согласованию Союзников: 1-ю и 3-ю бригады направляли во Францию, 2-ю и 4-ю бригады на Салоникский фронт. Первую бригаду отправили в январе 1916 года кружным путем по Транссибирской магистрали, затем пароходами вокруг Азии через Суэцкий канал в Средиземное море и в апреле она прибыла в Марсель. Летом 1916 года были отправлены 2-я, 3-я и 4-я бригады из Архангельска по Средиземному морю.

Вот таким образом русские солдаты оказались во Франции, для спасения Запада от германцев.

Размещены русские войска были в лагере Майи и включены в состав 4-й армии под командованием генерала Гуро. Сразу же началась интенсивная подготовка к участию в боевых сражениях. Вначале произошла реорганизация в построении полков по французскому образцу: в батальон входило четыре стрелковые роты, а три батальона был полк. В каждом полку образовалось три пулеметные команды. Все войска оснащены западным вооружением, в частности пулеметами Гочкиса французского производства. Такого вооружения, в то время, в русской армии не было. Вначале солдаты и офицеры изучали данное вооружение и готовились к стрельбам. В дальнейшем стали изучать тактику боевых действий во французской армии и состояние боевых позиций на фронте. Шла подготовка различных специалистов: телефонистов, сигнальщиков, саперов, бомбометчиков и пулеметчиков. На полигоне отрабатывали действия каждого подразделения в различных ситуациях. Такие занятия продолжались постоянно вплоть до выступления на боевой рубеж.

17 июня 1916 года 1-я Особая бригада заняла боевые позиции в районе провинции Шампань, а боевое крещение получила 27 июня во время наступления германцев и сумела отбить наступление. При этом понесли и первые потери личного состава, и первые отличившиеся солдаты и офицеры были удостоены наград.

16 июля 1916 года немцы опять попытались захватить русские позиции, но были встречены контратакой и штыковым боем. Противник понес значительные потери личного состава убитыми и ранеными в количестве свыше 100 человек. Русские потеряли 13 человек погибших и 36 раненых.

В июле – ноябре 1916 года бригада принимала участие в битве на реке Сомма и прославилась ведением рукопашных боев с немцами в отличии от французов.

В апреле 1916 года русские войска были переброшены в район деревни Курси, где французы планировали наступление. Героическое атаке бригады смогли сломать отчаянное сопротивление немцев и захватить поселок. Многие из солдат, в частности командир Лохвицкий, были награждены орденами и медалями Французской республики.

После этой битвы бригада была переведены в тыл, в лагерь Ля Куртин, где ожидала пополнения из-за огромной убыли личного состава. Однако политическая ситуация в самой России стала резко меняться. В лагере усилилась агитационная пропаганда среди личного состава и в следствие этого они стали требовать немедленной отправки в Россию. 1 мая 1917 года русские солдаты вышли на демонстрацию под красными знаменами с пением «Марсельезы» и «Интернационала». В связи с отсутствием подкрепления было принято решение объединить 1-ю и 2-ю бригаду в одну под командованием генерала Лохвицкого.

Брожение среди русских солдат, вызвало недоверие французских властей, и они не стали отправлять войска на фронт. В лагере начался беспорядок, солдаты требовали возвращения на родину и отказывались выполнять требования командиров. Произошел раскол и наиболее активных участников противников войны оставили в лагере, а тех, кто подчинился – отправили в лагерь Курно, недалеко от Бордо.

3-го сентября восставших солдат в лагере Ля Куртин окружили двумя кольцами русских и французских войск и начали артиллерийский обстрел из орудий. 10 сентября восставшие сдались: предводитель Глоба и 80 вожakov были арестованы и отправлены на остров Экс, где отбывали наказание каторжники. Вторая группа восставших была отправлена на каторжные работы во французские колониальные страны Африки. И третья группа – отказавшиеся участвовать в войне – отправлены на различные работы внутри Франции.

В ноябре 1917 года новый премьер-министр Франции Жорж Клемансо предложил русским солдатам три варианта: добровольцы направляются в действующую армию, другие желающие – в состав рабочих батальонов и остальные отказавшиеся – депортированы в Северную Африку.

Из 19 031 солдата 11 522 записались в рабочие отряды, 252 человека – в Русский легион, 4 746 солдат отправлены в Северную Африку и 2099 человек – в это время находились в госпиталях. (Цифры эти могут в небольшой степени меняться в ту или иную стороны по разным данным).

Генерал Лохвицкий и полковник Готуа образовали Русский легион, который включили в состав Марокканской Дивизии состоящей, в основном из зуавов, и в боях с немцами своей отвагой увековечивают память о себе.

В мае 1917 года германцы прорывают фронт Французской армии, переплавляются через реку Эн и выходят на прямую дорогу на Париж. На выручку бросают Марокканскую дивизию, которая преграждает им путь. Но немцы бросают в бой лучшие свои силы и теснят зуавов. В бой французы бросают свой последний резерв – Русский легион. Историк В. Васильев пишет: «Русский легион бросается вперед, с офицерами впереди. Даже доктора, охваченные пылом энтузиазма этой славной фалангой, забыли их прямую миссию милосердия и вместе с бойцами врывается в ряды противника...». Этот бой стоил жизни Русскому Легиону, который потерял 85% своего состава и почти всех офицеров. Тогда французская пресса того времени впервые прибавляет лестное слово и называет его «Русский Легион Чести». В дальнейшем Русский легион пополняется за счет волонтеров, принимает участие в прорыве укрепленной линии Гинденбурга и входит в Германию, в назначенный ему для оккупации город Вормс.

Позднее, по просьбе Деникина, его перебрасывают в Россию, для борьбы с Красной Армией. Но здесь большинство солдат переходит на сторону большевиков.

Генерал Лохвицкий в 1919 году присоединяется к войскам адмирала Колчака, командует различными подразделениями, а в 1920 году возвращается во Францию, в Париж. Здесь возглавляет Общество монархистов и Совет по военным и морским делам при великом князе

Кирилле Владимировиче. Умер 5 ноября 1935 года, похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Надпись на памятнике гласит: «Лохвицкий Николай Александрович, генерал от инфантерии, командир Русского Экспедиционного корпуса во Франции».

Ну, а теперь перейдем непосредственно к записям рядового 3-го батальона 2-го особого пехотного полка 1-й бригады Афанасия Демьяновича Носова. Предок был видно грамотный, увлекался поэзией, хотя стихи не очень, но отражают полностью ту эпоху: быт, настроение и поведение солдат. Кроме того, он записывает рассказы еще двоих своих приятелей, тоже воевавших вместе с ним во Франции. Но судьба так распорядилась, что раскидала всех по разным маршрутам и странам и только на родине собрала некоторых, из оставшихся в живых, воедино.

Глава первая. Призыв.

Родился я в семье крестьянской, был самым маленьким, шестым по счету, мама больше всех остальных меня жалела. Отца я не помнил, он все время на заработках был, так и пропал на чужбине. Как только исполнилось мне пять лет, мама отправила меня в город Санкт-Петербург к купцу, дальний ее родственник, чтобы я помогал ему по хозяйству, за что меня кормили, одевали и воспитывали. Своих детей у него не было, а помощник по хозяйству был нужен. Кулак у дядьки был тяжелый, а до меня быстро все доходило. Рос я крепким парнишкой, грамоте меня обучили, окончил два класса церковно-приходской школы и вскоре уже стоял за прилавком. К 18 годам вымахал под 190 см, косая сажень в плечах, кулаки как молот, гренадер настоящий. А тут и война началась.

20 июля по городу прошел слух, что на Дворцовой будет выступать сам царь, я помчался на площадь. И действительно Николай II вышел на балкон и объявил о вступлении России в войну с Германией. Многие люди на площади, а она была почти вся забита, встали на колени и запели «Боже царя храни». Объявление войны вызвало в народе рост антинемецких настроений. В то время проживало в городе много немцев, которые владели магазинами, гостиницами, ресторанами, трактирами. Дошло дело даже до погромов. Немцы вынуждены были менять свои фамилии и переделывать их на русский лад. Все, что было связано с немцами, преследовалось. Именно поэтому, 18(31) августа 1914 года царь подписал повеление о переименовании Санкт-Петербурга в Петроград, так как по мнению многих город звучал на западный манер. Накануне войны 17 июля царь объявил всеобщую мобилизацию и на мобилизационные пункты явилось множество добровольцев: студенты, подростки, даже депутаты Государственной думы. Я тоже хотел пойти, но, когда заикнулся об этом, дядя мне заявил: «Малой еще, подрасти вначале», и погрозил кулаком, я не решился. Настроение среди людей было приподнятое и проникнуто патриотизмом. Каждый день по улицам шли манифестации в поддержку царя, армии, с транспарантами: «Победа России и славянству». Люди провожали своих близких на войну. 4 августа во время одной из таких манифестаций люди разгромили германское посольство. Досталось даже императрице Александре Федоровне, которую прозвали в народе «царица-немка».

Мысли об армии, меня не оставляли. Это не только меня захватило, все мужики были готовы в едином порыве идти служить и защищать Родину, исполнить свой долг перед императором и страной. Я стал пропадать на улице и дядьке это очень не понравилось. Он мне говорил: «Ты, что, дурак, куда рвешься, не за грош пропадешь ведь». И он прав был. Это сейчас по прошедшие стольких лет, об этом говорить можно. Но тогда я рвался на фронт.

В конце концов несмотря на запрет дяди, в один из дней, я явился на сборный пункт и записался в армию. Меня тут же отправили в казарму, где я получил форму и сапоги. Казарма представляла собой большое помещение: вначале просторные сени, где стояли умывальники и баки с водой. Далее длинный коридор и огромные комнаты с большими окнами. Вдоль расположены ряды железных коек, заправленные одинаковыми темно-серыми одеялами и между

ними узкие проходы. В коридоре размещены пирамиды для оружия. Под потолком, вместо бордюра написаны солдатские лозунги: «Пуля дура, а штык молодец», «Солдат слуга царю и Родине, защитник православной веры» и т.д. Двор части огромный, квадратный. По краям расположены одноэтажные казармы. Между ними, по углам, находились уборные с запахом дегтя и карболки. Недалека от казарм расположилась культурная база с солдатскими лавочками, чтобы покурить, и спортивная площадка. Здесь же, в свободное время, по воскресеньям, играл музыкальный оркестр.

Вечером я пришел к дядьке попрощаться. Он молча перекрестил меня и сказал: «Иди с богом» и я пошел.

На следующий день, утром, нас всех новобранцев, около 2000 человек, построили перед Михайловским замком и стали отбирать: кого в пехоту, кого в кавалерию. Меня, как самого здорового, сразу отвели в сторону, куда отправляли и остальных, под стать мне. Всего таких подобрали около сотни душ. На наши вопросы: «Куда нас направляют?» Начальники отвечали: «Далеко поедете», и все. На поезде отправили в Самару, а там такая же казарма и началась военная подготовка.

Первым начальником у меня стал унтер – офицер с интересной фамилией: Вышибайло Иван Иванович. Запомнился он мне своей философией: «Начальство надо знать в лицо, по чину и званию. Если ошибешься, сразу в наряд, чтобы память лучше работала. Плохая память, будешь постоянно гнить в нарядах и главное, никаких вольных мыслей, начальству не прекословить и молчать. В казарме должен вести себя примерно, содержать в чистоте: не плевать и не гадить. Сапоги у тебя должны блестеть как зеркало, форму свою беречь, она казенная. Портянки носить так, чтобы ноги не болели, они у тебя тоже казенные, иначе служба будет не в радость. К примеру, я, непосредственное твоё начальство: господин взводный, старший унтер-офицер Вышибайло Иван Иванович, прошу любить и жаловать». Вот так началась моя служба. Слава богу, он не долго у меня был.

Так я попал в 1-ю Особую русскую пехотную бригаду. Командиром у нас был назначен генерал-майор Н.А. Лохвицкий.

Наш командир: худощавый, среднего роста, лицо узкое и усами. Был опытным воином, участвовал в войне с японцами, затем с первых дней войны с германцами, на фронте. Отличился и был награжден орденом св. Георгия 4 степени и Георгиевским оружием.

Курс молодого бойца рассчитан был на два месяца. Утро начиналось в 6 утра и день был расписан по часам. Начинали с молитвы, затем учили как обращаться к начальникам, кто старше, как разделяется армия вплоть до взвода и роты, знаки отличия и все такое. Обучали дисциплине, правилам отдачи воинской чести. Изучали уставы и строевая подготовка. Гоняли утром и вечером, печатали шаг так, что вечером вырубались без всяких снов.

Затем изучали винтовку, подготовку к стрельбе, упражнения прикладка с колена лежа, с упором и разного рода положений. Стреляли вначале холостыми, а затем прошли полный курс стрельбы в соответствии с наставлениями. Учились правилам рассыпания в цепь, ударам в штыки цепью и резервами со сквозными атаками. Штыковая атака всегда была сильной стороной русского ратника и нас этому много обучали: правилам боевой стойки, способам нанесения сильных и метких ударов с быстрым выхватываем штыка из пораженной цели, отбивы и повороты. Заставляли много бегать, прыгать через канавы и заборы, даже играли в чехарду.

Время требовало жестких сроков подготовки, и начальники гоняли, не жалея ни себя, ни нас. К каждому новобранцу был прикреплен старослужащий, который уже принимал участие в боях с немцами на Восточном фронте и ему были известны солдатские хитрости войны. Многие из них были награждены медалями и даже орденами. Они практически помогали молодым быстро освоить солдатские премудрости. В конце нам объявили, что предстоит нам дальняя дорога во Францию. Мол у наших союзников положение не очень хорошее, немцы их жмут,

и царь принял решение помочь, отправить часть наших войск на помощь, в том числе нашу первую бригаду.

Глава вторая. Дорога во Францию.

Первая бригада состояла из двух полков в составе которых по три батальона и по четыре пулеметные роты на каждый полк и маршевый батальон из шести рот с двумя запасными пулеметными командами. Всего нас было 10500 человек. Комплектовали нас в Москве и Самаре, где всех собирали.

Наш батальон выезжал из Самары первым. Перед отправкой построили на станции. Народу собралось очень много: гремела музыка. Где-то выступали разные представители общества, желали нам победы и возвращения домой. Где-то бабы навзрыд рыдали и висли на груди у солдата, будто чувствовали, что больше его не увидят. А он смеялся и целовал свою любимую, обещал вернуться, но никто из нас не знал, что ждет там на чужбине.

В девять часов вечера прозвучал 1, 2 и 3-ий звонок, загрузились мы в вагоны с полной выкладкой: скатка, патронташ, 2 подсумка, вещевой мешок и лопата в чехле, но винтовку не выдали. Сказали, что на месте получим. Прозвучал гудок и поезд тронулся в долгий путь. Кричали: «Ура!», от радости видно, а за поездом бежали бабы и плакали. Военский поезд представлял собой состав из товарных и несколько пассажирских вагонов. В обиходе товарные вагоны называли «теплушкой». Это был обычный вагон, в котором были оборудованы двух или трехъярусные деревянные нары для солдат, обычно около 40 человек. Они были утеплены изнутри деревянными щитами, в загрузочные люки вставляли рамы со стеклами, утепляли двери. Обогревали вагоны печкой- «буржуйкой», обычно ставили их посередине вагона. Устанавливался поперечный брус в дверном проеме, чтобы солдаты не выпадали при движении. Если надо было перевозить лошадей, устанавливали стойла, обычно до 8 животных. Иногда комбинировали: вагон был для 20 солдат и 4-х лошадей. При необходимости, такие вагоны быстро превращались в обычные товарные.

Имелись и пассажирские вагоны для офицеров, открытые платформы для боеприпасов, продовольствия и артиллерии. У меня товарнике ехали только солдаты, во главе с унтер - офицером Переверзиевым Иваном Петровичем. Хороший мужик, воевал с германцами, награжден солдатским Георгиевским крестом за особый подвиг. Командиром 2-го полка был полковник Дьяконов Павел Павлович участник войны с японцами и германцами. Имел боевые награды. Командира бригады Лохвицкого Н.А. видел только при смотрах, чаще командира полка. Командиром батальона был подполковник Иванов, а ротой командовал прапорщик Трезубцев Николай. Но с солдатами непосредственно были унтер – офицеры и ефрейтора, начальники отделений, они с нами были везде в бою и на отдыхе.

Маршрут наш лежал на Дальний Восток через Бугуруслан, Белебей, Уфу, Златоуст, Челябинск, Курган. В Омске останавливалась - была баня. Проехали Красноярск, возле Иркутска, на станции Батарейная также баня и дезинфекция обмундирования. Одели все чистое. Далее проехали в Харбин и порт Дайрен, где нас ждал товарный крейсер «Гималаи».

Как только загрузились в поезд, все успокоились, я улегся на нары и задремал под стук колес. Когда проснулся была ночь, вагон мерно покачивался, и я только тут задумался куда и зачем это я еду. Но молодость брала свое, я представлял себе чудесное путешествие во Францию, чужую страну, чужие люди и новые приключения, про войну и думать не хотелось, ведь я фактически еще на свете ничего не видел. Рядом храпел мой кореш Антон Иванов, с которым подружились еще на сборах. Он тоже особо не переживал и сам пришел на призывной пункт. Он был из деревни недалеко от Москвы и мечтал вырваться куда-нибудь в свет: людей посмотреть и себя показать. Среди нас были не только добровольцы, но и много мобилизованных, солдат уже воевавших и нюхавших пороху. Не все мечтали ехать в далекую Францию и воевать

за них. Были и недовольные. Так у нас из вагона, двое солдат, как только проехали города и показалась тайга, ночью сбежали.

Вечера мы проводили у печки, под стук колес, слушали нашего унтер-офицера Ивана Петровича, он нас, молодых, готовил к предстоящим боям. На наши вопросы, как на войне, страшно или нет. Отвечал, что, конечно, страшно. Ведь живой человек. Когда летят снаряд или пуля, то вначале кажется, что именно в тебя. Только потом, научишься слышать в какую сторону она летит и не кланяться всем подряд, привыкаешь. Мы часто приставали к нему, чтобы рассказал о себе, как там на фронте, за что награды получил. В конце нашего путешествия он все же поведал, как попал в армию, как получил георгиевский крест и за что.

Иван Петрович был призван в армию с первых же дней войны и направлен служить в 4-ю стрелковую бригаду. Она в то время размещалась в Одессе. После прохождения военной подготовки дивизию перебросили на Запад, где наступала австро-венгерская армия. Они оттеснили нашу пограничную стражу и захватили город Каменец-Подольский. Но тут подошли уже наши войска в составе 8-й армии и преградили им дорогу, а затем и оттеснили за реку Збруч. Здесь Иван Петрович и участвовал в первых боях. В сентябре 1914 года командиром бригады назначили Антона Ивановича Деникина, и бригада участвовала в боях у Гродека, затем взяли село Горный Лужек и город Мезоляборч. Именно в этих боях сумел отличиться Иван Петрович, который проявил смекалку и одним из первых ворвался в город. За это он был награжден и произведен в ефрейторы. В последующих боях сумел показать смелость и отвагу и назначен командиром отделения. Затем в одном из боев был ранен, несколько месяцев лечился. После чего, его как георгиевского кавалера и направили на службу в 1-ю бригаду. Нам вообще повезло с командиром, он стал нам как отец родной.

По мере нашего продвижения на восток, на станциях нас встречали много людей с музыкой и аплодисментами. Двери вагона днем открыты и видны были небольшие городки, села, поля со снегом. Ночью двери мы закрывали и отапливали железной печкой, чтобы не замерзнуть. Проехали Уральские горы и пошла тайга. Видели столб, на котором было написано: «Европа-Азия». По мере нашего дальнейшего продвижения на восток все меньше народу мы видели на станциях и проплывающих мимо городах и деревнях, простор земли русской и тут еще ударили морозы. На стоянках выходили помыться и было так холодно, что замерзали волосы. Все дальше проезжали большие реки: Обь, Иртыш. На одной из станций случилась беда: пассажирский поезд наскочил на товарный и было много жертв, особенно среди солдат. Выдали нам порционные деньги и один из солдат умудрился напиться. В назидание всем построили полк и при сильном морозе ему отстегнули 15 ударов розгами. В русской армии вообще кулак командира и розги были первейшим делом для поддержания дисциплины. Но я к этому еще у своего дядки привык, не испугался. Вообще-то многие из нас умудрялись на станциях купить спиртные напитки, чай и папиросы. Меня это не увлекало, был как - то равнодушен к спиртному и не приучен к куреву. Добрались до озера Байкал, говорят, что это бурятское название, а по-русски означает Священное озеро. Оно имеет в длину 600 верст, в ширину 90 верст. А в глубину 13 верст. Потом проезжали подземные туннели, очень длинные, один из них 7 верст. Заехали в Маньчжурию, последний город России, но там пусто было, одни дешевые папиросы. Тут нам стали попадаться на глаза много китайцев. Живут они очень бедно, одежда из шерсти и в грязных ханзах. Занимаются рыбной ловлей, выращивают рис, это основное их питание.

На станции, в Маньчжурии, местные стали продавать спирт, многие соблазнились и перепились. Утром, соседний полк построили, и командир устроил разборательство. Стал выяснять кто пил и при этом ругал офицеров. Естественно все молчали и отнекивались. Тогда он устроил показательное наказание: отобрал семь унтер-офицеров, при всем народе снял с них портки и каждому нанесли розгами по тридцать ударов, опять же в назидание всем. Хотя сами офи-

церы постоянно пьянствовали. Мордобитие и телесные наказания, несмотря на войну, продолжались в русской армии.

Как только проехали город Харбин, пересели в японские вагоны. У них колея другая, уже нашей. Японцы встречали нас дружелюбно: выставлены были почетные караулы и кричали: «Бонзай», по-нашему: «Ура», значит. Таким образом мы прибыли в Дайрен 19 февраля 1916 года, где нас ожидал товарный крейсер. Дайрен, город, где проживали, в основном японцы, около 50 тысяч человек и в порту нас провожало много людей.

В этот день, к вечеру, построили нас на плацу, отслужили молебен, в полку у нас были одни православные, других не брали, загрузились на крейсер и отплыли. Я долго стоял на палубе, берег уплывал вдаль и думал, как судьба распорядится, увижу ли опять нашу землю, вернусь ли назад. Спустился в трюм, нашел свое отделение, там Антон забил мне нары рядом с собой, и мы поплыли. Вначале по Желтому морю, оно было беспокойное. Поднялись волны большие, стало нас раскачивать и корабль кидало то вверх, то вниз, вместе с ним у меня все внутри то поднималось, то опускалось. Многие из нас заболели «морской» болезнью, в том числе и я. Вылез на палубу, чтобы легче было дышать. Хорошо, что еще там натянули тенты, так что даже дождь не мешал. Три дня я не мог ни есть, ни пить, все сразу за борт выбрасывало, хорошо, что далеко ходить не пришлось. Наконец, погода более-менее наладилась, море успокоилось и захотелось кушать, но ничего ни есть, ни пить не давали. Видно боялись, чтобы судно не заблевали. Но кушать хотелось, и мы стали просить у матросов, чтобы что-нибудь дали пожевать, молодой организм требовал свое.

Наконец, на пятые сутки прибыли в порт Гонконг, там простояли двое суток. На берег нас не пускали, любовались им издали. К кораблю подплывали лодки с местным населением, малайцами. Они такие же как китайцы, небольшого росточка. Среди них были и негры, и индейцы. Мы объяснялись с ними с помощью пальцев. Простояли там двое суток и поплыли дальше по Китайскому морю и Индийскому заливу.

На пятые сутки, 2 марта, прибыли в порт Сингапур. На следующий день к нам подтянулся другой пароход «Ратушь Травиль» с нашими солдатами 1-го полка. Тут нас вместе отпустили на берег, построили и церемониальным маршем повели по городу. Люди с интересом рассматривали нас, а мы их. Много для нас было в диковинку: как человек вместо лошади запряжен в коляску и везет в ней другого человека. При этом даже бежит как лошадь. Наш священник тоже попробовал покататься. Видно было как разделяются люди на классы: белые, это в основном англичане, живут и одеваются богато, а местные работают на них и живут очень бедно: выполняют самые грязные работы и получают за это гроши. Питаются только рыбой и зеленью, многие не имеют даже своего дома и живут в лодках. Несмотря на сильную жару женщины работают с привязанными за спиной детишками, а те спят на ходу и головки только болтаются.

Вокруг корабля постоянно собирались местные на лодках и просили деньги. Наши офицеры развлекались тем, что бросали монеты в воду, а местные ныряли и доставали их со дна и опять просили. Они весь день собирали все, что падало с корабля.

Стоянка закончилась, и мы поплыли дальше по морю. С каждым днем становилось все жарче и жарче. В трюме находилось становилось невозможно и все повыползали на палубу: разделись и купались в соленой воде. Вначале было еще ничего, а потом сильно обгорели, даже кожа стала слезать и было больно, стали прятаться под тентом. Это было путешествие между Великим и Тихим океаном. Было интересно сидеть и наблюдать за водой: как носятся за кораблем стайки рыбок, а некоторые прямо летают как птицы. Кормили нас плохо, хлеба давали мало, а мясо воняло. Мы попросили увеличить питание, но полковник отказал, заявил, что нет. В тоже самое время офицеры пьянствовали и ни в чем не нуждались. Нас постоянно тренировали на случай нападения германской подлодки: выдали спасательные пояса и заставляли их одевать и снимать и разъяснили, что в случае поражения корабля, надо прыгать в воду и самому искать спасения. Хотя было охранение: сопровождали нас двое миноносцев и два крейсера.

Наконец, после 10-суточного плавания мы прибыли в порт Коломбо, на острове Цейлон. Окрестности города поросли богатой растительностью. Местные, звали их аборигенами, охотились на зверей и занимались рыбной ловлей. Среди них ходила легенда, что здесь рай земной и есть гора, на которой находится ступня громадного размера и называют ее Адамовой ступней. Легенда гласит что, когда бог выгнал Адама из рая, он уперся ступней и не хотел уходить, так эта ступня и осталась. Остров был богатой колонией Англии и Франции и проживали тут, в основном, индейцы.

Отправлялись мы из Коломбы под приветственные крики местных: «Най гур», что означало по-нашему: «Ура», на палубе оркестр играл прощальный марш.

Вышли в Аравийское море, через которое Моисей вывел евреев из Египта. По левую сторону виднелась Аравийская пустыня, а по правую: Синайские горы и все священные места Христа-Спасителя: Иерусалим, Иерихон.

20 марта мы прибыли во французский колониальный порт Джибути. Небольшой городишко среди песков и с малым населением. Простояли всего несколько часов и поплыли дальше. На корабле имелась походная церковь, где мы отправляли богослужение прямо во время похода под шум волн.

26 марта прибыли в г. Суэц, и названный его именем Суэцкий канал, который соединяет Красное море со Средиземным. Канал был прорыт англичанами в 1896 году имеет ширину 30 саженей и 135 верст в длину.

По нему мы проплыли в Соленое озеро, где встретили океанский пассажирский пароход «Лютетия». Он занимал третье место после американского «Титаника», погибшего от столкновения с айсбергом в 1902 году и английского парохода «Лузатония», погибшего от германской мины. Корабль был переоборудован под военное судно и имел 12 орудий, из них 4 орудия –тяжелых. На него пересели наши три роты. На озере мы простояли десять суток, подошел еще с нашими солдатами «Сантай», откуда к нам перевели две роты, а нас как старожилов, переместили по каютам. С питанием было плохо, в связи с чем вспыхнула маленькая забастовка из-за того, что выдали сухари с червями. Но жалобу нашу быстро удовлетворили и все успокоились.

В ночь на 10 апреля мы поплыли дальше, а днем встречали святую пасху. Как только рассвело, мы стали поздравлять друг друга и на завтрак нам выдали по два чайкиных яйца и по стакану вина. Пришел ротный командир и поздравил с праздником. В этот день все вспоминали как отмечают наши родные праздник, думают о нас. А мы тут сидим на палубе, смотрим на воду, хочется кушать, но несмотря на это, поем песни. Я написал даже стихотворение:

Под святой день пасхи мы всю ночь не спали.
Сидя на бортах ирмосы распевали и к утру,
Как только вспыхнула заря и луч солнца покрыл море,
Мы громко запели в тот радостный час «Христос воскрес».

И т. далее. Большое стихотворение. Я вообще любитель писать стихи, но не для большой публики.

Проплыли ночью город Порт-саид на Средиземном море, в порт не заходили, опасаясь немецких шпионов и нападения германских подлодок. Море стало беспокойным, поднялись большие волны и сильная качка, так что я опять ничего не хотел, стоял у борта и блевал. Судя по всему, морское путешествие мне не подходит, да и все мы устали. Двадцать дней ехали по железной дороге, пятьдесят два дня по морям и океанам, в общей сложности до города Марселя проехали свыше 30 тысяч верст.

12 апреля 1916 года в 12 часов дня прибыли в знаменитый порт Марсель. На берегу нас встречали много людей и криками приветствовали наше появление. Нам дали команду подготовиться к высадке на берег.

Примечание: «Соленое озеро» и другие наименования городов, кораблей и местностей указаны так автором в дневнике, хотя я некоторых не нашел в н.вр., вполне возможно, что просто искажено название.

Глава третья. Встреча во Франции.

Наконец ступили мы на землю окончательно. Оркестр, много людей, девушки нас потрогать хотят, и мы не против, но построили и повели вначале к ружейному складу, там выдали винтовки и повели в лагерь. Мы шли по дороге, а на обочине толпились люди, что-то кричали нам, но мы не понимали, но улыбались и махали им в ответ. Наш лагерь расположился в саду, где поставили палатки. Тут нас хорошо накормили, выдали даже печенье, варенье, папиросы и всякие гостинцы. Сад был огорожен и люди стояли вдоль него, мы подошли и общались. Некоторые из них говорили по-русски, а с остальными – на пальцах, благо научились во время путешествия.

На следующий день повели нас на прогулку по городу. При нашем появлении сразу появлялась толпа. Мы шли маршем во главе был французский оркестр, и мы пели песни. Женщины с балконов забрасывали нас цветами, кричали приветствия. Когда возвратились в лагерь посетил нас французский министр просвещения. А вечером, посадили на поезд и отправили вглубь Франции.

Ехали мы не в теплушках, как в России, а настоящих вагонах с купе, с окнами. Мимо нас проплывали поля, покрытые цветами, все уже зазеленело. Вдали виднелись горы, засаженные виноградником. Деревенские постройки почти не отличались от городских. Видны были шоссе, ведущие из поселка к поселку, вдоль которых засажены плодовые деревья. Из деревьев здесь растет сосна и ель, лесов почти не видно, везде кустарники. Вся Франция очень гористая, поэтому мы проезжали много туннелей. Станции везде чистые, ухоженные.

Прибыли мы на станцию Майя, где нас опять встречали с оркестром. Рядом находился лагерь, где нас разместили в бараках. Выдали койки, матрацы, одеяла и хорошую постель. А также бутылку шампанского на 4-х человек.

21 апреля начались занятия, опять маршировали, было много парадов и стоять приходилось по несколько часов. Погода стояла летняя, шел дождь, и мы были в одних рубашках, все промокли. Но после хорошо покормили и выдали по две пилюли, чтобы не заболели. Это вызвало у нас оживление и смех. Русского солдата дождь не возьмет, а болезни разные, тем более.

Так в тренировках и учениях по подготовке к боевым действиям прошло два месяца, знакомимся мы с французским оружием и перенимали боевой опыт ко всяким армейским специальностям.

12 июня в семь часов утра в полной боевой готовности полк построили на плацу, отслужили молебен и под музыку отправились на боевую позицию. Мы были с полной выкладкой, погода стояла жаркая и шагать было трудно. Проходили мы мимо деревушек, где, услышав наш оркестр, люди уже не толпились, а закрывали сразу винные лавки. Будто мы их грабить собирались. Много деревень пострадали от войны, дома стояли разбитые и видны много могил с французскими солдатами. Видно им сильно досталось от немцев.

16-го июня мы прибыли в местечко Мормилон (**Мурмелон-ле-Гран**). Находилось оно в 7 километрах от передовой линии фронта. Так началась наша война.

(Здесь и далее указаны наименования городов, как было в дневнике. Некоторые я нашел и указал, но не все.)

Глава четвертая. Война с германцами.

На следующий день нас направили непосредственно в окопы. Мы заняли боевую позицию. Многие себе не представляли, что их ждет и со страхом ожидали начало боевых действий. Но оказалось «не так страшен черт, как его малюют». Было тихо, никто на нас не нападал и даже не стрелял. Так мы простояли десять суток и возвратились назад в местечко Мормилон. А 29 июня был полковой праздник, и мы маршем прошли по городишко и в этот же день поступила команда: наш 3 батальон со знаменем направили на парад в Париж.

По прибытию в Париж нас построили в колонны и с музыкой, с песнями и со знаменем пошли маршем по городу. Прошли около десяти километров, нас опять встречали с криками радости, с цветами и улыбками. Разместили в одной из казарм и запретили выходить. Хотя у изгороди собралось много народу и хотели с нами общаться. Офицерство пригласили на торжественный обед в гостиницу, а нас просто проигнорировали. Но наступил вечер и затем ночь. наших солдат не остановил высокий 2-х саженный забор и, перемахнув через него, все разбежались по городу, оставались только караульные у ворот и знамени. Гуляли до утра, но вовремя собрались, надели новое обмундирование и маршем направились на площадь республики, где должен был пройти парад. Когда мы подошли, там уже стояли французские, бельгийские, английские, африканские, сенегальские, сербские, итальянские войска. Словом, собрались все союзники. Имелась артиллерия, кавалерия, пулеметчики, автомобилисты, велосипедисты и пехота.

Раздалась команда «Смирно!», «Равнение направо», - появился президент республики Пуанкаре во главе группы генералов он пошел мимо стоявшего войска и подошел к нашему батальону, поздоровался и направился дальше. Выделил нас из всей группы войска. Затем войска прошли церемониальным маршем мимо него, и все направились в город, перестроившись в колонну по взводно. Все улицы бы забиты народом и только полицейские не допускали к нам. Больше всех народ Франции приветствовал русские войска и кричали: «Авея руси», что означало: «Да здравствует Россия». Особенно горячо приветствовали нас женщины, которые махали своими шляпками и платочками, дарили воздушные поцелуи и цветы, папиросы и сладости. Наконец подали нам автомобили и отвезли в казарму, где мы ночевали. Опять дождавшись ночи, все ушли через забор в город гулять.

Утром нас построили и повели с городом знакомится. Вначале нам показали подъемную машину с огромным колесом, на котором висели маленькие вагончики. Нас посадили туда по три человека, и мы обозревали город с высоты птичьего полета. Париж в длину имеет 36 км, и в ширину 16 км. Возвышается над всем городом Эйфелевая башня высотой 300 метров. Затем мы возвратились в казарму, где нас накормили и опять пошли гулять в город уже в одних рубашках. Спустились в метро, находится оно на глубине 30 метров. Сели в вагоны и проехали несколько остановок, вышли на поверхность у Большого театра. Посмотрели концерт и опять с песнями пошли назад в казарму. Поужинали и нас отпустили гулять. Теперь уже не было никакой полиции и мадмуазели стали к нам подходить, брать под руку и шли рядом. В эту же ночь отвезли обратно на станцию и повезли назад в Мормилон.

А 20 июля мы уже стояли на передовой. Боев не было, нас не трогали, и мы никого не трогали, так простояли до 6 августа и сменились, отдохнули и опять 30 августа заступили. А 5 сентября начались бои. Вначале немцы стали забрасывать нас минами крупных калибров, а потом они пошли в атаку на наш участок. В ответ наша артиллерия открыла боражный огонь (заградительный) - каждый час выпускала по 250 снарядов. Когда к нашей траншее немцы приблизились на 50 метров, ротный поднял нас в атаку. Это была моя первая штыковая атака, было страшно, но рядом бежали мои товарищи и я побежал и кричал «Ура!», себя подбадривая. Первого немца заколол сходу, а потом было как в тумане: куда-то бежал, колол, падал, вскакивал и опять бежал. Отбились мы от немцев. Наши потери составили 10 человек, это погибшие, и 37 – раненых, 10 немцев захватили в плен.

После боя стало тихо и мы стояли на посту по 18 часов, так как не хватало солдат. Наконец нам пришло пополнение, дали 24 человека.

Наши офицеры стали дразнить немцев, несмотря на то, что было тихо. Создали группы разведчиков и ночью засылали в тыл врага. Я был здоровым парнем и меня включили. Однажды ночью мы даже ворвались в траншею к немцам и захватили 6 человек пленными. За отвагу я был первый раз награжден Президентской медалью Франции. По вечерам офицеры собирали у себя солдат, которые хорошо пели и в штабе устраивали концерты: пели песни под гармошку и танцевали. Вначале немцы слушали, а потом стали обстреливать из артиллерии и убили одного из наших.

20-го сентября мы отошли в резерв, где простояли 10 дней. Нас сменила третья бригада, 5-й полк сменил 2-й полк, 1-й полк сменил 5-й полк.

Первого октября в три часа дня нас повезли на автомашинах со знаменем в город Шолоне (Шалонь-ан-Шампань) и разместили в лагере, в бараках, в местечке Майи (Майе). Пробыли там один месяц, с нами постоянно проводились занятия и тренировки, скучать не приходилось.

12 ноября нас решили перебросить на другой участок фронта. Построили в 6 часов утра, отслужили молебен и с музыкой отправились колонной в место назначения: в местечко Шампань Майи (Майи –Шампань). Шли мы трое суток, с ночевкой. Местность это называлась Марне (Марна - департамент во Франции) –земля плодородная и там было высажено много виноградников. По пути видели разоренные местечки, разрушенные немцами во время наступления. Заняли мы позицию в форте Помпель (форт Ла Помпель), 9 км от города Реймса. 12 декабря наступило католическое рождество и нам дали гостинцы, а вечером французы устроили немцам из артиллерии порядочную канонаду.

20 декабря нас сменил 1-й батальон, и мы ушли в деревню Люд. Пока отдыхали стали плести плетни для траншей, чтобы земля не обваливалась.

Наконец, наступило Рождество Христово. Собрали деньги и отправили солдат в деревню сделать всякие закупки продовольствия и вина. Отметили праздник и завалились спать. Каждый из нас вспоминал наших родных и думал, как они разговляются, а мы тут валяемся в темном лесу.

Затем наступил Новый – 1917 год. Первого января мы были в карауле в деревне Шини (Шиньи), а 5 января в 5 часов утра ушли на передовую. Погода стояла морозная, на посту стыли ноги. Мы умудрились набрать соломы в мешки и засунуть их в сапоги, так было теплее.

19 января на французскую дивизию и нашу 3 бригаду немцы пустили газ и очень много солдат отравились.

28 января разведчики нашего полка и первого полка двенадцатая рота ночью проникли к немцам в траншею и взяли двух пленных. В ответ немцы спохватились и начали обстреливать нашу позицию тяжелыми снарядами и один из них угодил прямо в землянку: погибло 4 человека и шестеро ранено, а другой газовый снаряд попал в околодок (не нашел, что это может быть), где было отравлено 9 солдат и один прапорщик, имевший все степени крестов и медалей.

2 февраля нас отвели в резерв в деревню Корусели (Корселле), где переночевали, а утром опять бросили на передовые позиции, попали под обстрел, немцы нас здесь постоянно обстреливали.

4 марта появился слух, что царь Николай отказался от престола и сложил командование на своего брата Михаила.

7 марта сменились с позиции и отошли в резерв.

24 марта немцы бомбардировали город Реймс и выпустили по нему 30 тысяч снарядов. По всему городу начались пожары и горели они трое суток.

Тут нам зачитали приказ, что разрешают создавать солдатские комитеты. А некоторые командиры начали нас стращать, что хотят нас расстрелять из пулеметов чернокожими, если будем чего-то добиваться.

1 апреля мы были в деревне Корусели (Корселле) возле города Реймса, приближался день святой пасхи. В связи с этим нас отпустили в город, мы набрали продукты и вина, все чтобы отметить этот святой день. Пасха начиналась 2 апреля. Этот день выдался теплым, весенним. Солнышко ярко светило, природа стала оживать, на деревьях набухли почки и птицы весело щебетали. Хорошо бы в такой день быть на Родине, среди родных и близких, поэтому особого веселья среди нас не было. Утром мы встали, умылись и поздравили друг друга с праздником Светлого Христова воскресения. Солдаты делились друг с другом всем, что у нас было, даже деньгами, ничего не было жалко и ничем не дорожили. Никто из нас не знал, что будет с нами завтра, могут все погибнуть. С этим настроением мы стали укладываться спать и тут приходит приказ: быть готовым к часу ночи выступить на позиции.

Погода испортилась, пошел дождь со снегом, и мы по этой грязи пешком. Прошли деревню Тиль, начало светать... 3 апреля немец начал обстрелы со снарядами, начиненными газом: погибли две лошади и два солдата. В шесть утра пошли в атаку 1 и 2-й батальоны, мы стояли в резерве. Потери среди наших солдат были большие: под проволокой – возле передней линии немцев лежали срезанные огнем целые цепи наших героев. За 15 минут наши захватили четыре линии окопов, сбили немецкий аэроплан и захватили десять тысяч пленных, много пулеметов, орудий и боеприпасов.

Страшно было смотреть на изуродованные тела и слышать стоны раненых, которые лежали на поле боя и от больших мук просили пить. Те, кто мог, пили прямо из луж с водой, смешанной с кровью погибших, которые горами лежали тут же на поле битвы. В ротах осталось жалкие остатки уцелевших – человек по 30-40 в роте. Офицеров погибло и было ранено около 75%. Здесь тысячи наших братьев заснули вечным сном и были похоронены в братских могилах по 30-40 человек в каждой яме. К нашему счастью немцы не пошли в контратаку, а то бы нам никому не вернуться с тех Реймских хмурых полей.

Наша бригада разбила 3 немецкие дивизии: 203, 202 и 376. Сменились мы с позиции в 10 часов вечера 6-го апреля.

Глава пятая. Служба.

7 апреля мы вернулись в деревню Корусели (Корселле), где я встретился с Михаилом Максимовичем Бобковым, Зоркой Тучковым и Оспинкой. Расположились на зеленом лугу, взяли две дюжины пива и поговорили обо всем. В этот же день отправили нас в деревню Сарты. Там я встретил своего знакомого из 2-го батальона, Мизалева, он рассказал, что мой родственник, который был призван в одно время со мной, Василий Егорович, был ранен, но остался в траншеях.

9 апреля мы пошли в поход и 14 апреля в 10 часов пришли в город Эперне, затем в деревню Фабриянш (?), где нас расположили по навозным конюшням. Запах был смердящий, мы убежали на улицу. Здесь начали проводить тайные ротные собрания для выборов в солдатские комитеты. Несмотря на имеющиеся приказы о разрешения комитетов, офицеры были против и не разрешали.

На них солдаты решили 1 мая отметить манифестацией и выйти с красными знаменами, устроить митинг. Собрались без разрешения офицеров в 9 часов, построились с красными знаменами, в парадной форме и тут стали подходить офицеры – наш командир батальона подполковник Жданов пошел впереди и колонной мы направились в деревню Хонжи (Конжи). Там встретили 2-й батальон, тоже со знаменем, где был написан лозунг: «Да здравствует революционная русская армия». На другом, черном знамени написан был лозунг: «Вечная память павшим борцам за свободу». Когда подходили заиграл оркестр песню: «Отречемся от старого мира, стряхнем его прах с наших ног...». Все радостно заулыбались и подхватил ее. Вскоре к нам подошел еще 1-й батальон, который мы тоже встретили музыкой. Вскоре подошел полков-

ник Иванов и начался митинг. Некоторые офицеры развернулись и ушли. Начались выступления, и многие говорили о наболевшем. В это время прибыл генерал Лохвицкий, взял слово и стал «напевать» как старая корова жевала сено», про каких-то попов, врачей. В конце концов его освистали и согнали с трибуны. Весь полк взял на караул, и музыка заиграла похоронный марш, затем мы прошли церемониальным маршем.

После обеда мы направились гулять в парк, где играла музыка и отдыхали там до отбоя. День прошел спокойно.

После митинга стали организовывать ротные и полковые комитеты: выбирали по 4 человека от полка для отправки в Петроград, чтобы они выяснили, что ждет нас, солдат, находящихся во Франции и решения вопроса, как вернуть домой и выручить нас из положения, в которое впутал Николай второй-предатель.

4 мая наши делегаты: Щеглов, Шишов, Златков и Косураев на полковом автомобиле и с красным знаменем отправились в путь.

Офицеры провожали их вместе с нами и обещали предоставить нам хороший лагерь.

12 мая мы отправились на поезде поближе к Вердену и везде, где мы проезжали, уже стояли французские патрули и свирепо смотрели на нас.

15 мая мы прибыли в деревню Соммерикур. Этот лагерь был беднее всех, где мы побывали. Разместили нас в коровниках, на втором этаже. Внизу находился скот. Тут мы потеряли всякое уважение к офицерам, которые обещали хорошие условия, но обманывали, как при старом режиме, то же самое творили и при новом.

После переезда мы стали собираться на собрания, нас очень беспокоили новости из России и пытались выяснить, что там происходит. К нам приехал комиссар Рап, который объяснил некоторые вопросы, но это мы и без него знали из газет. По письмам наших товарищей из госпиталей, стало известно, что отношение к ним после переворота в России резко изменилось. Их стали называть «бош», что означает - враг или немец. Их уже содержали как пленных. И они просили помощи.

Мы послали свою комиссию по госпиталям и стали добиваться, чтобы всех наших раненых свезли в один госпиталь Мишле (действительно был такой госпиталь в 1-ю Мировую войну, но его ликвидировали), который находился в Париже. Однако французские власти поступили иначе, вообще уничтожили этот госпиталь. Через комиссара Рапа мы стали требовать, чтобы нас отправили в России воевать или убрали с фронта во Франции.

От своих товарищей с русского фронта приходили письма, что «Россия в настоящее время получила свободу, а вы во Франции проданы за снаряды Николаем кровавым. Россия в опасности, спешите помочь стране, а не буржуазной Франции». Нас такие письма очень расстраивали.

29 мая состоялся ротный праздник, где выставили нам 6 бочек пива и 6 бочек вина. Мы же ротному командиру подполковнику Жданову подарили портсигар и мундштук всего за 200 франков.

Вся местность, где мы располагались именовалась Вогезы, недалеко от городка Эфгшто (?) и простояли мы тут до 10 июня. Мы стали требовать, чтобы все наши войска, находящиеся во Франции, были размещены в одном лагере, где мы могли бы организоваться и действовать совместно, так как доверие к офицерам было потеряно. Была создана комиссия от каждого полка по два человека и послана подыскать такой лагерь. Комиссия возвратилась 31 мая и доложила, что нашли такой лагерь для всей дивизии со всеми удобствами.

Вскоре к нам приехал генерал Занкевич вместо Полщина, который нам рассказал, что он является представитель русских войск во Франции и все наши требования будут удовлетворены, о чем он сообщит через наших делегатов и уехал.

10 июня мы погрузились на поезд и поехали в новый лагерь под названием Ля Куртин.

Глава шестая. Лагерь Ля Куртин.

12 июня 1917 года в 7 часов утра мы прибыли в лагерь Ля Куртин. Он представлял собой небольшой городок. Двухэтажные корпуса были расположены в одну линию стройными рядами. Около них располагались много магазинов и ресторанов, где мы могли закупить все, что нам требовалось в солдатской жизни.

Разместили нас по казармам, выдали новые постельные принадлежности, и мы были полностью удовлетворены. 16 июня в лагерь прибыла третья бригада, которую офицеры настроили против нас, а нас против них. Нам говорили, что в ней служат больше татар и пермяков, которые неграмотные. На этой почве начались столкновения между солдатами, особенно когда напивались.

С 19 июня был дан приказ начать занятия по подготовке на фронт. Мы стали требовать, чтобы нас отправили на русский фронт для защиты своей Родины, а не Франции. Отношение в ней к нам, русским солдатам, окончательно испортилось после революции в России, и никто из нас не хотел за них воевать.

22 июня с утра стали проводить собрание под звуки музыки, с красными знаменами и криками «Ура». В окнах наших казарм 1 и 2-го полков, были зажжены по 2-3 свечи в память всех погибших наших солдат во Франции. Некоторые хотели пойти в казарму к третьей бригаде, но нас предупредили, что у них выставлены пулеметы и могут по нам открыть огонь. Мы отказались от этой идеи.

23 июня было проведено бригадное собрание, где участвовали все солдаты нашей бригады, на нем избрали председателем Болтайса и проговорили до темноты. После окончания пошли на гору, где располагалась третья бригада, те тоже вышли нам навстречу с музыкой.

24 июня опять собрание, на которое пригласили генерала Занкевича. В своем выступлении он заявил, что в связи с имевшими место столкновениями между нами, он нас разъединит и предложил, что кто хочет идти на французский фронт, завтра пусть выходит из лагеря. А кто не хочет – остается. На следующий день из лагеря ушли четыре тысячи человек: в основном писаря, денщики, конюхи, фельдфебели и все офицеры, за исключением полковника Котовича и командира минометной команды капитана Пикульского. 12 тысяч солдат остались в лагере и приняли меры для сохранения полнейшего порядка с требованиями отправки в Россию.

29 июня состоялся полковой праздник второго полка. Они построились в караульной форме на плацу. Первый полк построился без оружия и парадом командовал подпрапорщик. Порядок был идеальный, состоялся даже молебен, но без священника, который убежал, забыв про стыд и свои слова: «горе имевшим сердце, Христос учил так, что хотя бы был злой лиходей и то не должен уходить». У нас было 6 священников и все сбежали за золотыми погонами, бросили свою паству и пошли за четырьмя тысячами, а двенадцать тысяч бросили просто так.

После молебна мы прошли церемониальным маршем по плацу и потом оркестр играл в течение трех часов, нас развлекал. День прошел спокойно.

15 июля председатель отрядного совета и секретарь Волков сложил с себя полномочия. Избрали нового – Кидяева.

19 июля в семь часов вечера состоялось собрание, в котором участвовал Смирнов, приехавший из Стокгольма и участвующий там в конференции. Он рассказал нам о положении в России и сказал, что на следующий день приедут еще товарищи.

20 июня в собрании уже участвовали Смирнов, комиссар Рап, Морозов, Иванов и другие. На собрании был зачитан приказ:

копия

Приказ №34 по русским войскам во Франции

17 (30) июля 1917 г. гор. Париж

15(28) июля мной получена телеграмма от военного министра г. Керенского за №3172, где вопрос о возвращении войск наших, здесь находящихся, в Россию решен категорически отрицательно. Наоборот временным правительством предусматривается, по стратегическим соображениям, возможность отправки 1-й особой дивизии на Солонический фронт.

В той телеграмме мной получен следующий приказ: ввиду брожения и нарушения дисциплины в 1-й русской бригаде во Франции военный министр находит необходимым восстановить в этой части порядок самыми решительными мерами, не останавливаясь перед применением вооруженной силы и руководствуясь только что введенным положением о военно-революционных судах с правом применения смертной казни.

Подчинение 1-й бригады воинскому долгу возлагается на 2-ю бригаду, дабы избежать если возможно, вмешательство в это дело французских войск.

16 июля в телеграмме №60163 военный министр приказал: «приказываю привести в повиновение 1-ю русскую бригаду на французском фронте и ввести в ней железную дисциплину в частях, пользующихся свободой собраний, для неповиновения распоряжениям командного состава, собраний не допускать. Преступные элементы, вносящие разложения, немедленно изъять и предать суду, ввести военно-революционные суды и не останавливаться перед применением в крайности расстреляния по приговору суда».

Во исполнение сего даю срок 48 часов с тем, чтобы солдаты лагеря Ля Куртин одумались и сознательно изъявили полную покорность и подчинение всем приказам и распоряжениям временного правительства, и его военным представителям. Требую, чтобы в знак изъявления этой покорности и полного подчинения солдаты в полном походном снаряжении, оставив огнестрельные и холодные оружия на месте, выступили из лагеря Ля Куртин на место бывшего бивака 2-й бригады при станции Клеравое, данный мной срок кончается в 10 часов утра в пятницу, 21 июля.

К этому сроку все вышедшие из лагеря Ля Куртин должны построиться на указанном выше биваке в полном порядке по полкам и поротно.

Все те, которые останутся в Ля Куртине, будут рассматриваться мной, как бунтовщики и изменники Родины, в отношении их я приму немедленные предоставленные мне решительные меры.

Предупреждаю, что только указанный выше выход из Ля Куртина я буду считать единственным доказательством изъявления покорности и подчинения. Никакие условные просьбы и заявления мной не принимаются.

Военноследственной комиссии, образованной генерал-майором Николаевым согласно приказу моему за №33 п.4, предписываю немедленно приступить к производству следствия.

Подлинно подписал: генерал-майор Занкевич

С подлинным верно подполковник пан Памарнацкий.

После зачетки столь строгого приказа весь отрядный комитет и еще много малодушных ушли. Всего – около одной тысячи человек. Жители из близлежащих домов, вышли ожидая обстрела артиллерией, так как их предупредили. Вокруг лагеря был выставлен французский караул, чтобы нас не выпускать. Между тем, солдаты, которые остались в лагере вновь избрали новые комитеты и решили не подчиняться приказу.

22 июля состоялось дивизионное собрание и на нем решили выйти из лагеря и идти на соединение с 3-й бригадой.

В час дня бригада построилась в полном составе в колонны по отделениям, без оружия, в одних поясах и с музыкой вышли из лагеря. В километрах пяти нас встретил генерал Лохвицкий и полковник Готуа, они вызвали делегатов от каждой роты и сказали, что нас через пять километров ожидает генерал Занкевич. Несмотря на это мы пошли вперед и тут нас встретил усиленный караул с пулеметами под командой офицера. Все солдаты были с вооруженными винтовками и недружелюбно на нас смотрели.

Мы все же пошли дальше и пройдя три заставы увидели раскинутый бивак-палатки как у киргизов в Сибири, в них были наши солдаты, которые ушли из лагеря. Мы построились поротно и пошли дальше. Тут нас встретил генерал Занкевич, который поблагодарил нас, за то, что мы его послушались и велел подождать наших офицеров, которые примут командование. А завтра мы начнем сдавать оружие и поставим свой караул. Мы прождали около часу и подошли офицеры нашего полка, а со 2-го полка никто из офицеров не появился. После чего мы вернулись в лагерь, где нам выдали хлеб и больше ничего.

23 июля поступила команда сдать винтовки, однако офицеры не появились и тогда мы ушли на отрядное собрание. Здесь было принято решение, оружие не сдавать до тех пор, пока нам будет угрожать опасность и пошли проводить занятия.

24 июля в 8 часов утра пошли на занятия. Мы проводили их регулярно в течении четырех часов. Вечером, в 6 часов, мы построились на плацу в караульной форме. На нашем параде участвовали 6 солдат и 3 офицера, делегаты от артиллеристов, которые ехали в Солоники. Они хотели выяснить, чем могут нам помочь выйти из создавшегося трудного положения.

25 июля мы выбрали делегатов для встречи с генералом Занкевичем и собрали для них с каждой роты по пять франков на расходы.

26 июля возвратились делегаты от артиллеристов, которые встречались с генералом Занкевичем и рассказали, что французское правительство взяло нас под свою опеку и они не смогли ничем нам помочь.

Мы навели в лагере хороший порядок, но если кто из солдат выходил наружу, то французские солдаты их отлавливали и отправляли в третью бригаду, где им создавали весьма сложные условия жизни в окружении враждебно настроенных солдат. Офицеры были недовольны, тем как мы поддерживаемый порядок в лагере и засылали к нам провокаторов из третьей бригады, которые стремились сеять смуту среди нас. Но мы стояли на своем, за председателя у нас был Симченко. Затем третью бригаду отправили в лагерь Курно.

7 августа нас лишили суточного жалования, вина и хлеба, выдавали ограниченное количество говядины, только половину порции на брата. В ответ мы решили обратиться к французскому командованию.

Письмо Главнокомандующему Французской армией. 7 августа 1917 года.

Ввиду случившегося переворота в России, не имея точных официальных сведений о положении дел в России, так как от нас все скрывали, обманывали чуть ли не на каждом шагу, мы солдаты 1-й особой пехотной бригады потеряли всякое доверие к своим офицерам, вследствие чего обострились отношения к нашему командному составу и недоверие к офицерам осложнилось вместе со зверским отношением их к нам – солдатам, со дня прибытия нас во Францию.

По приезду нас во Францию офицеры смотрели на нас как на своих рабов: секли розгами, не считаясь с принципами гражданства, они на каждом шагу старались озлобить солдат, унижить до самой полной низости. Каждый офицер считал себя повелителем бить солдата в морду или даже высечь розгами. Это было их любимое занятие.

Солдату не давали вина, которое полагалось ему каждый день, ему не давалась полностью пища, которая полагалась ему по раскладке. Нам говорили, что мы русские, поэтому

мы должны исполнять законы русские и не требовать того, что есть во французской армии, а теперь, после переворота в России, мы получили свободу, равенство и братство. А офицеры нам говорят, что мы во Франции, а поэтому должны подчиняться французским законам.

Против законов Франции мы не шли и не наше дело вмешиваться в политику в чужой стране. Во Франции ведь свое правительство и свои солдаты, они сами могут решить судьбу своей страны и Родины; решать судьбу нашей Родины, находясь здесь, мы не можем, согласно приказу, из России 3215.

Мы потребовали от офицеров декларацию прав солдата, гражданина, но с этого переворота в России у нас до сего времени ее нет.

Офицеры, считая себя бессильными, согласно этому приказу, возмутили солдат и разбили нас в лагере, раздел был по приказанию генерала Занкевича: первая бригада осталась и часть третьей бригады в лагере Куртине, остатки третьей бригады ушли в Фельтен.

Офицеры по приказу генерала Занкевича должны были остаться в ротах, но вышло наоборот – офицеры бросили свои посты, и все убежали от нас в третью бригаду, а нас называли бунтовщиками, тогда как со дня прибытия во Францию не было никаких беспорядков в 1-й бригаде.

Нам то и дело давали ультиматумы: первый ультиматум был предложен генералом Занкевичем – 48-часовой срок, после чего он хотел расстрелять нас из артиллерии и пулеметов. 2-й ультиматум – не давать нам пищевых продуктов и издал приказание обезоружить нас, окружил нас кругом французскими войсками, был издан приказ выйти навстречу 3-й бригаде для соединения на станцию Клерово (станция Клермон - Ферран), для примирения и принятия нас офицерами, вследствие чего мы – солдаты 1-й бригады вышли без оружия на назначенное место и нас атаковали пулеметами.

3-я бригада хотела силою оружия оставить нас в степи, офицеры не приняли свои роты и не пошли с нами в лагерь Ля Куртин. Нам пришлось возвращаться без офицеров.

Генерал Занкевич сделал распоряжение, чтобы мы сложили свое оружие, но мы солдаты 1-й особой пехотной бригады постановили, что оружие, омытое нашей кровью в боях под Курси и также пока нашей Родине, грозит опасность сдавать ни в коем случае не желаем и впредь еще не отказывались от фронта, где мы еще можем защитить свою родину от немца и покажем всему свету, что мы не изменники, как нас называли наши офицеры. Мы покажем свои боевые подвиги, как показали мы под Курси в апреле месяце.

Теперь по распоряжению генерала Занкевича, согласно изданному им приказу, мы не считаемся войсками, кто же мы? Неужели после столь боевых подвигов, простояв на фронте во Франции более 9 месяцев, мы стали пленными или арестованными. Мы окружены кругом патрулями и нас никуда не пускают из лагеря, даже не можем пойти в местечко Куртин по своим надобностям, нам не дают солдатского жалования и суточных денег с мая месяца, у нас солдаты ходят босые и раздетые и нам не дают никакого обмундирования, которое заперто в цехгаузах начальством. Все от нас отказались, кто тогда должен побеспокоиться о тех солдатах в количестве более 9 тысяч человек, находящихся в лагере Ля Куртин, если мы не считаемся боевой единицей? Здесь нам не хотят дать фронта, но мы просим, чтобы нас отправили в Россию, на русский фронт – там мы покажем свою боевую способность, где оценит наш подвиг вся Россия.

Мы не можем спокойно сидеть здесь и смотреть как гибнет наша родина, мы хотим знать, кто нас бросил здесь на произвол судьбы, при таких обстоятельствах? Жизнь наша невыносимая, мы верные сыны свободной России, верны задачам русской революции!

Солдаты честно клянутся по силе и умению исполнить свой долг на родной земле, мирясь с денежным довольствием, обмундированием, которые нам не дают вот уже 3-й месяц. Нас лишили хлебного довольствия, вместо 2-х франков 2 сантимов нам отпускают 1 франк 38 сантимов, а при такой дороговизне продуктов мы остаемся голодные.

А теперь мы просим французское правительство войти в наше положение, разобрать наши дела и просим снять находившийся в лагере Ля Куртин надзор за нами, как над пленниками и опровергнуть все ложные слухи, что мы, якобы, разбили в местечке Ля Куртин все магазины, перебили жителей – как вам говорили наши офицеры, которые приезжали по делам службы.

Просим открыть все картины, находящиеся в лагере Ля Куртин все эти вздорные слухи и притеснения подрывают доверие солдат.

Просим дать нам ваших офицеров, хотя бы по одному на батальон, для наблюдения за ходом занятий и подготовки нас на фронт до прибытия наших делегатов 1-го и 2-го полка из Петрограда вместе с командным составом.

Ответ на наше письмо был таков:

«Французская главная квартира, разобрав эти строки письма отвечает, что французские власти не могут вмешиваться в распоряжения русских войск и французская республика не может разбираться с вашими делами, у вас есть свои представители, а затем просим принять возвращенные ваши бумаги, которые переданы коменданту».

11 августа было поймано 11 французов, которые носили прокламации от 3-ей бригады, выяснили в чем дело и отпустили.

12 августа прибыли к нам офицеры. Они сказали, что от временного правительства. Собрали отрядное собрание с их участием. Председателем отрядного совета был Глоба. На нем офицеры стали выяснять: почему не хотим идти на французский фронт. Наши представители их спросили, а почему они не хотят выяснить про наши наболевшие нужды? Офицеры предупредили нас, что если мы не пойдем на фронт, то генерал Занкович уморит нас голодом. В ответ делегаты сказали, что итак мы получаем половину пайка. На этом разошлись каждый при своем мнении.

Не прошло и двух часов, как позвонил генерал Занкович по телефону, велел построить бригаду на занятия, а делегатам всех рот прибыть к нему в деревню. Посовещавшись с отрядным советом, решили делегатам никуда не идти.

15 августа в лагерь прибыл священник для несения церковной службы. Он произнес проповедь, что мы заблудились и предложил забрать вещи и идти в 3-ю бригаду.

16 августа к нам прибыл делегат 1-й бригады товарищ Второв, которого мы отправляли в Петроград, для доклада там о наших нуждах. Он рассказал, что доложил все временному правительству и к нам едет комиссия для разбора всех дел.

23 августа приехал на автомобиле французский генерал, который снял с поста русского часового и обезоружил, окружив его французским караулом. Часовой убежал, оставил свою винтовку французам.

25 августа в лагерь к нам прибыли генерал Беляев с несколькими офицерами и предъявил ультиматум: если мы не сложим оружие, то нас расстреляют из артиллерии и силой заставят подчиниться. Однако мы отказались.

27 августа к нам прибыли делегаты от 2-й бригады в количестве 26 человек и заявили, что у нас есть единственный выход - это сдать оружие и прочитали телеграмму: «Кто только сложит винтовки, тот немедленно будет отправлен в Россию».

31 августа мы поймали русского во французской форме, и он признался, что послан от 3-й бригады пропагандировать и рассказал, что их бригада стоит в 7 км от нас. Вечером к нам прибыли делегаты от 3-й бригады и заявили, что завтра к нам на соединение придут их солдаты, чтобы не стреляли в них и остались у нас на ночевку.

Жители из близ лежащих деревень все выехали, остались только мы. Французский караул тоже отошел подальше и окопался, установил проволочное ограждение.

1 сентября в 9 часов утра появились идущие поротно 3-я бригада. Обошли лагерь вокруг, расположились в горах, окопались и выставили пулеметы и нам зачитали ультиматум:

Солдаты лагеря Ля Куртин!

Я получил приказание от представителя временного правительства привести вас к повиновению силой оружия. Объявляю:

1. Вы должны сложить все ваше оружие в лагере для дальнейшего приема его французскими войсками.

2. Выйти из лагеря без оружия, но с палатками, на пропускные посты по дорогам:

а) на запад Сендени (Сен-Дени –пригород Парижа).

б) на северо-запад на Фелтен (коммуна).

в) на север по дороге Бойсад (?).

г) на восток по дороге севернее озера Наораду (?).

3. Всякий выходящий из лагеря вооруженным будет встречен мной огнем.

4. Точно также будет встречена огнем всякая попытка хотя бы и невооруженных людей проникнуть в деревню Куртин.

5. По тем, кто не положит оружие и не выйдет из лагеря до 10 часов 3(16) сентября будет открыт артиллерийский огонь.

Генерал Беляев 1 сентября 1917 года.

Но этому приказу тоже никто не подчинился.

1 сентября 1917 года был напечатан бюллетень:

Товарищи солдаты лагеря Ля Куртин! Много нам пришлось потерпеть горя и нужд за время пребывания в лагере Ля Куртин. Много сыпалось угроз, обвинений в лагере Ля Куртин на наши головы со стороны нашего начальства.

Сначала нас лишали денежного довольствия и хотели запугать, но вспомните, товарищи, что дороже: деньги или же любовь к родине? Потом на нас посыпались ультиматумы, за стражаемые расстрелом. Мы крепко решили бороться до конца, идя к желанной цели, которая почти достигнута.

Товарищи! Еще один шаг терпенья, и мы спасены. Сейчас быть может перенесли последние испытания, которые должны кончиться скоро, если нас окружили кругом цепи наших солдат с офицерами, которые хотят быть может напиться братской крови.

Но знайте, товарищи, что этого не должно быть.

Наши товарищи-солдаты этого не позволят, так как они ее видели на позиции под Курси, а если эти денщики, писари, конюхи, подпрапорщики, которые там на позиции сидели по землянкам, то у них нет оружия, так как они его побросали, когда бежали от нас, спасая свои погоны. Франки и теперь нам не дают хлеба, думая, этим покорить нас и подчинить себе.

Товарищи, да неужели вы, после столь трудной борьбы испытаний, решитесь бежать к ним, тогда как вы, все оставшиеся в лагере Ля Куртине ... честно клялись стоять друг за друга все за одного и один за всех. Теперь минута терпения и мы спасены ...

Товарищи, я прошу и умоляю поддержите порядок, будьте хладнокровны и спокойны. Не бойтесь того, что нас страшат расстрелом. Этого быть не может, чтобы наши товарищи стали стрелять в нас. Нет это недопустимо. Я называю того братоубийцем – Каином и пусть он будет проклят, как бог проклял Каина за убийство своего брата Авеля! Пусть ему тогда не будет места и в России, пусть он будет преступником и изменником Родины и революции.

Я считаю всех правыми. Быть может и мы виноваты перед Родиной, но я не хочу насилия над нами. Если мы виноваты, то пусть нас судят в России, а не здесь. Если здесь очернили как изменников и бунтовщиков, то мы не бунтовали и не отказывались от фронта, а с великой радостью поедem на фронт там – в России.

А если здесь получился такой раскол, то кто виноват в этом? Виноваты мы или они, делая такой раскол? Но теперь не должно быть насилия – пусть идут и соединяются вместе с нами. Здесь не должно быть место оружию.

Товарищи, найдите слова спасителя, которые он сказал апостолу Петру, когда его предали на смерть: «Петр, сложи меч свой в ножны твои, так как, кто обнажит меч, тот от меча и погибнет».

С моей стороны я прошу вас, товарищи, и умоляю, избегайте той крови, которые жаждут некоторые наши товарищи и офицеры, которые поят наших товарищей вином в том лагере лишь бы от безумья открыли по нам стрельбу.

Но знайте, товарищи, что там найдутся такие люди, которые с чувством братской любви к нам не позволят тем безумцам по нам стрелять. Но если прольется невинная кровь за наш лозунг любви к родине, то имена тех лиц будут записаны на скрижалях павших борцов за свободу революционной России, как и те борцы, которые похоронены на Марсовом поле в Петрограде.

Пусть кровь брызнет в глаза тем безумцам, которые совершают это преступление. Дабы избежать этого еще раз прошу вас, будьте осторожны и благоразумны. Порядок, спокойствие это наше–спасение, а беспорядок – наша гибель.

От души прошу берегите себя от насилия и беспорядка

Знайте было написано воззвание в 3-ю бригаду, которая нас окружила.

«Товарищи солдаты 3-й бригады, не время считаться нам с вами в своих интересах, тогда как нашу мать – Россию, коварный немец терзает со всех сторон. Что вы делаете? Поднимаете свои штыки на своего брата, который с распростертыми руками ждет вас для соединения и потом нам сплотиться воедино и спешить скорей на помощь своей дорогой Родине, истерзанной, окровавленной врагом в продолжении 38 месяцев. Она нас ждет к себе, чтобы мы скорей возвратились на родину и защитили ее от врагов и скорей залечить ей до того наболевшие раны.

Мы солдаты лагеря Ля Куртин просим и умоляем вас, идите, мы примем вас как своих дорогих братьев, а потом будем спешить туда – для спасения нашей дорогой Родины, забудем все прошлое и поспешим поскорей соединиться, мы вас просим!

Что вы хотите делать – это позор, чтобы мы подняли руки на своих братьев? Скажите, кто это вас научает и ведет на это дело? Неужели мы враги и изменники родины? За что? Если мы не сдаем оружие, то разве мы изменники? Почитайте газету 352 пр.26 от 6 мая 1917 года, где сказано: «Отечество в опасности, долг каждого гражданина защищать свободу и независимость страны. Предатель тот, кто советует сложить оружие, тогда как свирепый враг терзает нашу дороую родину».

Так что же вы от нас хотите? Вы думаете, что мы поднимем винтовки на своих братьев? Нет, этого не будет, мы их поднимем только тогда – против наших врагов немцев там – в России. А сейчас еще раз просим и умоляем, идите к нам и ведите своих офицеров.

Мы вместе соединимся и с радостью под командой своих офицеров пойдем против нашего врага – немца, борясь и умирая за свою дороую родину.

Неужели вы здесь хотите пролить невинной братской крови? Что за идея, что за причина заставляет вас ходить по горам, тогда как мы с радостью вас встретим. Открыты вам ворота! Ради бога, просим и умоляем вас, забросьте свои грустные планы.

Неужели вы хотите напиться товарищеской крови, а может быть даже братской? Это позор – поднятие руки на своего брата – завтра же узнает весь свет, а также коварный враг – немец, которому это на руку, что и поднимает дух в немецких войсках.

Что тогда скажут про нас там – в России? Что скажет наша мать-Родина и что скажут отцы, матери, жены дети?

Тогда-то, действительно, мы будем бунтовщиками и изменниками родины.

Товарищи, не посрамите себя и нас, над нашими раздорами смеются даже в союзной стране Франции.

Довольно вам странствовать по пустыням и горам, искать то, чего вы не потеряли и жать то, что вы не сеяли. Если вам дорога родина, то идите и командуйте. Но чтобы мы сложили сейчас вам винтовки – этого не будет!

Просим, идите открыто – мы вас всех встретим с почетом и музыкой.

От солдат 1-й особой пехотной бригады лагеря Ля Куртин.

Но перестрелка началась 1 сентября, но только оружейная, а 2 сентября мы получили воззвание такого содержания:

Воззвание

«Товарищи солдаты, лагеря Ля Куртин. Много нам пришлось перетерпеть горя, испытаний за время пребывания в лагере.

Товарищи, быть может еще придется испытать, но мы должны преодолеть все их угрозы, как например: не дать денег, но мы без них можем прожить; хотели уморить нас голодом, но и это мы выдержим; грозили расстрелять нас артиллерией, но мы не испугались; хотели нас обезоружить, но это им не удалось.

Я думаю, товарищи, что ни один из нас горячо любящий дорогую свою Родину, свободную Россию, не бросит своего оружия до тех пор, пока не узнает, что ничто не угрожает ему здесь, так и в нашей свободной революционной России.

Товарищи! Поддерживаете порядок в ротах, на занятиях в лагере. Пусть смотрят на нас, что мы можем и умеем жить своей братской семьей и без железной дисциплины николаевского режима. Мы можем жить без начальства, которое бросило нас на произвол судьбы. С их стороны сыпались на нас обвинения, что мы бунтовщики и изменники. Но мы не изменники, а те, кто из-за чужих плеч кричат «ура», изменник тот, кто бросает свое оружие и бежит. Все эти за блеск золота продадут отца, мать, жену и детей.

У них организованы роты благоразумия и сумасшедших. Действительно, там наши товарищи сходят с ума, потому что не знают, что делают.

Товарищи! Наверное, не ошибаюсь в своих словах, произнесенных к вам, что мы покажем наш грозный кулак всему миру, что мы сильны и что любим свою дорогую свободную родину с ее большими полянами и лесами, где-то там- далеко от нас, ютятся наши бедные хижины, в них живут наши полуголодные семьи. Так постоим же, товарищи, за идеал свободы, равенства и братства.

Если нас не хотят здесь пустить на фронт, так пусть тогда отправят в Россию – на русский фронт. Мы покажем там коварному врагу – немцу, свой грозный кулак, как мы показали под Курси. Так постоим же, товарищи, за идеал свободы, равенства и братства. Пусть узнает вся Россия, что омытое кровью и долетевшее до нас красное знамя мы не бросим к ногам Вильгельма второго.

Товарищи! Еще раз прошу поддержите порядок. Терпение и порядок все преодолеют. Они приносят разруху тем, кто от нас бежал. Ими брошенный нам не заслуженный упрек перед

Россией, мы омоем своей кровью: хоть здесь на фронте, хоть там, в России, нам все равно, если этого требует от нас Родина».

10 августа 1917 года.

В это время вокруг нас нагнали 30 тысяч французов, один полк кавалерии и третью бригаду. В первую линию поставили русских, во вторую – французов, и стали дожидаться подходящего момента.

Французская буржуазия стремилась нас подавить силой, хотя при нашем обращении к ним, они заявили, что в дела русских не вмешиваются. Если бы они издали приказ, чтобы мы отдали оружие французскому правительству, мы бы подчинились и отдали винтовки. Но они выбрали путь расстрела нас и заставить силой подчиниться.

1 сентября нам никаких продуктов не выдали: ни солдатам, ни лошадям, а их было у нас тысяча штук. Нам пришлось употреблять неприкосновенный запас и убивать раненых лошадей.

2 сентября начали стрелять по нам из пулеметов, если кто из нас покидал казарму. Те солдаты, кто проживал в деревянных казармах, были вынуждены перейти в каменные корпуса, ради своей безопасности. Повара, рискуя собой, подтаскивали кухню к казармам и разливали кипятки, другого ничего не было.

Мы не понимали, почему наши братья хотят напиться нашей крови – за наше смирение и обращение к ним? А тут нам сообщили, что третья бригада в 4 часа пойдет на нас в атаку и мы были в полной боевой готовности, но никто пока из нас не стрелял.

3 сентября, как только взошла заря и солнце осветило землю, эти пьяные рожи из третьей бригады открыли стрельбу по казармам из пулеметов и винтовок. Стреляли по людям и по лошадям, которые паслись на лугу. Они забыли, что здесь находятся их товарищи и братья.

Члены комитета велели всем надеть белые повязки на левую руку, чтобы они видели в кого стреляют. Но это не помогло, они продолжали стрелять и пить вино, хотя мы не отвечали.

Около 10 часов на плацу появился оркестр и заиграл марш свободы и вокруг него собралось несколько сотен солдат. В окне казармы вывесили красное знамя и черное знамя со словами: «Павшим за свободу». И в это время раздался залп из пушек. 1-й снаряд попал в крышу казармы и там застрял, 2-й снаряд в стену казармы и 3-й – шрапнелью разорвался. Затем стали стрелять из пулеметов и винтовок. Всего выпустили 29 снарядов: погибло три человека и 29 – ранено. После полудня опять начали стрелять, но все солдаты попрятались.

4 сентября артиллерийская стрельба началась с утра: одного убили и двоих ранило.

Положение у нас было безвыходное и приняли решение выбросить белые флаги и уйти из лагеря. Мы ничего не могли добиться, только принести еще многочисленные жертвы. Стрельба прекратилась, и мы вышли. Пулеметчики отказались уходить, решили стоять до последнего. Как только мы вышли, опять открыли артиллерийский огонь, который разрушил много корпусов и уничтожил оставшихся людей.

После чего нам зачитали: Приказ №172

Русским войскам во Франции. 27 августа 1917 года.

Вечером 26 августа с.г. мной получена телеграмма – приказание временного правительства отправить наши войска, находящиеся во Франции, в Россию.

Объявляю для сведения, что перевозка наших войск в Россию потребует, по всей вероятности, значительное время. Мятежников лагеря Ля Куртин предупреждаю, что изложенное приказание временного правительства не освобождает их от обязанности исполнять предъявленные к ним требования

Представитель временного правительства
Генерал-майор Занкевич.
Комиссар временного правительства Евгений Рап.
Штаб офицер для поручений подполковник Силицкий.

Затем нам зачитали приказ, что нашим семьям отказано в пособиях, в получении земли и иметь право голоса в учредительном собрании.

Глава седьмая. Выход из лагеря Ля Куртин.

4 сентября 1917 года в 4 часа дня мы вышли из лагеря, оставив свое оружие, омытое нашей кровью на фронте и пошли в деревню, где нас встречали французские полковник и генералы. Они с улыбкой встречали нас и были рады, что мы покинули лагерь. Цветами нас уже не встречали, а на обочине стояли краснокожие солдаты со штыками на винтовках.

Уходя из лагеря, мы сдали денежный ящик под расписку комиссару Рапу. Но как только заступил караул из 3-ей бригады, его взломали и похитили деньги. Вообще солдаты 3-ей бригады, когда ворвались в лагерь начали мародерничать: они разграбили цейхгауз, магазин и похитили все оставшиеся наши вещи. Кого из наших солдат встречали, раздевали и отбирали даже обувь. После разграбления лагеря, они его покинули и ушли к себе в лагерь Курно.

Нас же, недалеко от лагеря окружили французские солдаты и тоже стали обыскивать, под предлогом поиска оружия, и отбирали то, что им понравилось. После осмотра, нас перегнали на другое место, где мы разместились на ночлег. Переночевали и 5 сентября в 8 часов нам выдали булку хлеба на четверых. Затем подошли офицеры и стали вызывать из каждой роты солдат, которые были у них на примете, как заговорщики. Их окружил усиленный конвой и увели неизвестно куда. Нас тоже окружил конвой с пулеметами по углам.

В эту ночь, а ночевали мы прямо в поле, до нас донеслась сильная канонада по лагерю. Видно, те кто остался, оказывали сопротивление. Потом нам рассказали, что их атаковал батальон смерти с бронированными автомобилями, при это очень много наших товарищей погибло.

6 сентября к 10 часам утра лагерь Ля Куртин был взят полностью. Нас продолжали держать как скот в поле, хлеб выдавали порциями. Всех разбили на две категории: первая – 60 человек, была угнана в тюрьму города Бордо. А вторая – 470 человек, осталась на месте.

7 сентября в 10 часов подошли офицеры и стали отбирать солдат в роту. Набрали 300 человек, а остальных – отправили на остров. В 2 часа нас, набранных в роту, под усиленным конвоем погнали на станцию. В этот раз жители встречали не улыбками и цветами, а криками: «боши», что означает «немцы», и смотрели весьма неприветливо.

На станции мы встретили солдат из 2-й артиллерийской бригады, которая нас расстреливала в лагере. Они так же стали нас упрекать, что мы работали за немецкие деньги и хотим вернуть престол Николаю второму. Мы отмалчивались, нам сказать было нечего.

Глава восьмая. Африка.

7 сентября в 5 часов вечера мы прибыли на станцию Бурластик, где нас ожидал уже конвой. Разбили по группам по 100 человек и в сопровождении ста вооруженных солдат 72 полка погнали в лагерь, который находился в 19 километрах. Гнали нас без отдыха и пищи. За это время наш конвой трижды менялся, а нам не давали даже отдохнуть. В лагере нас встретили солдаты 16, 105 и 121 полков. Каждый полк взял под охрану сто человек и повели к роще, где уже стоял караул и пропускал по четыре человека на территорию, огражденной тремя рядами

колючей проволокой. На площади 127 сажень длины и 19 – ширины, стояли девять палаток, здесь же находились отхожие места, ночью постоянно горели фонари и патрулировали солдаты.

8 сентября прибыл к нам французский генерал. Нас построили в одну линию, и он пошел вдоль. У многих из нас имелись медали и ордена. Он останавливался около награжденных, подавал руку и интересовался, в каких боях участвовал и за что солдат был награжден.

10 сентября приехал генерал Лохвицкий, который обещал поставить крест на прошлом и предоставить нам табак, чай, сахар, мыло. После него нас стали выводить на работу под конвоем: ремонт шоссе дорог, стирку белья для французских солдат и другие тяжелые работы.

14 сентября служили гражданский молебен за проволокой и стали выдавать больше хлеба.

17 сентября к нам прибыло еще 7 человек.

23 сентября нас посетил полковник Лебедев, который обещал выдать новое обмундирование.

24 сентября нас перевели из палаток в бараки.

25 сентября – получили обмундирование.

3 октября приехал французский генерал, который заставил нас, как рабов, петь ему русские песни. После его отъезда, нас разбили на звенья и создали 8 взводов, обозначили, как 25 сводную роту. Нам обещали вернуть нас в лагерь Ля Куртин и был зачитали приказ:

По частям Ля Куртинского лагеря за №33

3(22) октября 1917 года лагерь Ля Куртин.

Объявляю телеграмму, полученную от начальника 1-й особой дивизии полковнику Котовичу – лагеря Ля Куртин: «Отправка наших войск в Россию задерживается за неимением кораблей. Временное правительство разрешило до отправки в Россию или постановки на фронт отправить желающих командами на вольные работы за плату не менее 3 франка в день. Переход в союзные армии и формирование особых частей не разрешено.

Вызовите желающих работать и сообщите в Париж точное число. 3964. Лохвицкий»

Во исполнении сего, сегодня же прочесть в ротах и командах настоящую телеграмму и донести к 17 часам в штаб отряда о числе желающих работать.

Подлинно подписал начальник Ля Куртинского лагеря полковник Котович.

Верно: адъютант прапорщик Глогов.

6 октября выпал первый снежок. 9 октября нас в 7 часов отправили на станцию, где разместили по вагонам 2-го класса и отправили в лагерь Ля Куртин. Мы с радостью вырвались из лагеря Бурластик, там нам мало давали харчей и не было денег, поэтому мы голодали.

16 октября в 12 часов прибыли в лагерь, где с радостью встретили своих товарищей. Расположились мы в одном из уцелевших корпусов, госпитале и жизнь наша полностью изменилась.

23 октября первая партия рабочих была отправлена на вольные хлеба, вторую - на следующий день, и третью партию отправили 14 ноября.

19 ноября, как нам сообщили, на фронте между русской армией и немецкими войсками наступило перемирие. В секторе от южного берега Припяти до южной части Липы. За соблюдением соглашения наблюдала воздушная разведка с аэропланов. 23 ноября на станции Могилев был убит Главнокомандующий русской армии генерал Духонин, восставшими солдатами.

К власти пришли большевики, которые сменили 160 послов и консулов, которые не признали новые власти.

А у нас в лагере Ля Куртин жизнь протекала спокойная, несмотря на то, что мы были окружены французскими патрулями.

26 ноября генерал Занкович издал приказ за №32: «Четвертый год войны вызывает полное напряжением сил и средств союзников, при котором каждая рота и пара здоровых рук должны быть на строгом учете во имя общего успеха. Французское правительство рассмотрело настоящее положение наших войск во Франции, дало мне категорические указания во исполнение которых приказали солдат Ля Куртинского лагеря, впредь до отправки их в Россию или сформирования отдельной боевой части, отправлять на работы командами под начальством офицеров для выполнения работ военного времени вне сферы военных действий. Внутреннюю жизнь и службу на работах вести на основании существующих воинских уставов и законоположений (декларация прав солдата). Приказ №213 по-прежнему считать по отношению отправляемых солдат приостановленным согласно приказу правительства, данного мне 16 июля телеграммой за №60163».

Опять нас спрашивали, хотим ли мы добровольно идти на работу. Никто из солдат желания не высказал. Тогда нас окружили французскими войсками и не выпускали из помещений.

Затем был оглашен приказ французского генерала, командующего 12 военным округом о том, что, если к 10 часам 10 декабря, те солдаты, которые не изъявят желание выйти на работы будут отправлены на каторгу, в Африку, где к ним будут приняты строгие меры.

29 ноября нас передали французам и те разбили всех на тысячи подразделений и осталось нас 3 тысячи 300 человек.

1 декабря половину нашего отряда куда-то отправили. Затем прибыл комиссар Михайлов, который заявил, что он лично не признает большевистского правительства, а только временное правительство Керенского, а во Франции – представителя русских войск генерала Занкевича. Солдаты не согласились с ним и заявили, что против России они не будут сопротивляться.

5 декабря в 8 часов утра отправили нас под стражей с французскими солдатами на станцию Ля Куртин и разместили в один эшелон по 35 человек в один вагон. В 2 часа 30 минут мы отправились в путь. Проезжали Юсель, Лимож, Тулуз, Нарбон, Каор, Миримаз, в основном ночью, за двое суток нам выдали 4 раза кофе, это было все питание.

7 декабря в 10 часов прибыли в город Марсель, тут нас уже встречал чернокожий конвой. Стали небольшими группами отправлять в гавань, на судно «Маринбад». Выдали спасательные пояса и загнали в каюты возле которых выставили часовых, на палубу выходить не разрешали, если надо оправляться, то только по одному. Курить запрещали и прогулки были один раз в сутки по 15 минут.

8 декабря в 2 часа 30 минут ночи вышли в плавание по беспокойному Средиземному морю.

9 декабря в 12 часов ночи прибыли в город Алжир на материк Африка.

11 декабря нас высадили и погрузили в вагон 3-го класса и поехали мы уже по алжирской земле. Мимо мелькали пальмы и кипарисовые деревья. Люди, которых мы видели, были почти без одежды, нам как-то смотреть на них было стыдно, не привыкли мы к этому. В 4 часа вечера прибыли на станцию Африваль, где нас отвели в лагерь и разместили в бараках.

12 декабря наступило французское рождество. На следующий день один взвод выгнали за колючую проволоку и под угрозой оружия постригли наголо. Затем этот же взвод заставили стоять там всю ночь под нацеленным на них пулеметом.

Погода была отвратительная: дождь и слякоть. Хлеба давали очень мало, даже за свои деньги купить запрещали.

14 декабря зачитали приказ, что мы можем вступить во французское гражданство. Желающих не нашлось.

18 декабря нас повели стирать свое белье в ручье. Один из солдат купил хлеб на свои деньги, но французский офицер отобрал его и деньги не отдал.

25 декабря наступило Рождество христово. Встречали мы его в тяжелых условиях вдалеке от Родины и своих родных. День был солнечный. Нас вывели из-за проволоки и построили повзводно, ротные поздравили с праздником и обещали вечером выдать нам по 2 апельсина и 5 ягод. Так прошел праздник. Хотя и деньги были, но купить нам ничего не разрешали.

1 января 1918 года стояла прекрасная погода, было жарко. 3 января нас навестил французский генерал. Кормили нас очень плохо, выдавали хлеба, приблизительно один фунт с осью, на работу выводили носить камни из речки для постройки дороги в лагере.

6 января день торжественный на Родине, а здесь одна тоска гложет.

12 января нас разбили поротно и меня назначили в 4-ю роту 2-й взвод.

13 января в третьей группе у солдат отобрали личные вещи, грабеж полный. Жизнь дальше некуда.

18 января нам разрешили написать письма домой. Погода установилась теплая, а жизнь наша несносная.

22 января нам огласили приказ:

«От французского военного министра изъясляю, что в иностранный легион не разрешается поступать, а желающие могут поступить в русский легион, который будет находиться во Франции под полной властью французского правительства, не вмешиваясь ни в какие комитеты. Подписавший: «я ниже подписавшийся крестьянин не вмешиваюсь ни в какие дела», подпись своей рукой».

Но желающих поступить в русский легион тоже оказалось мало, а потом и вовсе не нашлось.

Жизнь наша была скверной: находились мы в ограниченном проволокой пространстве размером 100 сажень в длину и 90 – в ширину. Заставляли работать - рубили дрова, носили камни. Кто отказывался, не давали есть до тех пор, пока мы все не отказались. Кто заболел, заставляли носить утяжеленный мешок с камнями в 20 кг и сажали за проволоку.

29 января в три часа утра выгнали на плац для построения, те кто не успел или был болен были палками и камнями. В отношении нас французы зверствовали: забирали одежду, обувь, письма и книги. На работу гоняли 7 км от лагеря два раза в день из них две версты надо было идти в гору. У многих стали болеть ноги, но врач не призвал никаких заболеваний.

3 февраля 1918 года на выдали денежное довольствие в размере 3 франка 85 сантимов (суточные 25 сантимов).

18 февраля вместо 600 гр. хлеба выдали 500 гр., урезали и без того малый паек. Это вызвало волнение и 22 февраля - паек восстановили.

1 марта вторую роту обязали принести до обеда камней 6 раз, они не успели. Тогда их окружили конвоем и не дали вообще обеда. Мы приняли решение поддержать наших товарищей, не выходить на работу и оказать помощь больным. В ответ комендант лагеря окружил нас караулом с пулеметами и стали обстреливать поверх голов. Затем трех наших товарищей, в том числе и моего друга Антона Иванова угнали в тюрьму.

Вот дождались праздника Святой пасхи – 22 апреля: солнышко ярко светит, а нам нет никакой радости, так как мы далеко от нашей Родины и гложет нас тоска. Проходят дни за днями, а конца нашим бедам нет. В 12 часов нам в честь праздника выдали 1 банку мясных консервов на двоих, 1 банку сардин и два яйца на троих, по 15 винных ягод, по чашке вина и 50 сантимов на человека.

В конце концов от такой жизни некоторые из нас решили бежать, но кругом море и у них ничего не вышло. В лагере нас было 1300 человек и всех разослали по буржуям на работы, где мы находились до 22 мая 1918 года.

22 мая в 4 часа утра нашу роту повели на работу вдалеке от лагеря пешком. Шли мы пятеро суток и прошли 125 км. Наш взвод поставили работать на винограднике: поливали, вязали, опыляли и посыпали серой от насекомых. А когда он стал созревать, окапывали. Работали по 10 часов в день. 20 сентября виноград созрел и стали мы его убирать. Стояла сильная жара, ни капли дождя. Еды давали нам мало и от такой утомительной работы, многие заболели и работать не могли. 11 человек отправили в госпиталь в город Алжир. Наконец, 3 сентября разразился ливень, который поливал длительное время, и мы уже не могли работать. Нам попался хороший хозяин, который несмотря на это каждый день давал нам хлеба, вина и сигарет.

Находясь здесь мы узнали, что Болгария запросила мир, за ней Турция, Австрия. В Германии началась революция и у Вильгельма отобрали престол.

7 сентября 1918 года в 2 часа 30 минут из дома выбежал хозяин и закричал: «Война закончилась!». Мы прямо ошеломенели, как будто с души свалился камень. Хозяин объявил, что через три дня наступит мир и попросил нас поставить вышку с флагом, что мы быстро соорудили.

10 ноября, в понедельник, в 9 часов утра выбежала хозяйка с криком: «Война закончилась!» Хозяин поднял флаг, и мы стали кричать «Ура!» Так закончилась кровавая бойня, стоившая жизни свыше 15 миллионов человек.

Затем нам объявили, что во всех воюющих странах вспыхнула революция. Хозяин в честь этого устроил праздник и зарезал для нас 10 петухов. А ребята наши поймала дикую козу и ее зарезали, устроили обильный обед. Все пошло в ход: мясо на стол, кожа на бубен, кости на мундштуки, а ноги на хлыстики. Вот так пострадала коза за прекращение войны.

Жизнь наша стала легче. Когда прекратились дожди и восстановилась погода, начала хорошеть природа: трава пошла вверх, цветы появились и воздух стал ароматным. Даже в России я не видел такого количества цветов на лугах, появились апельсины и лимоны. На Родине теперь зима, холодно, а здесь тепло, все цветет, вокруг равнина на многие версты. Земля принадлежит буржуям и на них работают бедно живущие арабы. А богачи – это французы, испанцы, англичане и даже немцы и швейцарцы.

1 декабря от нас убрали конвоиров, а 10 декабря нам зачитали приказ – русским солдатам разрешается посещать кафе, рестораны и ближайшие деревни. Несмотря на это, все наши мысли были о нашей дорогой Родине, где уже второй год царит свет, свобода и братство, равенство всех людей. Хотя кругом меня цветет природа, люди наслаждаются жизнью, а у меня на душе печаль и тоска, не дожусь дня, когда смогу воспользоваться свободой.

25 декабря наступило французское рождество и в честь этого нам выдали по два апельсина. А через несколько дней запретили русским солдатам заходить в кафе и рестораны, продавать нам водку и все спиртные напитки. Несмотря на это мы сумели достать ром, дюкирку и 180 литров вина и отметили рождество. Праздновали три дня.

30 декабря ходили к морю. Трое из нас решили искупаться, только залезли в воду и тут же выскочили – очень холодная вода. Вернулись на ферму, поужинали и пошли встречать наших товарищей, возвращающихся из Алжира.

Наступил Новый 1919 год. А 6 января 20 человек, в том числе и меня, отпустили посетить город Алжир, где мы посетили парки, театр, посмотрели на памятники и многое другое. Было очень интересно. На улицах гуляли много людей, встретили и своих сослуживцев, которые рассказали нам о своих невзгодах. Погода стояла теплая и все вокруг цвело. Местные нам рассказали, что в это время года часто идут дожди и поэтому все цветет, даже больше, чем в мае.

13 января произошло небольшое наводнение. Перед этим, четыре дня лил сильный дождь и слегка залило шоссе и дороги и разрушило железнодорожный путь.

24 февраля опять прислали конвоиров и запретили выходить. Через несколько дней, утром, приехал подпрапорщик, который командовал всеми взводами и запер нас в помещении. Двоих взводных арестовали и посадили в карцер, за что не ясно, а нас в 4 часа дня выпустили.

Нам сообщили, что 2 февраля состоялась конференция на острове Принцесса, в Мраморном море. Там же выпустили газету, где было написано, что 12 и 19 февраля 1030 инвалидов русской армии пароходом «Межалиа Еллаг» выехали в Россию, через Копенгаген.

1 марта нам выдали жалование по семьдесят пять сантимов. Мой приятель, Василий, заболел и был отправлен в госпиталь.

12 марта нас отправили на ферму Руйбы, где мы стали работать: косили траву и срезали виноград. Пребывание здесь было отравительным, товарищи наши заболевали лихорадкой каждый день по 9-10 человек из 46, а врачей вообще не было, уколы от лихорадки тоже не давали. Продовольствие было скудным, даже иногда не давали кофе, мясо мы уже не видели пять месяцев. За работу нам платили по 50 сантимов в день, на свои деньги покупали хину, которая стоит 50 сантимов за грамм. Так мы на свои деньги лечились. Наконец, дождалась пасхи.

18 апреля было утро морозным и погибло много стеблей виноградника.

5 апреля 1919 года от большой скуки устроили небольшой спектакль, затем пели марсельзу и похоронный марш и разошлись на покой.

Придумал небольшое стихотворение:

Святой творец, сегодня твое воскресенье

Ты видишь сынов своих, их тяжкие мученья

Успокой же нас, благослови своей могучей рукой

Открой нам путь ты к Родине своей.

Святой день пасхи ничем не отличался от прошлых воскресений: от казны денег не дали. У кого из нас остались несчастные сантимы, тот купил себе продуктов. Мы же, вчетвером, достали бутылку рома, килограмм колбасы, 2 десятка яиц, полкило сала и неплохо отметили праздник. Хотя можно было пойти погулять, но я остался, потому, что смотрят на тебя как на зверя в этой проклятой солдатской шкуре.

Так мы провели четвертую пасху вдаль от Родины: первую – на пароходе страдали, вторую – на фронте, в наступлении, третью – в Африке за колючей проволокой, а четвертую – на ферме под конвоем. Что ждет нас дальше? Ничего не известно, только одна газета написала, что скоро все русские, желающие вернуться на родину, будут отправлены домой. Дай бог.

В этот раз пасху мы праздновали два дня, проведя, в основном, время в постели, а затем жизнь потекла своим порядком. Одна из газет сообщила, что нашу делегацию отправили в город Дюркинхен, а оттуда в Россию. Это были представители наших солдат с острова Экке.

А у нас жизнь продолжалась без изменений. Приближается 1 мая, среди местных жителей царит волнения.

1 мая наступил, нам дали его отпраздновать, но запретили покидать ферму. Французские газеты писали, что в Париже прошли манифестации и митинги, несмотря на запреты. Все фабрики заводы, магазины и рестораны, были закрыты. На улицах происходили столкновения с полицией, пострадало около 700 человек с обеих сторон, в том числе секретарь конфедерации Жуо. Такие столкновения прокатились по всем городам Франции, Германии, Португалии, Англии и Италии. Рабочие добились установления 8-часового рабочего дня. У нас все по-прежнему.

Солдатам социализма.

Первого мая – праздник народный,

Праздник познания жизни свободной
И исполнения ожидаемых надежд
Празднует весь работающий народ
В знак исполнения снившихся грез. и т.д.

Вскоре нам разрешили прогуляться к морю. По дороге мы повстречали небольшие домики, заселенные арабами, а затем перед нами открылась синееющая даль Средиземного моря. Недалеко нашли небольшое местечко, Анталья, и в нем шикарный ресторан. Мы расположились в нем и хорошо посидели, вспоминая нашу Родину, расположенную через все моря и океаны. Вечером возвратились на ферму.

Глава девятая. Провозглашение мира и возвращение домой.

7 июня, весь день лил дождь, а на следующий день, в воскресенье, был праздник троицы и нам разрешили погулять в местечке Руйба. На улице гуляли много народу, все с довольными лицами, глядя на нас с торжествующими взглядами. От такого отношения мы нашли кофейню и залили немного сердце проклятым алкоголем. Потом пошли во второй взвод, который находился на другой ферме, вместе с ними устроили спектакль и праздновали троицу два дня.

28 июня до нас донеслись орудийные выстрелы со стороны города Алжир, колокольный звон – так отмечали подписание мира.

29 июня в честь этого были вывешены флаги всех стран на домах и даже на пароходах. Прошло 8 месяцев со дня подписания перемирия, у нас никаких перемен и даже слухов о каких-либо изменениях. В Париже состоялась двухнедельная забастовка рабочих трамвайных и электрических движений и угольных шахт. В Бельгии и в Италии по всем городам прокатились митинги, на которых с большим возмущением высказывались в отношении германского народа. По условиям мирного договора все суда Германии должны были отданы союзникам. Однако матросы отказались и потопили: 11 броненосцев, 5 линейных крейсеров, 7 легких крейсеров, 49 истребителей и значительное число подводных лодок, а сами ударились в бегство на лодках.

4 июля установилась сильная жара. С пустыни Сахара подул горячий ветер, а мы не знали, что нам делать, так как в нашей жизни ничего не менялось, несмотря на подписание мира. В этот день отмечали в Париже праздник в честь Американской республики: северной Америки – федеративной, южной – демократической.

10 июля приезжал представитель Франции и выяснял есть ли среди нас граждане Эстонии и Латвии, мол их отправят в Россию. Почему их, а не всех нас? Продолжались появляться всякие нелепые слухи о нашей отправки, но ничего не происходило.

7 сентября, в воскресенье, наши товарищи были в городе Алжире и видели в порту русское судно «Александр 3», на него шла погрузка из некоторых наших отрядов, всего 1500 человек. Это были не те люди, которых отправляли на принудительные работы в военном обмундировании, а те, кто записывался добровольно в легион. Во французских газетах написали, что вскоре всех русских отправят на родину небольшими отрядами. Мы уже проживали в Африке в течение 20 месяцев и состояние наше было тяжелым. Нам приходилось постоянно работать с киркой.

Наконец, 14 сентября 3 часа дня, к нам на завод, где мы работали прибыл унтер-офицер и сообщил, чтобы приготовили свои вещи, затем нам выдали деньги. В честь нашей отправки, хозяин фермы отдал нам несколько петухов и по две бутылки вина на брата. В эту ночь уже никто не мог спать, все мысли были о Родине, весь разговор был о наших родных.

18 июля в 4 часа мы ушли с фермы. Сборный пункт был в городе Медеа. Мы сели на поезд и поехали на станцию Мизон Карс, где просидели до 6 часов вечера и затем погрузились опять на поезд и должны были доехать до очередной станции, где надо было сделать пересадку.

19 июля в 12 часов, наконец, прибыли на станцию Медеа, где нас разместили в каменной крепости, в казарме. Там спали на цементном полу и многих появился насморк. Так нас благодарили напоследок наши союзнички.

3-го октября прибыло еще несколько сотен наших товарищей и всего нас стало 1200 человек. В этот же день нас погрузили на пароход, и мы отправились в очередное путешествие по морю. На четвертые сутки около 5 часов вечера остановились на якорь у Дарданельского пролива.

9 октября вновь тронулись в путь прибыли в город Дарданеллы, владычицей которого является Англия. На следующий день в два часа дня прибыли в Константинополь, где нас перевели на другое судно, потому что на старом пароходе лопнули котлы и его признали неисправным. К нам добавили еще 900 солдат и всего нас стало 2105 человек.

13 октября в 9 часов мы проехали, вернее проплыли Босфоры, и прибыли в Севастополь через 30 часов.

14 октября нас не приняли русские власти, объявили карантин. Пароход покидать запретили.

18 октября отправили в Новороссийск. Выходя из порта, мы видели только итальянские и английские крейсера, даже ни одной русской шлюпки не встретили. В Новороссийске опять нас не приняли и отправили на Феодосию. Но и здесь нам объявили карантин. Сказали, что в 13 верстах от города находится Махно.

21 октября нас отправили назад в Новороссийск, куда прибыли в 2 часа 35 минут. Простояли на якорю двое суток и в 11 часов утра разрешили высадку. Такое отношение к нам нас не обрадовало, мы вытерпели такие муки и страдание на чужбине, а дома нам были не рады. Из французского конвоя мы попали в русский и под вооруженным сопровождением отправили нас на станцию. В шесть часов вечера мы уже ехали по Кавказской железной дороге.

24 октября в 10 часов утра прибыли в город Екатеринодар, 25 октября в 5 часов прибыли в Армавир. Здесь меня зачислили в первый взвод второй роты, как военнопленного и на следующий день выдали винтовку и погнали в караул. Всего нас, прибывших из Франции было более 15 тысяч солдат. Содержание было «приличным»: давали полфунта хлеба и суп – такой, что облей собаку, так с нее шкура слезет. Но ничего, мы привычные. Стали продавать все, что у кого было: платочки, карточки и всякая чепуха. Надо же было чем-то кормиться.

26 октября произошёл несчастный случай: крушение поезда на 47 версте от станции Кавказская, было много жертв среди солдат и гражданских.

5 ноября выпал снег, который растаял за три дня. С нас стали требовать дисциплину, как в старое царское время: проводились усиленные занятия и через день стояли в карауле. Среди нас началась эпидемия тифа, только за один месяц положили в госпиталь 600 человек, из них 25- 30 человек умирает.

21 января все здоровые солдаты, прибывшие из Франции, были отправлены в Ставрополь для укрепления обороны города. Ожидалось наступление Красной Армии.

15 февраля в 12 часов ночи нас построили и вывели на позиции, для боя с красными. В 10 часов началась артиллерийская перестрелка и пулеметная стрельба. Я с нетерпением ждал прихода Красной Армии и спрятался на крыше госпиталя. Днем появились отступающие кадетские войска и на соседнем здании установили пулемет с одним кадетом. Я слез с крыши и подобрался к нему сзади и стал в него стрелять. Он испугался, схватил пулемет и убежал, а через 10 минут появились красные. Я с радостью их приветствовал, как своих братьев. Мы вместе отправились в центр города, где собралась публика и все радовались освобождению от варваров.

1 марта я явился в комендатуру для распределения, но там был полный беспорядок, и я ушел. Через несколько дней в городе началась паника, наступали теперь уже белые. Я бежал вместе со всеми. Мы прошли 200 верст и добрались до города Ростов, где я получил пропуск для проезда в город Брянск. Продукты для проезда мне не выдали, но помог один из знакомых. Таким образом я доехал до Брянска и оттуда уже пешком пошел домой. Так завершилась моя служба.

А вот как описывает ситуацию с солдатами лагеря Ля Куртин офицер штабс-капитан русской армии В. Васильев в своей книге «Русский легион чести». Привожу выдержку:

1917 год Военный лагерь «Ля Куртин». 1-я Особая пехотная дивизия.

Разнузданная, распропагандированная толпа в солдатских шинелях, потерявшая человеческий облик, с озлобленными, озверелыми, бушует, пьянствует и безобразничает в военном лагере «Ля Куртин». Жители соседних сел по вечерам запираются на запоры. Трагическое положение русских офицеров, оскорбленных своими же солдатами. Никакие «грозные» приказы из Петербурга не в состоянии утихомирить эту толпу, разжигаемую появившимися из всех дыр юркими революционерами-пропагандистами интернационального типа.

Но не все чины 1-й особой пехотной дивизии поддались этой пораженческой пропаганде. Если 1-я Бригада (1 и 2 особые полки), набранная главным образом из фабрично-заводского элемента Московской и Самарской губерний, сразу же стала выдвигать антимилиитаристские лозунги и требовать немедленного возвращения в Россию, то 111-я Бригада (5 и 6 особые полки), набранные из здорового крестьянского элемента уральских губерний, пыталась противостоять.

Произошел раскол. 11 июля 1917 года, около 7 часов утра верные солдаты со всеми офицерами оставляют лагерь и проходят с ошетилившимися штыками и направленными на обе стороны заряженными пулеметами между двух стен разъяренной толпы с грозящими кулаками и дикими криками: «Продажные шкуры».

Шествие замыкает верный мишка – медведь, окруженный стражей. В бессильной злобе в него кидают камни и палки. К удивлению, всех, Мишка шел с полным достоинством, спокойно передвигая своими лапами, слегка лишь ворча, как бы желая сказать: «Ну и времена, ну и нравы!». Отряд верных встал лагерем в палатках около города Фэлэтэн, в 23-х км от «Ля Куртин». 10 августа отряд был перевезен по железной дороге в летний лагерь Курно, близ Аркашона.

В начале сентября пришел приказ из Петрограда о немедленной и окончательной ликвидации «куртинских» мятежников. Сформированный для этой цели сводный полк в ночь на 16 сентября окружил мятежный лагерь. Французская кавалерийская бригада, на всякий случай, стала сзади вторым кольцом. Ультиматум – в трехдневный срок сдать оружие.

Редкие выстрелы русской батареи на высоких разрывах дали понять, что шутить не время, и что непокорным надо выбрать: или сдаться, или принять бой. Большая часть «куртинцев» сдалась в первые же два дня. Осталось несколько сот вожаков, не пожелавших подчиниться. Дабы избежать лишних потерь в этом первом гражданском бою, решено было атаковать с наступлением ночи. Лазутчики донесли, что оставшиеся разбили винные погреба и «набираются храбрости» усиленным потреблением вина. Каждая рота «верных» получила точное задание. В полночь сводный полк двинулся вперед...

К утру все было закончено. Потери минимальные. Началась сортировка. Главари и зачинщики были переданы французским жандармам и интернированы. Остальные разбиты на «рабочие роты» и разбросаны по всей Франции. Сводный полк вернулся в летний лагерь «Курно». Первое время все вошло, как будто, в норму. Велись занятия, маневры, солдаты чисто и по форме одеты, подтянуты, отдают честь офицерам. Но недолго длился этот рай. Про-

паганда и здесь сделала свое грязное дело. Постепенно солдат верных стал терять воинский облик. Офицерство, неподготовленное к политическим потрясениям, растерялось, не зная, что делать. Старшие начальники не получали никаких инструкций. Красный Петроград молчал.

Среди этого хаоса, подлости, малодушия раздался смелый голос рыцаря без страха и упрека полковника Готуа, гурийца родом, (командира 2-го особого полка). Он звал офицеров и солдат встать на защиту поруганной чести России и русского мундира. Он звал формировать Русский Добровольческий отряд и довести вместе с союзниками борьбу до победного конца, чтобы в день перемирия в рядах союзных войск была бы хоть одна русская часть с национальным флагом.

Вот такая история двух людей: солдата и офицера русского экспедиционного корпуса, воевавшего во Франции, на стороне союзников. Но на этом рассказ не прекращается. Афанасий Демьянович Носов продолжил искать своих товарищей, по несчастью.

Рассказ А. Иванова.

Прошли годы, пока мне удалось найти некоторых моих товарищей по несчастью, которые делили со мной все тяготы солдатской жизни и участвовали в войне с Германией на территории Франции и как их «отблагодарили» за то, что они жертвовали собой во имя чужого народа. Вот, что они рассказали мне:

Антон Иванов, с которым меня разделили в Африке, поведал о своей дальнейшей жизни: (повествование идет от первого лица)

«Как ты помнишь, 1 марта меня, Николая Петрова и Сергея Митрохина, под конвоем отправили в город Медеа. Встретил нас комендант, фамилию его я не запомнил: высокий, худощавый, с длинным орлиным носом, типичный француз, он молча уставился на нас и длительное время рассматривал. Затем с прононсом, заговорил по-русски с сильным акцентом: «Я длительное время проживал в России и хорошо знаю вашу страну и вас, русских. Я знаю, что вы очень упрямый народ и не любите власть, какой бы она не была. Раз вас ко мне направили, значит вы не хотели подчиняться власти. Но я вас научу, что не подчинение власти влечет за собой сильное наказание. Для начала вы посидите 10 дней в подвале на одной воде, если кто захочет изменить свое положение, пусть сообщит, я подумаю». С этими словами нас отправили в подвал, где пол был каменный, спали мы на своих шинелях и рюкзаки подкладывали под голову. Гулять не выводили, кормили, если можно так сказать, выдавая котелок с горячей водой один раз в сутки. Мы решили держаться, несмотря ни на что, но к концу срока, почти не вставали, не было никаких сил. Конвоиры фактически вынесли нас на руках. Комендант с улыбкой встретил нас и спросил: «Ну как? Вы не жалеете, что не слушались власти?» Мы молчали. Тогда он сказал: «Я вижу, что вы до конца так и не поняли, что власть всесильна. Тогда я вас накажу по-настоящему». И отправил обратно в подвал. На следующее утро нас вывели во двор и конвойный подвел к какому-то сооружению, сказал, что комендант велел посадить на «доску отдыха». Между двумя столбами находились доски, прибитые к ним и по краям заборы. Подвели вначале меня и усадили на ребро доски, ноги и руки на полную длину вытянули вперед и закрепили на заборе, а кисти рук и ступни закрепили по другую сторону забора. Сидеть на ребре доски и так было очень больно, а находится в таком положении просто невыносимо, спина в буквальном смысле, трещала. Освободили через час, я встать сразу не мог, валялся на земле долгое время. Эта пытка продолжалась четыре дня. Зато стали кормить, выдали даже кашу. На четвертые сутки опять появился перед нами комендант и спросил с издевкой: «Ну как теперь, товарищи русские, вы не передумали о своем поведении? Я предлагаю вам поступить на службу во французский или русский легион и отправиться на войну, тогда все мучения у вас прекратятся». Мы продолжали молчать. Комендант улыбнулся и ска-

зал: «Даю время вам до утра, если передумаете, сообщите. Если нет – будет еще хуже». И отправил нас опять в подвал. Мы решили терпеть до тех пор, пока сможем. Наутро нас выгнали на улицу и погнали как зверей по дороге. Конвоировали нас два солдата-араба на лошадях. Мы были без обуви, почва нагрелась на солнце и идти было больно. Прогнали нас километров 10, вышли на берег моря в какой-то лагерь. Но там не остановили, а провели через него. На берегу мы увидели большое колесо, как колесо обозрения в Париже. Оно висело на двух железных столбах, нижняя его часть находилась в метрах семи от земли. К одному из столбов приделана была лестница. Вместе с конвойным мы поднялись по ней и встали на ступеньку сбоку колеса, они имелись вокруг всего колеса. Конвойный сошел и нажал на какой-то рычаг, колесо стало поворачиваться. Держаться было не за что, еще немного и мы бы свалились с большой высоты и расшиблись. Чтобы не упасть надо было перейти на другую ступеньку и так мы шагали в течении десяти часов. К концу дня ноги стали как деревянные и мы еле-еле ими двигали. Потом мы узнали, что данное колесо было местом наказания рабов, которые не подчинялись. Выдержали мы это издевательство три дня, а затем категорически отказались идти, заявили, что пусть лучше расстреляют. Тогда нас повели в другое место за лагерь. На земле лежали чугунные решетки, внизу цементные чаны, врытые в землю. Дали в руки каждому по ведру и поднимая решетки, посадили каждого из нас в отдельный чан. Чан был вышиной свыше двух метров и шириной в полтора метра, в нем имелось два отверстия: одно на дне, а второе на стене, на высоте около метра. Честно говоря, я даже обрадовался, что так можно даже отдохнуть от всех издевательств коменданта и уселся на ведро. Но через несколько минут из нижнего отверстия полилась холодная вода. Я подумал, что это такое наказание водой и что ничего страшного, потерплю. Но вода прибывала и прибывала. Дошла до отверстия и все равно прибывала. Тут я понял, для чего мне дали ведро: необходимо было сливать воду в верхнее отверстие, иначе можно захлебнуться. И так целый день, не разгибая спины, я боролся с прибывающей водой. После 10 часов пребывания в чане, в барак мы уже идти не могли, ползли на четвереньках. На третий день Митрохин не выдержал, стал кричать, что у него нет сил и просил о помощи. Но чем мы могли помочь, находясь в таком же состоянии. Так погиб наш товарищ. После чего с Петровым мы решили, что так дальше невозможно бороться и надо согласиться с приемом в русский легион. Комендант только рассмеялся и заявил, что бороться в нем было бесполезно. Нас перевели казарму, выдали новое обмундирование и стали хорошо кормить. За две недели мы приобрели более-менее нормальный человеческий облик. За это время к нам стали подвозить еще таких же мучеников со всей Африки, все бывшие наши товарищи по лагерю Ля Куртин. Никто из них добровольно идти воевать не хотел, но других вариантов не было. Собирались небольшими группами и решали, как избежать новой бойни: бежать по прибытию во Францию, кто-то предлагал бежать в Испанию, кто-то в Швейцарию. Но не знали, как местные власти отнесутся к нам, выдадут Франции или нет. Если выдадут, то тогда уже точно отправят в Африку и там погубят. Так прошло около месяца, собралось нас около 150 человек и на пароходе отправили вначале в Марсель, затем еще дальше, в Тулон.

Здесь нашу группу разместили в казарме, стали платить денежное довольствие и разрешили прогулки по городу. В одну из таких походов ко мне с Николаем подошел мужчина и на чисто русском языке пригласил к себе домой. Рассказал, что он поляк, зовут его Тадеуш, уже давно приехал во Францию, владеет небольшим кафе, женат на француженке и имеет дочь 18 лет. Мы с радостью согласились и пошли с ним. Дочка с первого взгляда очень приглянулась моему приятелю. Я понимаю, что мужчине, который давно не видел вблизи женщины, может любая понравиться. Как говорится: у каждого свой вкус. Мне она не понравилась, больно зубы у нее большие, кусаться будет, но я не стал его разубеждать. С тех пор я потерял своего друга, на прогулку уже ходил один. Через десять дней, подходит ко мне Николай и говорит, что поляк Тадеуш, предложил ему жениться на своей дочке, обещал спрятать от властей и сделать новые документы, мол он ничего не пожалеет для своей дочки, он, Николай, ей очень понравился.

Еще бы - Петров парень хоть куда: 185 см рост, широченная грудь колесом, а усы – украшение любого мужчины. Дело его, но я остался один. Вначале меня дергали, куда мол пропал Петров, но я отговорился, что его кто-то заманил к себе. Мне запретили все прогулки и поспешили нас всех отправить в русский легион. К этому времени нас собрали около 300 человек. Русский добровольческий отряд был образован после разгрома 1-ой особой пехотной дивизии в лагере Ля Куртин. Наиболее активных комитетчиков отправили в тюрьмы по различным островам Франции. Основную массу непокорных, как нас, отправили в Алжир, на каторгу, а из трехсот солдат которые согласились воевать во Франции по призыву полковника Готуа, образовали Русский Добровольческий отряд и прикомандировали их к Марокканской Ударной дивизии. Эта дивизия состояла из сводного полка Иностранного легиона, 8-го Зуавского, 7-го Марокканского стрелкового, 4-го марокканских стрелков и 12-го батальона мальгашских стрелков. Вот туда и пристроили наш отряд. Вначале он был небольшой, как я говорил, но потом увеличился за счет тех, кого силой, кого выгодой заставили идти на фронт. Эта дивизия прославилась себя в боях с немцами. Наши тоже не посрамили русское оружие и когда мы к ним прибыли, именовался он уже как Русский легион чести. Они в это время стояли на отдыхе, после тяжелых апрельских боев потеряли многих солдат и наше подкрепление пришло вовремя.

27 мая немцы начали новое наступление на Париж. Создалась критическая ситуация, что враг сумеет взять столицу, тогда французы бросили свой последний резерв в бой: Марокканскую дивизию в составе которой воевал Русский легион чести. Нас уважали французы и немцы, мы были на самых опасных участках фронта и наше участие в боях поднимало боевой дух во французской армии. Все лето прошло в боях, отбивая атаки германцев, а в сентябре союзные войска перешли в контрнаступление. Тут уже одно наше появление вызвало страх у немцев и обращало их в бегство.

Мы прошли многие районы западной Франции, освобождая ее территории от захватчиков, вошли в Лотарингию, затем в Эльзас, Саар и вошли в Германию. В конце заняли город Вормс. Немцы везде встречали нас враждебно и удивлялись, откуда появились русские войска, ведь они их победили.

В начале 1919 года в наш легион стало прибывать пополнение бывшими солдатами экспедиционного корпуса, которых разогнали по всей Франции на различные работы и по каторге. Отряд наш разросся до двух тысяч человек и тогда союзники решили отправить нас, наконец-то в Россию для помощи Деникину в борьбе с красными. Вот тут и сказалось настроение многих солдат в отношении к офицерам. Воспользовавшись первой возможностью на фронте, мы перебили своих командиров и перешли на сторону Красной Армии. Вот так закончилась моя эпопея.

Рассказ И. Переверзиева.

Совсем неожиданно произошла моя встреча с моим бывшим командиром отделения унтер – офицером Переверзиевым Иваном Петровичем, который был моим наставником и защитником во время боевых сражений во Франции. В лагере Ля Куртин Иван активно агитировал солдат за возвращение на родину и состоял в солдатском комитете полка. 4 сентября 1916 года весь актив и руководителей восстания, это около 390 человек, отделили от всех остальных солдат и увели неизвестно куда. Я записал рассказ о его преследовании французскими властями.

«Как ты помнишь, 4 сентября меня и всех руководителей солдатских комитетов отделили от всех остальных солдат, выведенных из лагеря, отправили на вокзал под усиленной охраной французскими солдатами и рассадил в товарных вагонах. Нас, руководителей ротных и полковых комитетов, и здесь посадили отдельно от трехсот остальных, в трех вагонах. Целый поезд был из 13 вагонов. Да, Афанасий, именно в товарных вагонах, это не так как ранее везли

в отдельных купе пассажирских вагонов, встречали на каждой станции и угощали чем только могли. Нам было запрещено общаться с местными жителями, двери вагонов были постоянно закрыты, было очень душно, открывали только ночью. Да и жители не встречали уже нас с улыбками, а наоборот, выкрикивали гневные слова и обзывали предателями. Лишь некоторые из охраны, относились к нам более – менее благожелательно, вот от них мы узнали, что на всем протяжении движения поезда, французские власти распространяли о нас небылицы, что мы около лагеря убивали и грабили местное население, что везут предателей союза с ними, лазутчиков немцев и т. далее. В общем поездка была неприятной. Всю дорогу анализировали, почему потерпели поражение и надо ли было нам, оказать вооруженное сопротивление. Но потом в конце концов пришли к мнению, что все равно мы не смогли бы пробиться в Россию, нас бы задавили в Европе.

Наконец, поезд прибыл на станцию, где нас, 90 человек вывели, остальных триста – повезли дальше. Потом мы узнали, что их доставили на остров Экс, где ранее содержали каторжан. Когда мы осмотрелись, то на вокзале увидели вывеску, где было написано, что мы прибыли в город Бордо. Нас отвезли в одну из военных тюрем города и поместили в камеры.

Сам город являлся одним из древнейших городов Франции, расположенный на берегу реки Гаронны. Тюрем там было несколько и в одну из них поместили, всех загнали в одну камеру площадью 80-85 квадратных метров. Никаких приспособлений для жизни и содержания людей, там не было. На полу валялись что – то наподобие матрасов из соломы, это и служило нам мебелью. Кормили нас выдавая 200 граммов хлеба, 70 граммов картошки, полагалось немного мяса, но мы его не видели, видно охранники тоже голодные были. Да, еще полагалось 25 грамм какой-либо крупы. На завтрак выдавали кофе без хлеба, он на обед полагался. Вот так впроголодь и жили. Газет и книг не давали, связи с улицей у нас никакой не было, только одна надежда на освобождение и отправка на родину. В тюрьме часто появлялся одиннадцатилетний сын одного из надзирателей, который даже стал общаться с нами. У многих наших были свои дети на родине, и они привязались к мальчишке, он же, чувствуя наше отношение, отвечал тем же. Через него мы узнали, что в России произошла Октябрьская революция сообщал, что происходит на свободе. Нам разрешались в маленьком дворике только два часа в сутки побыть на улице.

Нас охраняли солдаты французской армии из африканцев, которые с нами не разговаривали и отворачивались, когда мы пытались это сделать. За несколько месяцев пребывания в этой тюрьме нам только один раз предоставили возможность помыться, а медицинской помощи никакой не было, хотя среди нас было много больных и ослабевших от недоедания и такого ужасного содержания. На наши письменные обращения в администрацию об ускорении следствия никто не отвечал, а если кто-то сильно начинал возмущаться, то сразу же отправляли в карцер, где находится было еще тяжелее.

Наконец появился у нас прокурор военно-судной части русских войск во Франции полковник Лисовский. Он объявил нам, что он ведет наше дело, является следователем и судьей. Мы полностью зависим от его снисхождения, а он будет учитывать только тех, кто раскается во всем, остальные понесут строгое наказание в соответствии с законами военного времени. Он еще дважды у нас появлялся, но никто из нас каяться перед ним не захотел.

9 декабря 1917 года нас разбудили среди ночи и велели собрать свои вещи и тех, кого назовут, выходить строиться. Назвали тех, кто состоял в полковом комитете и был наиболее активным участником солдатского сопротивления. Всего нас набралось тридцать человек. Все это выглядело очень странно и ничего хорошего нам не сулило. Мы приготовились к самому страшному, так полагали, что нас собираются расстрелять. Нас построили во дворе и перед нами стоял конвой с оружием на изготовку. Один из наших решил всех поддержать и запел революционную песню, написанную в Куртинском лагере солдатами. Все остальные поддерживали его, и песня громко зазвучала по всей тюрьме. Это наши товарищи прощались с нами.

Как только закончилась песня, раздалась команда и конвойные вывели нас за ворота, где ожидал трамвай с двумя вагонами. Под усиленной охранной нас повезли, и тревога среди нас нарастала. Мы полагали, что власти решили с нами покончить за городом, среди ночи, чтобы об этом никто не знал. Наконец, трамвай остановился и когда нас вывели, мы увидели, что привезли на вокзал. Нас усадили в какой – то поломанный вагон в окружении конвоя и отправили сразу поезд. В этот день, уже днем мы прибыли на станцию Рошфор. Среди конвоя, оказался один солдат, который воевал совместно с русскими и хорошо относился к нам. От него мы узнали, что он сам из этого города и город был славен тем, что сюда ссылали каторжан. Здесь нас вывели и отвели в полуразрушенную казарму, где ничего не было, кроме асфальтного пола. Ночи уже были холодные и мы не могли уснуть, чтобы не замерзнуть. Бегали и прыгали всю ночь.

Утром отвезли в порт и посадили на небольшой буксирный пароход, не дали никакого завтрака и даже горячей воды, чтобы согреться. Вскоре мыплыли уже по морю. Тут вышел наш знакомый охранник и рассказал, что везут нас на остров Экс. Мы вторая партия русских, которых туда доставляют. Первую привезли где-то в сентябре-октябре месяце, как мы поняли это были наши солдаты, которых ранее везли с нами. Кроме нас там никого нет. Остров он небольшой всего три с половиной километра вдоль и полтора километра поперек. Там пусто, стоит один маленький домик, где несколько дней жил Наполеон Первый, перед отправкой на остров Святой Елены. Содержат на острове только особо опасных преступников и нас ждет фактически каторга: изнурительная работа и жизнь впроголодь.

Как оказалось, на деле, кроме одного домика, на острове имелись еще каменные казематы, куда нас поместили. Они представляли собой каменные мешки без света и тепла. Со стен постоянно текли маленькие струйки воды и с потолка капали большие капли. Если зазеваешься, то прямо за шиворот, очень слабое утешение вместо бани. Питание было 200 грамм хлеба и чашка черного кофе. Прогулка во дворе 20 минут. Сменного белья не было и бани тоже. Медицинской помощи не оказывали вовсе. Мысли наши были об одном – о Родине. Конвойные войска на острове были подобраны таким образом, что никто с нами не разговаривал и все контакты отвергали. Так что связи с ни с кем не было и что творилось в России – мы практически не знали. Бежать с острова было невозможно, кругом океан, а поднимать восстание с большим количеством солдат Франции на острове, было бесполезно, означало самоубийство. Комендант острова был под стать своей команде и по всей видимости, выполняя указание властей, он заявил нам, что мы не должны бесплатно есть хлеб, а будем отработывать.

Наша работа состояла в том, что мы должны были разбирать древний док и вытаскивать камни на берег. Целый день находились в воде и работать приходилась без всяких инструментов. Фактически это было издевательством над нами, т.к. никакого смысла в этой работе не было. Даже наши охранники возмутились и видя это комендант прекратил работу. Французские солдаты нас предупредили, что поступила команда попытаться завербовать желающих в иностранный легион. Кто согласится сразу же отправят в Рошфор, где поставят на довольствие и выдадут обмундирование. Тех же кто откажется, куда-то отправят, но куда именно, они не знают. Мы собрались и посоветовавшись решили – не соглашаться, ни на каких условиях.

На следующий на остров прибыла команда представителей во главе с капитаном французской армии. Там же был представитель русского экспедиционного корпуса поручик Павлов и другие лица. Они стали вызывать по одному из нас и спрашивать согласие на службу в иностранный легион, обещая различные блага. Из 330 человек –согласился только один. Тогда комендант острова приказал не выдавать нам никакой пищи и воды в течение двух суток и потом вновь стали агитировать. В этот раз уже ни один человек не согласился. Через несколько дней с острова стали небольшими партиями вывозить нас и разбрасывать по разным регионам. Нашу группу в количестве 20 человек отправили на запад Франции, где мы должны были рубить лес. Именно здесь я узнал, что стало причиной нашей переброски с каторжного острова.

О бедственном положении русских солдат на острове Экс, на каторге в Алжире, стало известно в самой Франции, во всем мире, и дошло и до России. Это вызвало большое возмущение и власти Франции стали замечать следы своих злодеяний. Начались публикации в прессе, что никакого преследования русских солдат нет, что они добровольно решают, воевать или работать, тем не менее именно это помогло нам избежать гибели на острове. Мы находились недалеко от границы со Швейцарией, в лесу. Сама граница проходила через Альпийские горы, густо покрытые лесом и озера. Преодолеть их было очень сложно, не зная местности. Многие хотели бежать через границу и бежали, но их быстро ловили и сажали уже в тюрьму. Поэтому пограничники были уверены, что в таких сложных условиях, нам не пробиться. Между тем местное население, несмотря на всю пропаганду, нам сочувствовало. Они посещали наш лагерь, приносили различные угощение и вино. С одним из них мы познакомились. Вначале мы опасались его, так как боялись провокации. Но он рассказал, что воевал и тесно общался с русскими солдатами, знает всю нашу трагедию в лагере Ля Куртин и очень сочувствует. Он заявил, что хочет нам помочь бежать в Швейцарию, сам перевести нас не сможет, так как у него нога искалечена, но достанет карту, нарисует маршрут и даст компас. Нас пять человек, наиболее близких к друг другу, решили бежать и стали готовиться: главное было приготовить еду, обувь и одежду, чтобы не замерзнуть в горах. В один их выходных дней мы ушли в лес и двигаясь по указанному маршруту пересекли границу и вступили на землю Швейцарии.

Вдалеке виднелся небольшой городок, куда мы направились. На окраине встретили одного мужичка и на пальцах, стали выяснять, где находится полицейский участок. С большим трудом он нас понял и указал на дом, где мы застали полицейского. Он сразу понял, кто мы и откуда пришли. Было видно, что мы не первые. С большим трудом он объяснил, что нам придется ехать с ним в город Лозанну, где будут нами заниматься. По прибытию в город, нас отвели в полицейское управление. Беседовал с нами комиссар, выяснял кто мы, где служили, почему бежали. Мы все рассказали, как было, ничего не скрывали и заявили, что больше воевать мы не хотим и стремимся на родину. После этого нас отправили в казарму, расположенную в центре города. Она была огорожена по территории, которой мы могли свободно перемещаться, но выходить в город не разрешалось. Вокруг нас, у ограды, собирались местные жители, которые дружелюбно к нам относились, расспрашивали как нам здесь, угощали вином. Но находились такие, которые ругались и называли предателями. Мы были одними из первых кто проложил дорогу через альпийские горы и за нами пошли другие. Почти каждую неделю к нам поступало пополнение. В конце концов нас уже собралось около сотни человек. Власти стали уже беспокоиться таким положением дел и решили, что кормить нас бесплатно, они не могут. Да и считали нас дезертирами. Из нас сформировали две команды и направили на мелиоративные работы в различные районы Швейцарии.

Мы работали в заболоченной местности, под контролем инженера-мелиоратора и смотрителя, копали каналы, специальной обуви и одежды, нам не выдали. Хотя нас никто не охранял, но надзирали местные полицейские. Условия работы были тяжелые. А питание составляло всего 300 грамм хлеба, 25 грамм пшена и 100-150 грамм моркови. На такой физической работе мы просто голодали, среди нас начались заболевания. Обратились к местным властям, но никаких изменений не последовало. Местные жители, зная, как нас содержат, решили поддержать и стали нас подкармливать. Это нас поддержало. Тем не менее, мы решили организовать забастовку. И тут власти Швейцарии в полной мере себя показали. Всех руководителей арестовали, в том числе и меня, и поместили в тюрьму. В это же время большая группа солдат – куртинцев перешли границу Швейцарии, однако власти их вернули назад во Францию. А тут еще опубликовали, что мы устроили забастовку и нас арестовали, поместив в тюрьму. Все это было опубликовано в газетах и вызвало большое возмущение со стороны народа действиями властей. Тем не менее я вместе с остальными был помещен в ссыльную тюрьму.

В июне 1918 года в Швейцарию прибыла советская дипломатическая миссия и в первую очередь занялась нашим освобождением и отправкой на родину. Именно благодаря им, уже через месяц, я наконец, прибыл в Россию совместно со всеми остальными солдатами – куртинцами.

Часть вторая. Солдаты Советской Армии - Герои 60-80 годов 20 века.

Герой своего времени. Корея, начало 1950-х.

*Воздушный бой, он очень жуткий,
В бою – натянут, как струна,
От перегрузок трудно вспомнить,
А где же небо, где земля.
То виражи, то пилотажи,
То бочки крутишь, как шальной.
Прицельно бьешь, в тебя стреляют.
Нет, не попали, ты живой.*

Филатов Н.А.

Предисловие.

10 августа 1945 года в результате быстротечной войны с Японией и освобождения Кореи от японской интервенции войсками СССР и США, произошло разделение Кореи по 38 параллели. Вообще-то союзные войска планировали создание единой демократической республики. Но как произошло в Германии, так и в этом случае, американцы побоялись возникновения ещё одного коммунистического государства на азиатском континенте. Победа в Великой Отечественной войне произошла благодаря героизму и отваге всех народов Советского Союза. Тогда ещё весь мир помнил, кто именно победил фашизм. Это сейчас на Западе считают, что без американских и английских поставок оружия и тушенки, русские не смогли бы одержать победу, что именно их десант в 1944 году одержал победу над немцами. Но в то время все народы мира знали о действительной роли Советского Союза в войне и тех, кто положил свои головы, за освобождения Европы. Поэтому и коммунисты в своих странах, пользовались особым авторитетом у граждан своей страны и возглавили правительство в некоторых государствах.

В общем, как это произошло в Германии, так и в Корее. Вначале американцы на юге Кореи провели выборы, и во главе правительства стал их ставленник: Ли Сын Ман. Затем прошли выборы на Севере и к власти пришли коммунисты во главе с Ким Ир Сеном. В результате возникли две республики: на севере – Корейская народно-демократическая республика, на юге – Корейская республика. Причем каждый из глав правительства полагал, что его власть распространяется на всю Корею. В 1949 году советские и американские войска были выведены из Корейского полуострова. Ким Ир Сен полагал, что народ Юга его полностью поддерживает и только стоит войти войскам Северной Кореи на территорию Южной Кореи, там вспыхнет восстание, и Корея будет полностью освобождена от американского империализма. Именно это он старался донести до Сталина и Мао Цзэдуна и заручится их поддержкой на случай войны. Сталин же полагал, что может вспыхнуть третья мировая война, и поэтому Советскому Союзу вмешиваться в войну в Корее не стоит. Однако не отказывал в военной помощи и направлении военных советников для создания армии. В Корею было направлено 4293 специалиста, из них 4020 – это военные.

Перед началом войны войска КНДР насчитывали 175 тысяч человек, 150 танков Т-34 и 172 боевых самолета. Войска Южной Кореи насчитывали 93 тысячи человек, не имели практически бронетехники и самолетов.

25 июня 1950 года войска КНДР перешли границу 38 параллели и началась война. К середине августа 1950 года войска Северной Кореи заняли 90% территории Южной Кореи, фактически у тех оставался только Пусанский периметр по реке Нактонган.

США, пользуясь тем, что СССР бойкотировал работу Совета Безопасности ООН и все заседания ООН, предложил резолюцию об оказании военной поддержке Южной Кореи и их поддержали многие государства Запада. После чего в Южную Корею были переброшены войска США из Японии и к ним присоединились еще 21 государство: Великобритания, Австралия, Турция, Бельгия, Греция и т.д. Уже через несколько дней самолеты США захватили все воздушное пространство полуострова. Началось отступление армии КНДР. 8 октября 1950 года союзные войска подошли к 38-й параллели, а в конце октября была взята столица КНДР. Стало ясно, что без помощи Китая и СССР не обойтись. Китай предоставил до миллиона своих солдат, так называемых добровольцев, а СССР перебрал к границе Китая и КНДР несколько своих истребительных авиационных дивизий для защиты воздушного пространства Северной Кореи.

Глава первая.

На одном из подмосковных военных аэродромов новейшие реактивные самолеты МИГ-15 заходили на посадку. Они возвращались от Москвы, где отрабатывали полеты перед парадом Победы. 28-летний Николай Петров, командир звена, сел первым. Его встречал техник Роман Молдавский, с которым они еще со времен войны были вместе.

– Как самолет ведет себя? – спросил Роман.

– Все нормально. Не волнуйся. Мы с ним как будто слились воедино. Малейшее мое движение чувствует, – ответил Николай и с нежностью похлопал по борту самолета.

– Ну, я пошел в столовую. Вечером ты что делаешь? – спросил Николай, – может, пойдем, погуляем, на танцы сходим?

– Ладно. Иди. Я тут ещё покопаюсь, а вечером заскочу к тебе, – ответил Роман.

Как только Николай зашел в столовую и сел обедать, раздалась команда: «Всем офицерам собраться в клубе». «Наверное, что-то в отношении парада будут говорить», – подумал Николай и направился в клуб. Когда он зашел, там уже сидели почти все офицеры дивизии. Тут же раздалась команда: «Встать. Смирно!» На сцену вышли командир дивизии, трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб, его заместитель по политчасти Константин Егоров и какой-то гражданский, как потом выяснилось, представитель ЦК.

«Вольно. Прошу садиться», – скомандовал И.Кожедуб. «Товарищи офицеры, ситуация в мире резко накалилась, – начал И.Кожедуб, – американский империализм никак не может успокоиться и разжигает новый очаг войны. На этот раз в Кореи. Наши товарищи, коммунисты Кореи, находятся в тяжелых условиях, их непрерывно бомбят самолеты США и союзники. Они вынуждены отступать, и нуждаются в нашей защите. Кто из офицеров, коммунистов, готов ехать на войну в Корею, прошу встать.»

Тут же все сто человек, находившиеся в зале, в едином порыве встали. «Ну, я ничего другого и не ждал, – сказал И. Кожедуб, – мы тогда сами отберем 60 человек, которые отправятся вместе со мной, прежде всего это будут те летчики, кто уже принимали участие в войне и имеют боевой опыт. Сейчас там находится свыше 2000 самолетов противника и все, уже имеющие опыт войны с Германией. Мы тоже пойдем по этому пути. Предупреждаю, что решение данного собрания является совершенно секретным, и никто, даже самые близкие люди, не должны знать, куда и когда мы поедем. Официальная версия – это переброска нашей дивизии

на новую дислокацию, в Сибирь, на границу с Китаем. Все свободны», – закончил свою речь командир.

Вечером в общежитие, где размещались летчики, зашел Роман. В комнате у Николая никого не было, все разбрелись кто куда.

– Ну, что загрустил, Коля?» – спросил Роман.

– Да вот, жду, что ты скажешь, – ответил Николай, – у вас ведь тоже собрание было...

– Было, было, – ответил Роман, – конечно, еду, нельзя же тебя бросать одного. Ещё чего-нибудь натворишь без меня...

– Это другое дело, – сразу повеселел Николай, – надо отметить.

И пошел к буфету, доставая бутылку водки и колбасу.

– Ну, что, за партию и наше правительство! – провозгласил тост Николай.

– Давай, – поддержал его Роман. Выпили, помолчали, прислушиваясь, как живительная влага разливалась по телу.

– Между первой и второй – перерывчик небольшой, – сказал Николай, разливая водку по стаканам.

– Теперь – за Сталина! – объявил Николай.

– За Сталина! – повторил Роман, и молча выпили. Закусывая, Роман спросил у Николая:

– Опять воевать будем? «

– Будем, никуда не денемся... И надерем задницу америкосам, – ответил Николай.

– Тогда давай выпьем за то, чтобы вернулись! – предложил тост Роман. Опять выпили и помолчали.

– Теперь – хорошо, – констатировал Николай, – пошли на танцы...

И друзья направились на улицу.

Прошло несколько дней, Николай и Роман тряслись в поезде, разместившись на полках в купейном вагоне. Поезд уносил их к китайской границе, и ехать предстояло долго. За стенкой друзья-товарищи горланили песни, а им уже надоело, и они молча уставились в окно, глядя на пронесившиеся мимо деревья и поля. Наконец, молчание прервал Роман: «Слушай, Николай, а чего мы премся воевать. Мало что-ли было? Тогда хоть знали, что Родину надо защищать, своих родных и близких. А теперь зачем?» «Вот, затосковал, видно по бабе соскучился, – ответил Николай. – Во-первых, надо самолеты наши новые проверить, как поведут себя в бою. Во-вторых, себя проверить, не заржавел ли, да и тактика боя на реактивных машинах совсем другая. Как наши самолеты проявят себя в бою с американскими? Тут не только головой крутить придется, но думать надо. Это – вопрос вопросов...» «Это всё хорошо, но поймут ли наши потомки, за что мы воевали? Не сочтут ли нас за агрессоров?» – сказал Роман. «Ну, ты даешь. В агрессоров, это нас-то. Мы едем защищать корейцев, а не нападать. Знаешь, нас даже предупредили, чтобы границу с Южной Кореей не пересекали, чтобы ни один летчик не попал в плен, – ответил Николай, – и вообще, меньше болтай, ещё услышит кто-нибудь, потом хлопот не оберешься...» И друзья опять надолго замолчали, а потом и уснули под мерный стук колес.

Прошло ещё несколько дней, и поезд с лётчиками подошел к китайской границе. В купе вошли снабженец Трофимов Петр с солдатом, принесли с собой форму и велели переодеваться.

– Это еще что такое? – спросил Николай.

– Китайская форма, – ответил Петр, – ты теперь китайский доброволец. Вот тебе словарь, и – учи корейский язык. Да ещё и фамилию себе придумай. Например, «Пет Ник Лай», – и, рассмеявшись, вышел из купе. Вскоре и командир полка прошел по вагону. Предупредил, чтобы все переоделись и из вагонов не выходили до прибытия к месту назначения. И учили корейский язык.

Через несколько дней прибыли на аэродром под Шанхаем. Дали команду на разгрузку и подготовку самолетов к передислокации. Роман целые дни возился с самолётом, а Николай готовился к полётам. Летчикам объяснили, что их задачей будет охрана воздушного простран-

ства Северной Кореи, защита электростанции и мостов между Китаем и Кореей, по которым идет снабжение армии Северной Кореи. Американцы не должны знать, что им противостоят летчики Советского Союза, поэтому запрещается в воздухе разговаривать на русском языке, общаться только на корейском, со словарем. Все документы в самолете, должны быть только на корейском, фотографировать ничего нельзя, у кого имеются фотоаппараты, всем сдать. Противостоят им будут, в основном, американцы на истребителях Ф-86 «Сейбр». Налёты американцы совершают массированными группами, состав доходит до 100 бомбардировщиков, их называют «летающие крепости», это стратегические бомбардировщики «Б-29», способные нести до 9-ти тонн бомбовой нагрузки и имеющие 8 крупнокалиберных пулеметов. Такой самолет совершил атомную бомбардировку японских городов Хиросима и Нагасаки.

По мере подготовки самолётов нашими техниками летчики сразу начинали их обкатывать. Далеко летать не разрешали, устраивали учебные воздушные бои, в которых лично участвовал Иван Кожедуб, обучая молодежь. Николай из машины не вылезал, отрабатывая полеты летчиков своего звена, все были молодые, в войне не участвовали, но имели достаточный опыт налёта. Обратили внимание, что при имитации воздушного боя возникают значительные перегрузки, которые могут привести к потере сознания... Приспособились сжиматься в клубок, стало легче. У американцев были специальные костюмы, которые снимали нагрузку, а нашим приходилось приспосабливаться.

Наконец, поступила команда передислоцироваться к границе Китая с Кореей и начать боевые операции.

Глава вторая.

Прибыли на границу с Кореей, в провинцию Гирич. На аэродроме находились еще китайские и корейские лётчики. Они уже побывали в воздушных боях с американскими лётчиками, но особых успехов не добились. Когда И. Кожедуб знакомился с ними, обратил внимание, что все невысокого роста, худенькие. Стал расспрашивать, как ведут себя самолеты в бою, какие проблемы возникают, и тут стали поступать жалобы, что летчики теряют сознание при нагрузках. Иван Никитович спросил: «А чем вы кормите своих летчиков?» Китайские и корейские командиры пояснили, что те едят, как обычно, рис. Иван Никитович рассмеялся и сказал, что на такой еде только на «фанере» летать можно. Потом пояснил, что речь идет о самолете У-2, самом тихоходном из существующих самолетов. «У летчика питание должно быть калорийным, ему приходится много тратить сил в воздухе», – добавил И. Кожедуб. К его словам прислушались, и рацион у китайских и корейских летчиков изменился.

Первый боевой вылет состоялся уже на следующий день после прибытия. Над аэродромом появился американский разведчик РБ-45. Командир полка дал Петрову команду взлететь со своим звеном и уничтожить противника. Николай и его напарники взлетели, но американский летчик близко их к себе не подпустил. При их приближении он стал забираться все выше и выше, пока не достиг потолка 14 км, куда нашим было не достать. Покрутились внизу, пока он не улетел, и сели.

На следующий день произошло первое боевое столкновение и появились первые потери... Звено Николая Первухина вылетело в район переправы через реку Ялуцзян и наткнулось на 4-х бомбардировщиков в сопровождении десятка истребителей. Завязался бой, в результате которого был сбит один бомбардировщик, но и одного нашего летчика, старшего лейтенанта Никитенко подбили, он еле дотянул до аэродрома, где и упал... Спасти летчика не удалось. При сообщении о появлении противника был поднят в воздух полк майора Невзорова, но при появлении наших самолётов противник сразу же бежал. В этот день по обычаю, существовавшему ещё с Великой Отечественной войны, во время обеда на столе появилась рюмка

с водкой и куском хлеба, предназначенная погибшему летчику. Прошло ещё несколько дней, и – новая потеря: подбили Симакина, благо тот сумел сесть на рисовом поле и уцелел.

Прошла неделя, и тут появилось сообщение, что большая группа самолетов противника летит в направлении моста через реку Ялуцзян, служившему основной переправой для снабжения армии Северной Кореи. Очевидно, решили окончательно разбомбить мост. Полковник И. Кожедуб принял решение поднять всю дивизию в воздух и сам, несмотря на строжайший запрет, лично командующего воздушной армией Василия Сталина, поднялся во главе. Эскадрилья Тимофеева, в которую входило звено Николая Петрова, получило команду прикрывать сзади авиационную группу.

При подлете к мосту на высоте около 7000 метров обнаружили противника. Впереди летели бомбардировщики «Б-59», расположенные ромбом, всего их в группе было двенадцать самолетов, за ними – ещё группа и ещё, всего – около 50-ти самолетов. Группа прикрытия из истребителей отстала. Наше появление оказалось для них неожиданным. Командир крикнул: «Соколы, за мной! Тимоха, ты прикрывай!» И ринулся вниз, на бомбардировщики. Какой тут корейский язык, все про него и забыли. Тимофеев скомандовал: «Вперед, атакую!», и рванул навстречу истребителям противника. Петров – следом за командиром, за ним – его ведомый и вся группа. Самолет американца выплыл прямо перед ним, и Николай прошил его очередью из пулемета. Тот задымил, и начал падать. Провожать его взглядом Николай не стал, откуда-то сзади небо прочертила пулеметная очередь противника. Оглянувшись, Николай увидел, как на него несется «Сейбр», стреляя из всех пушек. Точно бы попал в него, но выручил ведомый Сергей Николаев, из двух пушек влепил тому прямо в бок, самолет и свалился в пике. Взяв руль на себя, Николай выскочил из боя вверх, огляделся и увидел, как один за один падают самолеты противника, небо было усеяно парашютами сбитых летчиков. Не выдержав удара, американцы стали сбрасывать бомбы куда попало, разворачиваться и удирать в сторону моря, куда нашим летчикам запретили летать. Николай сверху спикировал на одного из них и вдогонку послал очередь, задымив, самолет резко пошел вниз. Николай не стал его преследовать. Посмотрел на время, с момента начало боя прошло-то всего минут десять. Поступила команда возвращаться. На аэродроме Роман насчитал на самолете Николая 12 дырок, у остальных самолетов тоже по несколько штук, но самое главное – ни одного нашего американцы не сбили. По объективным данным, полученным уже после этого боя, было сбито 10 «летающих крепостей» и 4 истребителя противника. С нашей стороны потерь не было. Около 100 американских летчика взято в плен. Этот день американцы называли «черным вторником» и почти месяц не появлялись в воздушном коридоре, который контролировали наши летчики над Северной Кореей.

Так день за днём продолжалась воздушная война с американскими летчиками. Они отлично слышали русскую речь и отборный мат во время боя, но наше правительство категорически отрицало участие своих летчиков в войне в Корее. Для подтверждения своих слов американцы старались захватить хотя бы одного летчика, но наши строго соблюдали зону своего действия и если кого-либо подбивали, то самолет садился или падал на территории действия войск Северной Кореи.

Противостояние самолетов «МИГ-15» и «Ф-86» продолжалось довольно успешно для нас, но технические решения машин очень интересовали инженеров, поэтому каждая из сторон пыталась захватить самолет противника для изучения. Наши самолеты были легче и быстрее набирали высоту, поэтому лучше совершали вертикальный маневр, имели выше потолок и более мощное вооружение. Американские самолеты были быстрее в горизонтальном полете и пике, лучше маневрировали и дальность полета была выше.

За захват советского самолета американцы обещали от 50 до 100 тысяч долларов – в то время это были большие деньги, сбрасывали листовки к корейским и китайским летчикам с предложением перелететь на их сторону, обещая политическое убежище, но во время войны им это не удалось. Нашим же, напротив, повезло, в одном из боев летчики подбили амери-

канский самолет. Обычно в этом случае у американцев вылетала группа спасателей, которые забирали летчика и уничтожали самолет. Но в этот раз самолет упал в прибрежных водах и во время прилива был скрыт под водой, недоступен для уничтожения. Этим воспользовались наши военные, вместе с корейским военнотружущимися они вытащили самолет и увезли на аэродром. А затем отправили в Москву, для изучения.

Третья глава.

Прошло девять месяцев, как Николай Петров вместе со своим другом, Романом Молдавским, воевали в Корее. За этот период времени Николай сбил лично 9 самолетов противника, один раз сбили и его. Ему повезло, что он остался жив. Среди летчиков существовало негласное соглашение: если летчик спасается на парашюте, его никто не трогает, но так было не всегда. Как только Николай выпрыгнул из самолета, и открылся его парашют, американский летчик погнался за ним и решил уничтожить. Видимо, Николай перед падением сбил его близкого приятеля. Американец открыл огонь из всех пушек, но цель была слишком мала, и он проскочил мимо. Стал разворачиваться, но парашют Николая вошел в облако и там затерялся. Когда Николай выплыл из облака, американца уже не было видно. Очевидно, наши летчики отогнали.

10 декабря 1951 года Николаю Петрову и еще 8-ми летчикам было присвоено звание Героя Советского Союза, а Роман Молдавский был удостоен ордена «Красной Звезды». Прибыла смена, и 31 декабря 1952 года наши друзья уже встречали на родине, в кругу своих близких и друзей.

За 9 месяцев боев в Северной Корее летчики Ивана Никитовича Кожедуба сбили 216 самолетов противника, а сами потеряли 27 самолетов и 9 летчиков.

64-й истребительный авиационный корпус принимал участие в военных действиях с ноября 1950 года по июль 1953 года. Всего летчики 64 ИАК произвели 63229 боевых вылета, участвовали в 1790 воздушных боях, сбили 1309 самолета противника, из них авиацией – 1097 штук, огнем зенитной артиллерии – 212 штук.

Наши потери за период с 25 июня 1950 года по 27 июля 1953 года составили 125 летчика и 335 самолета. Орденами и медалями награждены 3504 военнотружущихся, а 35 летчиков получили звание Героя Советского Союза.

27 июля 1953 года американским генералом Кларком от имени командования войск ООН, представителями КНДР и Народно-освободительная армия Китая (НОАК) было заключено перемирие.

Герой своего времени. Венгрия, 1956 год.

Предисловие.

Венгерское восстание 1956 года до настоящего времени вызывает противоречивые мнения: одни считают, что это была попытка вырваться из коммунистического блока, другие – что это была первая «оранжевая» революция, организованная США ещё в бытность Советского Союза. Чтобы правильно оценить эти события, надо заглянуть в историю страны.

В 1919 году Миклош Хорти, венгерский адмирал, подавил революцию и возглавил молодую Венгерскую Советскую республику. Он установил авторитарный режим, где были запрещены коммунистическая партия и откровенно профашистские партии, однако к 1941 году Хорти уже стал союзником Германии и воевал против СССР. Войска Венгрии оккупировали часть территории Советского Союза вместе с немецкими войсками и были виновны в репрессиях против населения. В 1944 году Миклош Хорти попытался выйти из войны, но с помощью

немцев был отстранен от власти и отправлен в Германию, а к власти пришла фашистская партия во главе с Ференцом Салаши.

На Восточном фронте побывало 1,5 млн. венгров, из них треть людей погибла, а остальные были взяты в плен. Годы власти фашистов не прошли бесследно для народа Венгрии, мало кто из них испытывал симпатии к Советскому Союзу и встречал с цветами советские войска. Битва за Будапешт была одной из наиболее кровопролитных во Второй мировой войне, где более 80 тысяч советских солдат погибло и около 240 тысяч было ранено.

После окончания войны в Венгрии прошли всеобщие выборы, в ходе которых победила независимая партия мелких хозяев, получившая 57% голосов избирателей, коммунисты получили только 17% голосов. Это не устраивало руководство Советского Союза, и началось постепенное вытеснение из власти представителей других партий. В итоге к власти привели коммуниста Матьяш Ракоши, который установил личную диктатуру и копировал сталинскую модель построения коммунизма, насаждал коллективизацию и индустриализацию страны. Многие его политические противники подверглись репрессиям. После смерти Сталина, 27-28 июня 1953 года Ракоши был смещён, во главе правительства стал Имре Надь. Экономическую политику изменили, инвестиции уже были направлены на развитие легкой и пищевой промышленности, давление на сельское хозяйство и частный сектор ослаблено. Это привело к внутрипартийной борьбе между сторонниками Матьяш Ракоши и Имре Надя. После 20 съезда Коммунистической партии Советского Союза и разоблачения культа личности Сталина, Матьяш Ракоши был снят с должности и отправлен в отставку.

Положением в стране воспользовались противники коммунистического правления, и в первую очередь – США. В январе 1956 года военная разведка США представила доклад: «Венгрия. Активность и потенциал сопротивления», где была сформирована основная задача – это перевод недовольства населения Венгрии в фазу активного сопротивления. С радиостанции «Свободная Европа» начались программы, призывавшие к оказанию сопротивления власти, со стороны Западной Германии в Венгрию полетели тысячи шаров с листовками. На территорию забрасывались сотни бывших фашистов с оружием для организации вооруженного мятежа. Внутри страны действовали подпольные центры фашистов «Меч и крест», «Белая гвардия» и другие.

16 октября 1956 года в городе Сегеда на демонстрацию вышли студенты из «Демократического Союза молодежи», «Союза студентов» и другие молодежные организации. 23 октября 1956 года в Будапеште прошла демонстрация в 200 тысяч человек под лозунгом «национального коммунизма». Первый секретарь Э. Гере выступил с критикой демонстрантов. В ответ начался штурм Дома радио, появились первые убитые и раненые.

25 октября сотни тысяч демонстрантов собрались у здания парламента в Будапеште, туда же подтянули советские войска. И тут с крыш зданий начали вести огонь по демонстрантам и войскам. Был убит советский офицер и сожжен танк. В ответ советские войска открыли огонь, погиб 61 человек и 284 человека ранено.

Обстрел вёлся с крыш, неизвестно кем и зачем. Это нам знакомо, и на память приходит февраль 2014 года, Украина. Майдан. И опять – погибшие с обеих противоборствующих сторон.

Уже по прошествии многих лет, когда были опубликованы секретные материалы ЦРУ за 1956 год, стало известно об их операции в Венгрии под названием «Фокус» и её роли в «оранжевой» революции.

В стране начались нападения на советских военнослужащих, их семьи, убийство женщин и детей, зверские убийства с пытками сотрудников государственной безопасности и судами Линча.

Глава первая.

Я служил третий год в танковых войсках, был водителем танка. В те годы ребята в армии служили по три года, а во флоте – все четыре. Только недавно закончилась война, и мы понимали, как важно для страны уметь защищать Родину.

23 октября 1956 года, ровно в 4 утра раздалась тревога. Тогда нас часто таким образом тренировали, и мы по привычке вскочили, оделись на ходу, получили оружие и – к танку. Через 15 минут наш полк уже был на маршруте. Размещались мы недалеко от Львова и шли колонной в сторону границы. Что произошло и куда едем, никто не знал. Только на границе сделали перекур, и тут объявили приказ Министерства Обороны, что у наших венгерских товарищей произошла контрреволюция, и мы идем к ним на помощь. Как только проскочили границу, сразу стало ясно, что в Венгрии что-то происходит. В первом же населенном пункте памятник Сталину был повален, народ с улиц исчез. Мы шли на большой скорости на танках по полям, а по шоссе – наши автомашины. С собой у нас был сухой паёк, но и его употребить было некогда, гнали, как на пожар. Въехали в небольшой лесок, командир высунулся из люка, повеяло свежим воздухом. В общем – благодать. И вдруг впереди раздался взрыв. Мы остановились, было непонятно, что происходит. Командир выскочил из танка и побежал вперед, выяснять обстановку. Оказалось, что наш головной танк забросали гранатами откуда-то из обочины. Погиб командир танка, он тоже из люка высунулся. Пока разбирались, разворачивались, окружили место, откуда бросали, а там уже никого не было – ушли оврагом. Собрали командиров и всех предупредили, что стрелять нельзя, можем своих, рабочих, убить и их настроить против себя. Приказ нам не понравился: как это: нас будут убивать, а мы должны молчать, но приказ обсуждению не подлежал.

Опять по танкам и вперед рванули, теперь уже с закрытыми люками и не высовывались. Впереди показался городок. Слева от нас по шоссе мчится автомашина с людьми. Тут уж мы проявили бдительность, перекрыли дорогу и навели на них пушки. Из переднего танка выскочил командир и направился к остановившейся автомашине. Оказался отряд вооруженных рабочих, двигался на помощь в Будапешт. Командир велел им всё оружие сдать и возвращаться домой, мол, мы разберемся со всеми. Хотя, по моему мнению, им самим надо было разбираться, а мы могли бы только помогать. Но меня ведь никто не спрашивал, и я помалкивал.

На вторые сутки мы подошли к столице Венгрии Будапешту. Наш экипаж состоял из 4-х человек: я, Николай Смолянинов, механик-водитель, мой друг, Петр Евдокимов, он же стрелок-радист, мы с ним вместе призывались. Он сидел рядом со мной, а чуть сзади, в башне, находились командир танка Семенов Константин Иванович, хотя честно говоря, какой он Иванович – был чуть старше нас, только окончил военное училище, и наводчик Костя Иванов. Танк у нас был из новых: Т-34-85.

Перед Будапештом мы поели и завалились спать, где придется, глаза смыкались, сил терпеть больше не было...

Глава вторая.

Утром, 25 октября 1956 года, мы стояли в пригороде Будапешта и ждали команды. Наконец, в 11 часов прозвучала команда двигаться к центру Будапешта. На провокации со стороны населения не реагировать, стрельбу не открывать. Наш взвод из 3-х танков стал продвигаться по улице. Народу было много, кое-где надписи: «Русские, возвращайтесь домой», и кое-что похлеще. Мужики, которые понаглее, забирались на танк и втыкали свои знамена нам в ствол. Приходилось разворотом башни сбрасывать их на землю. Впереди обнаружилась баррикада из сваленных урн, бочек и прочего хлама. Мы ехали очень осторожно, чтобы никого не задавить. Вдруг из-за баррикады раздался выстрел, стреляли по танку... Вреда не причинили, но было очень неприятно, когда раздался щелчок по броне. От командира полка поступила команда:

«Огонь поверху». Петька выпустил несколько очередей, и люди из-за баррикады посыпались в разные стороны. Танк медленно перевалился через баррикаду и двинулся дальше. По радио предупредили, что в центре города началось сражение и один танк подбит. Поступила команда: «Не давать возможности к себе подойти.»

Чем ближе к центру города мы подъезжали, тем больше народу было на улице. Нам открыто махали кулаками, грозили оружием, но не стреляли. Видно, боялись получить отпор. Некоторые из людей были в военной форме, по всей видимости, часть армии перешла на сторону восставших. Вдалеке какие-то вооруженные люди тащили за ноги человека к дереву и стали его подвешивать. Я доложил командиру, тот дальше по команде, но нам велели не вмешиваться. Сами, мол, пусть разбираются. По всему было видно, что начался разгул «народного гнева», где больше преобладают животные чувства, а не разум.

Мы остановились недалеко от площади. Дело клонилось к вечеру, все ужасно устали, надо было где-то отдохнуть. Справа мы увидели здание школы и, с разрешения командира, решили её занять. К нам подошли ещё несколько танков, и мы окружили школу по периметру, выставили охрану. В городе всю ночь слышались выстрелы, кое-где возникали пожары, но мы немного отдохнули.

Наутро напротив школы, за площадью, мы увидели возведённую баррикаду и на ней – людей с оружием. В нас не стреляли, и мы их не трогали, ждали команду. Петька вылез и уселся на башню, демонстрируя свою удаль, пользуясь тем, что командир ушел завтракать. Вдруг на площадь выбегает маленькая девочка, лет 3-х, не больше. Черненькая, с большими кудрями, прижала к груди куклу, плачет и зовет кого-то, по всей видимости, маму. Со стороны баррикады раздались крики: зовут девочку к себе. Она испугалась и присела на четвереньки, озирается и плачет. Тут Петька спрыгнул с танка и направился к ней. Я ему кричу: «Не лезь туда!» Но друг только отмахнулся и спокойно так пошел дальше, как будто ничего и никого не было. Он почти вплотную подошел к ней и, видимо, стал что-то говорить, успокаивая ребёнка, как раздался выстрел. Он прозвучал, как гром среди ясного неба. Я уверен, что вздрогнули все, кто наблюдал за этой сценой. Петька покачнулся и упал, головой к девочке, протянул руки и укрыл её собой. Я завел танк, и он как зверь бросился вперед, остановился сбоку, и мы вместе с Костей затащили Петьку с девчонкой в танк. Затем я развернулся и отъехал назад. Петька еще дышал. Я поднял его голову, и он, глядя мне в глаза, сказал: «За что? Я же только хотел ей помочь...» У меня потекли слезы. «Петька! Ты держись. Сейчас врач будет», – кричал я ему. Но он меня не слышал и только повторял: «За что? За что?», а потом затих...

И тут раздались выстрелы орудий, это наши вдребезги разнесли чердак, с которого стреляли. Но я уже ничего не слышал, держал голову своего друга и только повторял: «Петька, Петька. Очнись!»

Прибежал командир, забрали Петьку, а меня вывели в здание школы. Вскоре приехал замполит Николаев Михаил Петрович. Он стал меня успокаивать, но меня била дрожь... Я спросил его: «За что? За что? Он ведь ничего плохого не сделал, хотел девчонку защитить...» На что Михаил Петрович мне ответил: «Такова доля советского солдата, мы всех хотим защитить и при этом кладем свои головы на чужбине.»

Мы простояли несколько дней у этой площади. Вскоре нашлась и мать этой девочки. Было ясно, что командование не знает, что делать, и наверху совершенно растеряны. У нас был небольшой приемник, по-венгерски мы ничего не понимали, а наше радио делало вид, что ничего не происходит. Только радиостанция «Свободная Европа» вопила, что мы оккупировали Венгрию, и призывала к оказанию всевозможного сопротивления. 29 октября 1956 года, наконец, поступила команда вывести все танки за город и ждать дальнейшей команды.

Глава третья.

Прошло несколько дней. К нам в экипаж вместо Петьки прислали стрелка-радиста, Сергея Крячкина. Служил он второй год. Его танк забросали гранатами в центре Будапешта. Командир с наводчиком погибли, а он с механиком, спаслись через нижний люк. Благо, наши сразу подоспели.

Он рассказывал нам ужасы... После расстрела митинга в центре города люди совсем озверели, напали на городской комитет партии и вытащили работников на улицу, поиздевались, а затем повесили человек двадцать. Хватали всех своих работников государственной безопасности и казнили: кого вешали, кому животы вспаривали и – вниз головой на деревья... Их узнавали по желтым ботинкам, которые выдавали только работникам государственной безопасности. Если кого наших военнослужащих ловили – тоже убивали. Армия у венгров не вмешивалась, только часть перешла на сторону восставших. Говорил, что много фашистов с оружием, забросили из Германии и Австрии, а на границе стоят войска НАТО и ждут команды, чтобы начать войну.

Своими рассказами Сергей, конечно, подогрел нас. 3 ноября 1956 года прошел слух, что к нам прибыл маршал Жуков для проведения операции. Эта новость сразу же всех взбодрила. Стало ясно, что пришёл конец неопределенности. И правда: 4 ноября в 4 часа утра нам зачитали приказ маршала И.С. Конева, что империалисты пытаются совершить контрреволюцию в Венгрии, и, по просьбе правительства, мы должны им помочь освободиться от контрреволюционеров. Тут же сказали не миндальничать, всех, кто оказывает сопротивление, уничтожать. Операцию по освобождению Будапешта называли «Вихрь».

Используя опыт Великой Отечественной войны, наши войска захватывали квартал за кварталом с помощью штурмовых отрядов, которым были приданы танки и артиллерия. Наш танк был впереди, сбоку шли бойцы, блокируя дома, и не давали возможности забрасывать нас гранатами. Если встречалась баррикада, то мы расстреливали её, не дожидаясь встречного огня.

Особо сильное сопротивление мы встретили у торгового комплекса «Пассаж Корвина», где располагался штаб восставших. Несколько танков им удалось поджечь, но нашему танку повезло: мы прорвались прямо в пекло, нам подбили гусеницу, кончились снаряды, и мы начали отстреливаться из автоматов и бросать гранаты, которыми предусмотрительно запаслись заранее. На помощь к нам прорвался ещё один танк, и восставшие не выдержали, побежали.

К 10-му ноября все основные очаги сопротивления были подавлены. А ведь сил у восставших было немало. По некоторым данным, в городе насчитывалось около 50 тысяч человек, во главе которых стояли бывшие фашисты со своими солдатами.

За время боёв в период с 23 октября 1956 года по 31 декабря 1956 года в Венгрии погибло 2652 гражданина и было ранено 19226 человек. Советская Армия потеряла в боях 669 военнослужащих, 51 человек пропал без вести, 1540 человек ранено.

Эпилог.

За мужество и героизм, проявленные в боях за город Будапешт командиру нашего танка Семенову Константину Ивановичу было присвоено звание Героя Советского Союза. Мой погибший друг, Евдокимов Петр Иванович, награжден орденом Славы 3 степени посмертно. Наводчик, Иванов Константин Петрович, также награжден орденом Славы 3 степени. Мы с Сергеем Крячкиным награждены орденами Красной Звезды.

«Вьетнамец».

С этим человеком я встретился совершенно случайно, нас познакомил общий товарищ, Валерий. У меня болела шея, и я пожаловался Валерию, что не знаю, к кому бы обратиться, врачей много, а толку мало. Тогда он и предложил меня познакомить с врачом, который проходил практику во Вьетнаме и сможет мне помочь. Я согласился, и через несколько дней мы звонили в квартиру, расположенную на Лесном проспекте.

Двери нам открыл невысокий, худощавый мужчина, его тёмные волосы были коротко острижены, и сам он, действительно, был похож на вьетnamца. Я ещё подумал, как внешняя среда делает нас похожими на окружающих. Внимательно посмотрев мне в глаза, мужчина представился: «Владимир». До меня донесся запах спиртного. Я сразу же засомневался, следовало мне приходить, или нет. Валера мне ничего не говорил о приверженности Владимира к спиртному. Но делать было нечего, да и неудобно было сразу уходить. Владимир предложил мне сесть на стул и стал осматривать меня сзади, вертеть мою голову в разные стороны и, в конце концов, изрек: «шейный остеохондроз». Я сразу же согласился и подтвердил данный диагноз, ведь мне его поставили ещё несколько лет назад в поликлинике. «Ну, что будем делать?» – спросил Владимир. «Наверное, лечить», – предположил я, уже безо всякой надежды. «Значит, так, – сказал Владимир, – будем делать вытяжку шеи и поставим иголки». «Была не была», – подумал я, но молча согласился и закивал. Владимир предложил раздеться до пояса и лечь на топчан, животом вниз. Затем он вытащил из серванта иголки, не швейные, конечно, а тонкие и длинные, они находились в банке, по всей видимости, со спиртом и, пристроившись у моей головы, стал их втыкать в область шеи. Процедура не очень приятная, но терпимо. И тут Владимир мне говорит: «Ты не очень-то вертись, а то, если я промахнусь, инвалидом можешь остаться...» От испуга я замер, но не выдержал и с ехидцей заявил: «Алкоголь не помешает вам попасть? А то ведь страшно, что промахнетесь...» «Не бойтесь, – отвечает Владимир, – водка только делает мою руку тверже.» Я промолчал и вспомнил рассказ отца, что у нас в городе, где я жил в детстве, в больнице работал хирургом бывший полковник, участник войны, так он без стакана водки к операции не приступал и говорил при этом, чтобы руки тверже были. Так что заявление Владимира я воспринял правильно. Поставив мне иголки, Владимир устроился напротив, и я спросил у него: «Вы действительно были во Вьетнаме?». «Да, – ответил Владимир, – я пробыл там около двух лет и прошел огромную врачебную практику во время их войны с американцами». И рассказал мне историю своей жизни.

«После окончания военно-медицинской академии меня оставили там же работать, для молодого хирурга это было перспективно и престижно. Во всяком случае, мои учителя обещали сделать из меня классного хирурга. В конце 1965 года меня неожиданно вызвали в кадры. Я не понимал причины, но предполагал, что предложат куда-то поехать, в какую-либо часть. Желания никакого не было, но как человек военный, отказаться я не мог. Начальник отдела кадров предложил мне присесть и ласковым голосом стал расспрашивать, как у меня дела, как семья, хотя точно знал, что я не женат. Выслушав мои ответы, сказал, что у руководства академии есть мнение направить меня на стажировку во Вьетнам. Социалистическое государство нуждается в моей поддержке и надеется, что я не откажусь. У меня никого из родных не было, так как я воспитывался в детском доме, советоваться было не с кем, экзотика путешествия в азиатскую страну мне понравилась, и я сразу же согласился. Конечно, если бы я знал, с чем мне придется иметь дело, я бы лучше из армии уволился, но не поехал...»

Новый год я еще встретил в Союзе, но уже в феврале 1966 года вместе со своими коллегами, а также военнослужащими других видов войск, направился на поезде во Вьетнам. С нами ехали зенитчики, артиллеристы, связисты, летчики и мы, медики. Предполагалось, что мы будем оказывать помощь дружескому государству в качестве советников. По дороге пили, много пили, как всегда, когда куда-то направляют, чтобы благополучно все вернулись. Так что время быстро пролетело... Пришли в себя уже в Ханое. В советском посольстве нас встретили

и распределили кого куда. Я попал в военный госпиталь. Хотя остальных медиков определили в пункты нахождения наших советников. Так началась моя медицинская практика во Вьетнаме.

Приехали мы, как потом выяснилось, в самое лучшее время года: прошел период зимних дождей, стояла ясная, теплая погода, температура воздуха около 20 градусов. Но мне отдыхать не пришлось. В этот период американцы начали активно бомбардировать Северный Вьетнам, и налеты следовали один за другим. Пострадавшие поступали партиями, и мне приходилось по 20 часов не выходить из операционной. Много пострадавших было с проникающими ранениями живота, грудной клетки, головы, травмы глаз, ожоги различных степеней. Американцы использовали напалмовые бомбы, химическое оружие. В госпитале я познакомился с вьетнамцем Фан Ван Ха, он тоже был хирургом. Приблизительно моего возраста, он окончил Первый медицинский в Питере и неплохо разговаривал по-русски. Мы сдружились, вместе работали и вместе отдыхали. В свободное время, если у нас оно выпадало, Ха водил меня по Ханюю и знакомил с его достопримечательностями. Так прошло почти месяцев восемь, наступил конец года. И тут Ха заявил мне, что его отправляют в Южный Вьетнам по тропе Хо Ши Мина. Вьетнамцы называют эту тропу «Чыонгшон», по названию хребта, который тянется вдоль границы. Он рассказал мне, что его народ ведет героическую борьбу с американцами за своё освобождения и предложил мне пойти с ним, увидеть все своими глазами. Видно, мне не хватало адреналина, я захотел составить ему компанию. Но я понимал, что так просто уйти не могу. и поехал в наше посольство для согласования. Наш представитель, которого я встретил там, чуть заикаться не стал, когда я сказал, куда хочу идти. Он заявил, чтобы я даже думать не смел об этом, только не хватало, чтобы американцы захватили меня в плен. и тогда такой шум поднимется, что всем плохо станет, у сотрудника посольства даже глаза закатились, выгнал меня и велел забыть об этом. Но меня предложение Ха зацепило, очень хотелось побывать в Южном Вьетнаме. Когда я рассказал Ха о разговоре с сотрудником посольства, он рассмеялся и предложил идти без разрешения, мол, что могут сделать со мной, только назад отправить в Союз, так и так уже возвращаться придется. И я решился...»

Тут Владимир прервал свой рассказ и велел мне перейти к другой процедуре: вытяжке позвоночника. Посадил меня в проеме дверей, сверху у него было какое-то приспособление, и он надел на меня что-то вроде уздечки и потянул. Шея и весь позвоночник вытянулись, и я замер, не в состоянии повернуть головой. А Владимир вернулся к своему рассказу.

«О тропе Хо Ши Мина я был наслышан, так как по ней доставляли продовольствие, боеприпасы и оружие в Южный Вьетнам. Ха рассказал, что тропа тянется свыше 20-ти тысяч километров по джунглям, по территории Лаоса и Камбоджи, пройти её предстоит пешком и кроме этого, нести на себе около 40-ка кг с продовольствием и медикаментами. Нам предстоит пройти весь путь, так как он идет с целью проверки состояния госпиталей и оказания помощи на местах, при необходимости. Я – мужик жилистый, привык к походам, так что меня это не испугало, а только раззадорило.

Оправились мы с Ха в начале декабря. В это время на Севере стояла сухая погода, была приятная прохлада, температура около 20-ти градусов, так что идти было хорошо, если не считать наличия груза за спиной. Вместе с нами шли военные, полк пехотинцев, с ними – носильщики, которые несли продовольствие и боеприпасы, было много женщин. Когда мы вышли на тропу Хо Ши Мина, Ха предупредил, что надо быть готовым к налетам американской авиации и прятаться в траншеях вдоль тропы. Там были вырыты не только траншеи, но и возведены блиндажи, различные укрепления, а также располагалась зенитная артиллерия. Результаты налетов были хорошо видны: деревья стояли обугленные, имелись воронки от взрывов бомб, но на это никто из окружающих никакого внимания не обращал. Так прошагали мы километров десять, пока Ха не объявил привал. Я с трудом сбросил мешок и лег на землю. Ха смеясь, сказал, что ничего страшного, скоро привыкну. Вытащил рисовые лепешки, разжег костер и приготовил чай, стал закусывать. Вообще, основной нашей едой был рис в различных

видах, были ещё и консервы, но не очень много, а риса хватало, так что там я наелся им на всю оставшуюся жизнь. К вечеру мы добрались до первого пункта отдыха. С непривычки я здорово устал, мы натянули гамаки, и я уснул, как убитый, даже есть не стал...»

Процедура у меня закончилась, Владимир освободил меня, и я с сожалением с ним распрощался. Но теперь я уже точно знал, что пройду полный курс лечения, несмотря на все мои сомнения. Встречались мы с ним раз 7-8 и Владимир полностью рассказал о своем путешествии, если это так можно назвать, в Южный Вьетнам. Приведу полностью, как помню, его рассказ.

«По мере продвижения на юг погода стала портиться, пошли дожди, да и участились налеты американцев. Надо было прятаться по щелям и траншеям, весь промок, злой сам на себя, за то, что пошел на такую авантюру, но было уже поздно, так что приходилось делать вид, что всё в порядке. Наконец, мы добрались до первого госпиталя. Находился он в пещере, в скале. Даже прямое попадание бомбы было не опасно. Оборудован светом от генератора, сухо, светло. Раненых там было мало, но Ха необходимо было со всем ознакомиться, так что на пару дней мы тут задержались, и я отдохнул, помылся, получил чистое обмундирование и запасное белье. Настроение сразу же улучшилось. Ха рассказал, что всей трассе имеются пункты питания, отдыха, госпиталя, а вернее, небольшие лазареты. Всё это тщательно замаскировано в джунглях так, что сверху, с самолета, ничего не видно. Обслуживают всю трассу около 300 тысяч крестьян и рабочих, которых периодически меняют, набирая людей, в основном, из близлежащих сел. Американцы постоянно бомбят, выжигают напалмом, разбрызгивают дефолианты, уничтожающие всякую растительность, но дорога продолжает жить.

Так изо в день мы продвигались на юг, с каждым днем мне становилось легче, я привыкал. Мы рассчитывали, что к Сайгону доберемся дней за 50, но в пути приходилось задерживаться на несколько дней, кое-где оказывали медицинскую помощь и даже проводили экстренные операции. Ха сказал, что конечный пункт наш – это деревня Кучи, что находится в 70 км от Сайгона. Вся она расположена под землей, там нам и предстоит поработать, сменить врачей в госпитале. Добрались мы к конечному пункту только через два месяца. Подойдя к границе с Южным Вьетнамом, Ха предупредил, что дальше нас поведут по туннелям, так как наверху находятся войска американцев и их союзников. Нас ожидал молоденький парнишка лет 16-ти, подвел нас к дереву и среди листьев нашел крышку, поднял её, что-то сказал Ха и спустился. Ха объяснил мне, чтобы я шел за парнишкой, никуда не сворачивал и беспрекословно слушался, так как могу попасть в ловушку, а он пойдет за мной. Я спустился. Лаз вел вниз. Был он очень узкий, сантиметров 80, не больше. Я подумал ещё: хорошо, что я такой маленький, а если бы был среднего роста, не представляю себе, чтобы я тут делал. Потом я узнал, что туннели сделаны были так специально, чтобы более рослые американцы не могли пролезть. У парнишки был фонарик, и я послушно следовал за ним, а за мной шел Ха. Минут через 5-10 спуск прекратился, и мы пошли прямо. Высота туннеля была около 120 сантиметров. Шли долго, несколько часов. Впереди кто-то крикнул. Наш провожатый ответил, и мы подошли к часовому. Нас пропустили, и вскоре мы очутились в небольшой комнате. Тут уже имелись скамьи, стоял стол. Провожатый ушел, а мы с Ха расположились. Ха рассказал мне, что эти туннели имеют 4-5 уровней. Здесь размещаются партизаны Вьетконга. Американская база находится наверху, но американцы даже не догадываются, где прячутся партизаны. Здесь же находятся склады, помещения для отдыха, различные мастерские, штаб управления, госпиталь, даже кинотеатр. Имеется свет, который вырабатывается генератором от крутящегося велосипеда. Через некоторое время нас отвели в госпиталь. Он тоже представлял собой несколько небольших помещений, потолок был укрыт шелком от парашюта, чтобы не сыпалась глина и всякая живность. Мы проработали там около полугода. За это время я более-менее ознакомился с этим подземным городом.

Строительство туннелей началось еще в эпоху французских колонизаторов и со временем расширялись. Сверху практически было невозможно обнаружить в него вход, так он был замаскирован. Партизаны жили здесь полнокровной жизнью. Отсюда они совершали налеты на базу американцев и устраивали вылазки в сам Сайгон. Здесь же готовили пищу, ремонтировали оружие и шили одежду, готовили операции против врага. Воду добывали из колодцев, имелись еще особые штольни, которые вели к ручьям. Американцы долгое время не догадывались откуда появляются партизаны и куда исчезают свои бойцы. Обнаружив, в конце концов, тоннели не смогли ничего существенного сделать: заливали водой – она стекала в специально отведенные колодцы, запускали газ, но он быстро выветривался через скрытые люки. Наконец, были созданы специальные отряды из отчаянных бойцов небольшого роста, которые проникали вовнутрь, их прозвали «туннельными крысами». Но туннели были так запутаны, имелись многочисленные ловушки, что наверх возвращались очень немногие, хотя и партизанам наносили серьезный ущерб.

Через полгода мы с Ха возвращались в Ханой по той же дороге, тропе Хо Ши Мина. В этот раз шли гораздо быстрее. Навстречу нам шёл нескончаемый поток людей. Борьба с американцами разгоралась. Уже на подходе к городу Ханюю нас застал налет американцев, я спрятался в траншею, но рядом раздался взрыв бомбы, и я потерял сознание. Очнулся уже в госпитале. Рядом сидел друг Ха и с тревогой смотрел мне в лицо. Голова у меня была забинтована. Я спросил у Ха, что случилось? На что он мне ответил – осколок бомбы угодил мне в голову. Пришлось делать операцию, так что теперь у меня голова железная. Пролечился я в госпитале около полугода, затем обратился в посольство, где меня ожидал разнос по всем статьям и через пару дней, я уже летел назад в Питер. Но и дома меня встретили не ласково. Из Академии я был уволен, работу себе найти уже не мог, так как был внесен в «черный» список, так что пробиваюсь с тех пор пока мелкими заработками. Вот такова моя история...

Я прошел полный курс лечения и года два-три меня ничего не беспокоило. Когда спина опять дала о себе знать, я стал искать Владимира и позвонил своему приятелю Валерию. Я спросил у него, как мне найти Владимира, чтобы опять подлечиться, на что Валерий ответил, что теперь уже никак... Владимир несколько месяцев назад по пьяной лавочке поспорил со своим приятелем, и они подрались на мечях, Владимир проиграл и сделал себе «харакири». Так знакомство с Востоком отозвалось на его жизни...

Герой своего времени. - Чехословакия, 1968 год.

Глава первая.

21 августа 1968 года войска пяти стран Варшавского договора: СССР, ГДР, Польши, Венгрии и Болгарии в течение нескольких часов оккупировали Чехословакию, дружественную страну, которая попыталась идти по своему пути социалистического развития. В Объединенную группировку войск входили: 18 мотострелковых, танковых и воздушно-десантных дивизий, 22 авиа и вертолетных полка из СССР, всего около 170-ти тысяч человек; пять пехотных дивизий из Польши, численностью около 40-ка тысяч человек; мотострелковая и танковая дивизия из ГДР, численностью около 15-ти тысяч человек; из Венгрии – 8 мотострелковых дивизий, численностью 12,5 тысяч человек; из Болгарии – два мотострелковых полка численностью 2164 человека и один танковых батальон из 26-ти машин. Так началась операция под кодовым названием «Дунай».

Чехословакия. В 1962-1963 годах страну поразил сильный экономический кризис, который продолжался вплоть до 1966 года. В то время во главе компартии в Чехословакии стоял Антонин Новотный, идеей которого было создать в стране мощный машиностроительный центр для всего социалистического лагеря. Основная масса всех бюджетных средств направ-

лялась на развитие тяжелого машиностроения, в ущерб другим отраслям производства, что и привело к тяжелым экономическим последствиям.

В начале 1968 года в компартии Чехословакии образовалось реформистское крыло, которое требовало коренных изменений в партии и в стране. В январе 1968 года к руководству компартии пришел Александр Дубчек, который заявил о построении социализма с «человеческим лицом». Это означало, что в стране разворачивается борьба за реформы, демократизация и гуманизация социализма: полная свобода слова, собраний, создание многопартийной системы, свободные дискуссии, контроль за органами безопасности, планировалась также и федерализация государства.

Такое положение дел в Чехословакии не устраивало советское руководство, которое ещё не забыло Венгрию 1957 года с кровавыми событиями. Изменения в Чехословакии могли ударить по всему социалистическому лагерю. 23 марта 1968 года в Дрездене состоялась встреча 6-ти социалистических государств: СССР, Польши, ГДР, Болгарии, Венгрии и ЧССР. На совещании резкой критике был подвергнут А. Дубчек и его программа действий, но он остался при своем мнении.

8 апреля 1968 года советским руководством было принято решение о подготовке к вторжению в Чехословакию под кодовым названием «Дунай». Готовить операцию был назначен маршал И.И. Якубовский, в то время главнокомандующий Объединенными силами стран участниц Варшавского договора. При этом давление на руководство Чехословакии со стороны остальных стран Варшавского Договора не ослаблялось, особенно за принятие жестких мер выступали руководители Польши (В. Гомулка), ГДР (В. Ульбрихт), Болгарии (Т.Живков). На лето 1968 года были запланированы учения стран НАТО у границ Чехословакии, это вызывало дополнительное беспокойство советского руководства. Воспользовавшись случаем, войска НАТО могли войти в страну. Было принято решение о подготовке учений войск стран участниц Варшавского договора на территории ЧССР, и под этим предлогом 16 тысяч человек вошли в страну в конце июня 1968 года. С 23 июля по 10 августа 1968 года были проведены учения «Неман» на территории СССР, ГДР и Польши, а с 18 августа 1968 года – и на территории Венгрии. Войска были приведены в состояние боевой готовности для вторжения на территорию Чехословакии.

За несколько дней до начала операции «Дунай» руководить ею был назначен заместитель министра обороны СССР генерал армии И.Г. Павловский. 20 августа 1968 года, в 22 часа 15 минут в войска поступил сигнал о начале операции «Влтава-666». В 23 часа была объявлена тревога и сигнал на выдвижение. На всю технику были нанесены белые опознавательные полосы, на случай оказания сопротивления чехословацких войск. Ввод войск начался в 18-ти местах с территорий ГДР, Польши, Венгрии и СССР.

В Праге и Брно были высажены две советские воздушно-десантные дивизии. В 2 часа ночи 21 августа на аэродром «Рузина» в Праге, под предлогом вынужденной посадки, сел пассажирский самолет, в котором находились десантники, и в течение нескольких минут они захватили здание аэропорта. После этого один за другим начали посадку самолеты вооруженных сил СССР. Десантники на ходу спрыгивали с самолета, и он тут же взлетал, а на посадку заходил уже другой самолет. В 4 часа 30 минут десантники блокировали здание ЦК компартии Чехословакии, министерства обороны и Генерального штаба, а также здание радиостанции и телевидения. Члены правительства и ЦК КПЧ во главе с А. Дубчеком были фактически арестованы и вывезены в Москву для участия в переговорах. Расчет был на то, что будет создано новое правительство, которое поддержит оккупацию Чехословакии, но он не оправдался. Армия Чехословакии, благодаря призыву руководства республики и министра обороны, не вмешивалась и заняла нейтральную позицию. Однако народ был противоположного мнения... Люди вышли на улицу с протестами. На плакатах было написано: «Советские оккупанты – домой», «Москва – ваше место» и т.д. В некоторых местах люди оказывали вооружен-

ное сопротивление: забрасывали танки бутылками «Молотова», открывали огонь из оружия, устраивали баррикады. На выстрелы войска открывали ответный огонь. В первый день оккупации погибло 58 человек, а всего за период с 21 августа 1968 года по 20 сентября 1968 года было убито 108 человек и свыше 500 – ранено. Потери среди советских войск в первый день составили 12 человек погибших и 25 – раненых, а всего за данный период времени 84 человека погибло и 62 было ранено. Так, в районе города Чесла-Липа танк Т-55 пытался объехать людей, перегородивших дорогу, свалился с моста и трое танкистов погибло. Особенно много гражданского населения погибло в районе Чешского радио, где был спровоцирован огонь со стороны людей, пытавшихся захватить здание. Люди отказывали войскам в продовольствии, воде, топливе. В Праге были сбиты все таблички с указанием названий улиц, спрятаны карты города. По стране менялись дорожные указатели, чтобы запутать движение техники и войск.

В Праге был проведен XIV подпольный съезд КПЧ, без представителей компартии Словакии, который осудил оккупацию страны и избрал новый состав ЦК.

С 23 по 26 августа 1968 года были проведены переговоры с доставленными в Москву А. Дубчеком и другими членами руководства страны. Кроме того, в Москву для участия в переговорах прибыли президент республики Л. Свобода и заместитель премьер-министра Г. Гусак. Людвик Свобода отверг предложение советского руководства о создании нового рабоче-крестьянского правительства во главе с А. Индрой, но, в конце концов, руководство Чехословакии было вынуждено согласиться на подписание документа под названием «Программа выхода из кризисной ситуации», который предусматривал фактически полный отказ от намеченных реформ, отмены решений XIV съезда КПЧ, размещение на территории страны воинского контингента СССР.

Вернувшись в страну, руководство Чехословакии приступило к преобразованиям. В ноябре 1968 года на Пленуме ЦК КПЧ удалось провести резолюцию с осуждением реформаторов и развернуть кампанию их жесткой критики. Постепенно все реформаторы стали вытесняться из органов государственной власти.

11 сентября 1968 года советские танки покинули Прагу, а 17 октября 1968 года начался поэтапный вывод войск с территории Чехословакии, который завершился к середине ноября.

В стране произошли изменения в высших эшелонах государственной власти: председателем Национального собрания стал А. Индра, премьером правительства – Л. Штроугал. Апрельский Пленум ЦК КПЧ в 1969 г. первым секретарем партии избрал Г. Гусака. В стране начались репрессии против реформаторов, и около 70 тысяч человек бежало за границу.

28 августа 1968 года было принято решение о федеративном устройстве государства, которое вступило в силу с 01.01.1969 года. Страна превратилась в Федеративную республику: Чешскую и Словацкую социалистические республики, тем самым был решен многолетний национальный вопрос между чехами и словаками.

С осуждением вторжения войск в Чехословакию выступили: США. Великобритания, Франция, Канада, Дания и Парагвай. Из социалистических стран их поддержали: Югославия, Румыния, Албания и Китай.

20 августа 1968 года в СССР диссидентами было опубликовано заявление о солидарности с народом Чехословакии и осуждением вторжения войск стран участниц Варшавского договора, его подписали: Т. Баева, Ю. Вишневская, С. Ковалев, Н. Горбаневская, В. Красин и другие. Всего 17 человек. 25 августа 1968 года на Красной площади была проведена демонстрация «семерых» в защиту Чехословакии. Вообще-то их было 8 человек: Константин Бабицкий, Татьяна Баева, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов и Виктор Файнберг. После задержания, все они заявили, что Т. Баева, оказалась там случайно, и её отпустили. Демонстранты развернули плакаты с надписями: «Мы теряем друзей», «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!», «Свободу Дубчеку» и другие. Все были схвачены через несколько минут, двое признаны судом невменяе-

мыми, остальные – осуждены по статьям 190-1 УК РСФСР (распространение клеветнических измышлений, порочащих общественный и государственный строй) и 190-3 УК РСФСР (групповые действия грубо нарушающие общественный порядок).

Глава вторая.

Прошло 5 лет. Северная столица уже называется Санкт-Петербург, а не Ленинград. Нет уже СССР, нет социалистического государства, нет и стран Варшавского Договора. Зато процветает НАТО и бывшие государства социалистического лагеря выстраиваются в очередь, чтобы вступить в НАТО. Но Россия все равно продолжает вызывать раздражение у стран Запада, за свою независимую политику.

Проходя мимо Марсового поля, в центре города, я обратил внимание на небольшую группу людей, вроде какого-то митинга, где выступал молодой парень и призывал осудить оккупацию Чехословакии в 1968 году. Рядом со мной оказался мужчина, примерно моего возраста, который внимательно слушал выступающего, а затем, обратившись ко мне, сказал: «Как легко они осуждают чужое поколение, ещё неизвестно, по какую сторону из баррикад сами бы оказались. Я ведь там был и нам пришлось очень нелегко, но мы были уверены в своей правоте и в том, что защищаем социалистические идеалы, на которых были воспитаны...» Я был полностью на его стороне, и мы разговорились, прошли недалеко в кафе, заказали чай, и он рассказал мне как пережил лето 1968 года, будучи военнослужащим Советской Армии.

Владимир, так звали моего нового знакомого, был призван в Советскую Армию в 1966 году и служил на территории Западной Украины, в мотострелковой дивизии. Вот его рассказ: «В 1967 году был издан Указ о переходе службы в армии с трехгодичной на два года. У меня как раз был переходной год, но всё равно обещали демобилизовать раньше, поэтому весной 1968 года все уже ждали начала дембельской кампании... Но неожиданно в мае объявили о повышенной боевой готовности, начались маневры. Нам объясняли всё это тем, что в Чехословакии начинают поднимать головы антисоциалистические силы, готовят переворот в стране и наша интернациональная задача – отстоять завоевания социализма. В солдатской среде мы искренне верили, что так и было, и готовы были с оружием в руках оказать помощь братскому чехословацкому народу, другого и в мыслях не было... В мае 1968 года нас перебросили в Судетские горы, к границе с Чехословакией. Держали в состоянии повышенной боевой готовности, так как на границе с Австрией и ФРГ ожидали проведение манёвров войск стран НАТО.

20 августа в 21-30 объявили тревогу и поступила команда двигаться через границу, к Праге. Мы на БТРах, сидя сверху, перешли границу, чешские пограничники равнодушно смотрели, как мы проезжали, никакого сопротивления не было, нас это успокоило. А то ведь начальство так настроило, что было немного страшновато, сказано было, что едем на войну. Командиром полка у нас был Иванов, которому пришлось в 1957 году быть в Венгрии, и он рассказывал нам, сколько солдатской крови там было пролито из-за того, что было запрещено открывать огонь по противнику. Сейчас он сказал, что такого не допустит, есть команда, на огонь отвечать немедленно огнём, и давить противника всеми огневыми силами. Поэтому мандраж был, что тут скрывать... Колонна у нас была солидная: впереди шли танки, за ними – мы, на БТРах, а за нами – артиллеристы на автомашинах.

Первый городишко в Чехословакии, Яблонув, прошли около 24-х часов. Население встретило нас радушно, кидали нам цветы, угощали фруктами. Но чем дальше мы продвигались вглубь страны, тем больше настроение у населения менялось: появились надписи на стенах домов: «Русские оккупанты – идите домой», «Дубчек – да, Брежнев – нет» и т.д. Около 8 часов утра мы прибыли в Прагу. Тут нас уже никто не ждал. Улицы были запружены народом. На нас кричали, ругались, кидали камнями и палками. Мы вынуждены были спуститься вниз, в БТР. Продвижение значительно замедлилось, к тому же на домах отсутствовали таб-

лички с названиями улиц, а у наших офицеров были карты Праги еще со времен Великой Отечественной войны. Где-то через километр улицу перегородила баррикада из автомашин. Мы вылезли было, чтобы разбросать, но сверху по броне ударили пули, стреляли с чердака дома. По команде командира мы открыли ответный огонь, затем из танка выстрелили по чердаку и все стихло. Затем выстрелили и по баррикаде, она разлетелась, и люди разбежались. Проехали ещё пару километров и тут нас опять встретила толпа людей, впереди они держали детей. Мы остановились. Поступила команда: всем выйти и оттеснить народ с дороги. Мы выстроились в цепочку, как вдруг над толпой подняли четверых человек, они стали что-то кричать, затем выхватили снизу короткоствольные автоматы и открыли по нам огонь. Девять бойцов упали замертво, 5 человек было ранено за какое-то мгновение, и эти четверо исчезли. Рядом со мной был убит Николай Смолов, а его друг, Петр Тимофеев, нагнулся к нему, стал его тормошить и кричать, звать по имени, а когда понял, что его друга больше нет, дико закричал и открыл огонь по толпе. Толпа сразу же рассеялась, остались только погибшие и раненые, те, кто не мог идти. А сзади уже горел БТР, с крыши дома сбросили бутылку с бензином и опять открыли огонь. Тут же был сформирован отряд, в который я попал, и мы бросились к дому. Но не успел я добежать, как что-то горячее ударило меня в ногу, я упал, отполз за БТР и, несмотря на боль, стал стрелять по чердаку. Вскоре ко мне подполз санинструктор, перевязал, затем меня оттащили и отправили в медсанбат. А через пару дней я уже был в госпитале, в Дрездене, на территории ГДР, куда доставляли всех раненных из Чехословакии. Там я познакомился с Сергеем Травиным. У него были переломаны ноги, но огнестрельных ранений не было. Меня это заинтересовало, и я стал расспрашивать его о том, как он попал в госпиталь. Вот, что от него я узнал: служил Сергей в ГДР и с лета 1968 года его часть тоже была в постоянной боевой готовности, так как ждали провокаций со стороны войск НАТО. 20 августа его часть по тревоге перешла границу и была направлена к границе с Австрией, остановились у аэродрома, который блокировали, на него стали садиться военные самолеты из СССР. Неподалеку располагался небольшой городок, жители которого обслуживали аэродром, там наши войска встретили крайне недружелюбно, особенно молодежь. Всячески провоцировали на драки, оскорбляли, кидались камнями, но – команда была не реагировать, огонь ни в коем случае не открывать. Часть расположилась у аэродрома, вначале воду для себя брали из ручья, но потом заметили, что сверху стали приплывать всякие отбросы, трупы животных. Пытались брать воду в городе, но там её быстро перекрывали и на наши просьбы не реагировали. На аэродроме солдат в туалет не пускали, а построить свой местное начальство запретило. Через несколько дней прибыли вагоны с продуктами, но хорошо, что врачи проверили их, все оказались отравленными. Молодежь часто заезжала на мотоциклах и автомашинах прямо на аэродром, гонялись за патрульными, имитируя наезд. Издевательство над нами так бы и продолжались дальше, но ситуация изменилась, как только в городок прибыла воинская часть из Германии. Въехали они точно, как показывали в наших фильмах времен Великой Отечественной войны: впереди мотоциклисты, за ними солдаты на БТРах, а посередине колонны, на легковой автомашине, командир. В это время наш патруль там был и всё видел своими глазами. Командир, по всей видимости, полка, остановился на центральной площади городка, вышел из автомашины и стал показывать на дома, указывая, где будет находиться штаб, его квартира и квартиры остальных старших офицеров. Солдаты разбежались и тут же стали выселять жильцов, которые молча выходили со своими вещами. Через некоторое время перед командиром появился глава администрации городка, который опять же молча слушал, что ему говорят. Разговор шел на немецком, но он, вытянувшись, кивал. Видно было, что все понимал. Потом командир обратил внимание на наш патруль, к нам подошел его офицер и на русском языке, спросил, где находится наша часть. Ему объяснили, и через некоторое время командир немецкой части уехал. Пробыл он у нас до вечера, видно, основательно познакомился и подружился с нашим руководством. Командиры наши, очевидно, пожаловались на поведение населения. На следующий день появились чеш-

ские рабочие и в течение дня проложили трубы для снабжения нас водой, вырыли яму для туалета и сами построили деревянный туалет для солдат. Также по команде немцев установили вышку для пулемета и для обзора аэродрома, поставили шлагбаум. Через несколько дней на аэродром въехала автомашина с четырьмя подростками, они опять начали гонять наш патруль по аэродрому, затем сбили Сергея, который находился в патруле и сломали ему обе ноги. В это время, на беду чехов, к аэродрому подъехали на двух мотоциклах, немцы. Увидев происходящее, они открыли огонь по автомашине из пулемета. Двоих чехов сразу же положили, двое пытались бежать, но повторно пулеметной очередью один был убит. Второй выскочил из автомашины, поднял руки и стал просить, чтобы его не убивали. Немец поставил его на колени и по радиации сообщил о происшедшем начальству. Через некоторое время, подъехал офицер, подошел, посмотрел на Сергея, который лежал и стонал, вынул пистолет и, проходя мимо стоящего на коленях чеха, выстрелили ему в голову. Всё это происходило на глазах обслуживающего персонала аэродрома. Сергея отправили в медсанбат, а затем переправили в госпиталь. И такие рассказы я слышал не от одного солдата, находясь в госпитале. Немцы, да и поляки, действовали решительно, не задумываясь перед применением оружия. А чехи воспринимали это как должное, никаких жалоб или недовольства не высказывали. Да и сослуживцы Сергея потом рассказывали, что отношение к ним после случившегося изменилось, никто больше не осмеливался даже ругаться, кидать камнями или проявлять какую-либо неприязнь, особенно, если рядом были немцы, которым нравилось выступать в качестве наших защитников.»

Мы распрощались с Владимиром, а его рассказ надолго мне запомнился тем, что каждая эпоха рождает своих героев и следующему поколению, чтобы понять своих предшественников, необходимо проникнуться атмосферой того времени, прежде чем давать ему оценку.

*Посвящается моему другу Виктору Алексеевичу Шашкину,
участнику данных событий.*

Герои своего времени. Египет на границе 1970-х.

*Жара стояла днем и ночью,
Со лба струился пот ручьем...
Антенны шарят по эфиру:
Найти – задача, сбить огнем!
«Фантомы» падали в пустыню,
И рвется к небу черный столб
Стоят здесь русские ребята.
И враг от смерти не уйдет!*

Предисловие.

С 5 по 10 июня 1967 года произошла война между Израилем и арабскими государствами: Египтом, Сирией, Иорданией, которые объединились между собой с целью уничтожения еврейского государства. В середине мая 1967 года президент Египта А. Насер призвал арабские государства объединить усилия всех арабских стран и атаковать Израиль с целью «сбросить евреев в море, уничтожив их как нацию!»

В результате шестидневной войны войска арабских государств были полностью разгромлены, потери их составили свыше 40 тысяч убитыми, ранеными, уничтожено свыше 900 танков, одной тысячи артиллерийских орудий, свыше 500 самолетов. В течение этих дней Израиль захватил территорию, превышающую почти в три раза имевшуюся у него до начала войны.

10 июня 1967 года СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем и объявил, что в случае не прекращения военных действий, он оставляет за собой право военного вмешательства. Только заявление Советского Союза и готовность к военным действиям спасло арабские государства от полной оккупации.

В последующие годы президент Египта А. Насер неоднократно посещал Советский Союз и просил оказать военную поддержку не только вооружением, но и войсками. В конце декабря 1969 года советское правительство приняло решение об оказании такой помощи. С этой целью была разработана совершенно секретная операция «Кавказ». Были сформированы специальные войска: 18-я особая зенитно-ракетная дивизия, 135-й истребительный авиационный полк и 35-я отдельная истребительная авиационная эскадрилья.

Глава первая.

«Подъём! Тревога! Через десять минут построение на плацу с оружием», – голос дежурного вырвал меня из глубокого сна. Я только два часа назад, как лег спать после дежурства на кухне. Казарма забурила, но солдаты четко знали свои действия: одевались, получали оружие и выбегали на плац. Тут уже командовали офицеры, и каждая рота занимала свое место в строю.

Небо ещё было темным и только на востоке начинало сереть... Стоя в строю, я почувствовал, как дрожь пробирает тело, хотелось спать. Я прижался к своему приятелю Николаю и сказал: «Коля, я посплю немного, а ты разбуди, если что...» «Да пошел ты», – сердито ответил Николай, ему было не до шуток. Тут и раздалась команда:

– Становись! Смирно! Равнение налево!

И – четкий стук каблуков начальника штаба.

– Товарищ командир! По Вашему приказанию полк построен.

– Командиры подразделений – ко мне! – раздался голос командира полка.

Через некоторое время мы все тряслись в автомашине по направлению к полигону. Предстояли стрельбы. Я служил в зенитно-ракетном дивизионе «С-75 «Двина», который был предназначен для поражения воздушных целей противника. Боевой расчет состоял из четырех человек: офицера и трех операторов для сопровождения по угловым координатам и дальности.

Ребята в расчете собрались все со среднетехническим образованием, технику освоили достаточно быстро. Служили второй год и показывали отличные результаты по стрельбе. Кроме меня и Николая, третьим в расчете был Сергей. Я – родом из Смоленской области, а Николай и Сергей – из Ленинграда. Командиром расчета был капитан Стрельцов Петр Семенович. Опытной офицер, отслуживший уже около 10 лет, он с уважением относился к солдатам, и мы отвечали ему тем же.

Когда прибыли на полигон, Стрельцов построил расчет и сказал: «Мужики! От этих стрельб зависит ваша и моя дальнейшая судьба. Многого я сказать вам не могу, но, если мы отлично отстреляемся, в дальнейшем будем служить за рубежом. А там и деньги другие, и перспективы иная. Так что, пожалуйста, постарайтесь. А теперь – по местам!»

Воодушевленные такой речью, с мыслями о будущем, мы заняли свои места, включили мониторы и приготовились ловить условного противника.

Зенитно-ракетный комплекс С-75 хорошо зарекомендовал себя уже на протяжении, почти десяти лет. Впервые о нём заговорили в мае 1960 года, когда был сбит американский разведывательный самолет У-2 с летчиком Пауэрсом. Американцы полагали, что могут безнаказанно совершать полеты над нашей территорией, и у нас нет средств противовоздушной обороны, способных сбить их самолет на высоте 20 км, но первым же выстрелом самолет сбили, а летчик угодил в плен.

Мы с нетерпением ждали появления условной цели, и как только на мониторе мелькнула засветка, я сразу же закричал: «Есть захват!» Ещё несколько секунд, и мы определили координаты и дальность полета, и тут же последовала команда командира: «Огонь!» Ракета понеслась к цели. Ещё несколько мгновений, и я увидел, что цель исчезла, и доложил командиру: «Цель уничтожена». Вскоре последовала новая команда: «Приготовиться к новой атаке». И вновь наш расчет капитана Стрельцова первым отличился – засек и уничтожил цель.

– Отбой тревоги, – последовала команда, – командирам подразделений собраться на КП.

– Спасибо, мужики! – сказал Стрельцов и направился на командный пункт.

В феврале 1970 года несколько наших ЗРК вместе с техникой погрузили на поезд, и поехали мы в Николаев. Куда дальше поедет, командир молчал, но по отдельным его высказываниям стали догадываться, что нас отправят в Египет. Уже несколько лет шла необъявленная война между Израилем и Египтом и судя по всему, без особого успеха для арабов. Отношение к этой войне было разным: некоторые высказывались, что надо, мол, жидов побить, а некоторые удивлялись, как они в одиночку могут воевать со всем арабским миром и уже не раз их били. Но особого антисемитизма не было. Больше нам вбивали в голову, что Израиль – это сателлит США и полностью представляет их интересы. А США всегда лезли и лезут в любую дырку, даже если их не просят и представляют себя в качестве международных жандармов. Было интересно и немного страшно: всё-таки едем на войну.

Прибыли в Николаев в конце февраля 1970 года, разместили нас в казарме и запретили выход в город. Заявили, что в случае самоволки, тут же отдадут под суд, без всякой жалости, ведь речь идет о совершенно секретной операции.

Глава вторая.

В ночь на 1 марта 1970 года нас доставили в порт Николаева. У причала стояли два теплохода: «Роза Люксембург» и «Григорий Чичерин». Построили и объявили, что направляемся в Египет, все должны переодеться в гражданскую одежду. Пока будем плыть по Черному мору, на палубе ещё можно находиться, но затем – только в трюме и носа наверх не высовывать. Всякие нарушения будут жестко пресекаться. Каждого поименно вызывали к столу, украшенному красным кумачом, где генерал лично пожимал руку и благословлял на войну с израильскими агрессорами для защиты бедных арабов.

Объявили погрузку. Создавалось впечатление, что везут нас на необитаемый остров, где только голые скалы и никакой живности: грузили дрова, воду, продукты питания, керосин, бензин, медикаменты и прочее, для поддержания жизни на земле.

Первые сутки мы ещё на палубе торчали, но затем всех загнали в трюм, а тут ещё в Средиземном море шторм начался... Нас в трюме – как селедок в бочке. Кого «морская болезнь» зацепила, кому срочно в туалет надо, в общем, атмосфера – хуже некуда, хорошо, что меня не коснулась, я на ступеньках отсиделся, дышал свежим воздухом.

На третьи сутки прибыли в порт Александрия и ночью начали разгрузку. Только вышли на берег, тут сразу же команда: опять переодеваться, теперь только в форму египетской армии. Переоделись. Кто офицер, а кто солдат, все едины, только потом сообразили, для отличия – солдаты заправляли рубашки в брюки, а офицеры – нет. Это представляло определенные трудности, так как многие друг друга не знали. Сразу всю технику загнали в ангары и велели перекрашивать под цвет песка. Так что ночь спать нам не довелось, сказали, что потом отоспимся, как прибудем на место дислокации. Тут и израильские самолеты в небе появились. По ним почему-то никто не стрелял, велели нам прятаться. О том, что израильтяне сразу узнали о нашем прибытии, мы поняли, как только включили радиоприемники. Передачи шли на русском языке и нам разъясняли, какие мы нехорошие и нарушаем Устав Организации Объединенных Наций. Наше правительство, как всегда, отрицало присутствие своих войск и заявляло,

что это пропаганда. Нам тут же объяснили, что министр обороны Израиля Моше Даян дал команду своим спецназовцам взять в плен хотя бы одного русского, для того, чтобы представить его в международной организации. А что такое израильский спецназ нам подробно всё рассказали.

В ночь с 26 на 27 декабря 1969 года израильские коммандос пересекли границу с Египтом, и на глазах у целого полка египтян захватили радиолокационную станцию разведки и целеуказания П-12НМ «Десерт» советского производства, и никто ничего не смог сделать. На вертолетах вывезли станцию на Синайский полуостров. В дальнейшем изучение радиостанции помогло им выработать эффективную тактику по защите своих самолетов.

Так что, нам все это рассказали и предупредили, чтобы мы всегда были начеку, и в плен сдаваться не думали.

Для каждого зенитно-ракетного комплекса уже заранее были подготовлены бетонные укрытия для спецтехники и автомобилей, бунгало для отдыха личного состава и хранения боеприпасов и капонир для релейной станции. Технику развезли по укрытиям, а сами расположились в бунгало, вроде было ничего, двухъярусные деревянные нары, чисто. Только выходишь, и всё непривычно: яркое солнце, песок или потрескавшаяся земля, жара такая, что можно яйца печь прямо на земле. Закусили сухим пайком, и командир дал команду обустраиваться. К вечеру появились комары, явно не советские, видно, израильтяне их на нас натравили, уж больно кусание.

Чтобы долго не страдали, командир велел привести технику в порядок, окопаться по самую макушку, так, чтобы ничего торчало, причём всё это с оружием, мы не выпускали автоматы с рук, ждали нападения в любой момент. Хотя вокруг нас и стояли египетские войска, но них особой надежды не было. Командир ходил посмотреть, кто и как нас охраняет. Потом со смехом нам рассказывал: «Подхожу к египетскому солдату, который на посту стоит, и прошу его дать мне автомат. Он так спокойно, мне и отдает. Я передергиваю затвор, а там – пусто... Снимаю магазин – и там пусто. Показываю ему и спрашиваю: «А где патроны?» Он вытаскивает их из кармана, мол, всё в порядке, командир, патроны на месте...» Вот так нас охраняли. Надежда была только на себя.

Пять дней мы пахали, не останавливаясь: налаживали технику и готовили её к боевым действиям, маскировались, подготовили станцию к боевому дежурству. Для усиления нам придали отделение бойцов с зенитной самоходной установкой ЗСУ-23-4 «Шилка» и переносными ракетами «Стрела-2», и через пять дней мы были готовы встретить врага достойно.

За это время в бунгало появилась вода и блохи, мы не знали, что и делать: чесались, кто как может, ничего не помогало. Перебрались в бетонные укрытия, вход загородили мешками, все бесполезно. Тут, правда, египтяне спасли, дали какую-то дрянь и блохи исчезли. Зато появились змеи. Утром встаешь – надо смотреть, может, кто-то ждет тебя внизу, на закуску. Дни бежали быстро, каждый день мы тренировались. Израильские самолеты несколько раз появлялись, но пока мы успевали занять боевую позицию, они исчезали.

Нам подбросили ещё станцию радиотехнической разведки «Пост», и мы смогли теперь отслеживать их с момента появления на горизонте. Перешли на круглосуточное дежурство, так как прикрывали промышленные объекты в Северной части Египта.

Дни потекли. Я взял с собой литературу для поступления в ВУЗ и свободное время проводил за книжкой, мечтал поступить на юридический. Израильтяне приближаться к нам опасались и старались обходить наши дивизионы. Но иногда, на бреющем полете, насакивали на зенитные комплексы, сбрасывали бомбы и тут же исчезали. В один из дней мая, так уничтожили по соседству египетский ЗРК, нам просто крупно повезло...

А вот летчики несколько раз уже схватывались в бою и не всегда успешно. Первая встреча у них состоялась 13 апреля 1970 года, не стали друг на друга насакивать и разошлись. Но так долго продолжаться не могло, и 22 июня состоялся первый бой, наши сбили истребитель-бом-

бардировщик «Скайхок». В ответ израильтяне заманили наших в засаду и сбили четверых. Воздушная война разгоралась.

Наша тактика на земле требовала изменений, так как израильтяне знали почти все наши точки. Тогда в июне месяце поступила команда срочно менять дислокацию, причем необходимо было переместиться всего за одну ночь. Пахали мы, не разгибаясь, командир наравне с солдатами помогал переезду. Утром мы были уже на другом рубеже и готовы к бою. 27 июня состоялся налет израильской авиации, и, так как они не знали, где мы находимся, нам удалось сбить истребитель «Фантом», а еще один повредить. 3 августа мы уже сбили 5 самолетов «Фантом» и один «Мираж». С каждым днём израильтяне несли всё большие потери. Это привело к тому, что с 8 августа 1970 года на 90 дней было заключено перемирие между Египтом и Израилем.

За достигнутые успехи нашему командиру, Стрельцову Петру Семеновичу присвоили внеочередное звание подполковника и дали Героя Советского Союза. Мы тоже не остались без наград, мне, в частности, дали медаль «За боевые заслуги». Кроме того, президент Египта также нас наградил: командиру дали «Орден Заслуг», а мне – медаль «Военная звезда». Все наши ребята из дивизиона были награждены.

Глава третья.

Август прожили мы относительно спокойно, некоторые нарушения были с обеих сторон, но в целом старались не разжигать войну. 28 сентября 1970 года умер президент Египта Гамаль Абдель Насер, большой друг Советского Союза, которому Хрущев даже присвоил звание Героя Советского Союза. Правда, от этого все были в шоке, он ведь почти всех своих коммунистов расстрелял, чтобы не бунтовали.

К власти пришел вице-президент Анвар Садат, который тоже не любил коммунистов и немного – Советский Союз. Он больше стал поглядывать в сторону США, как бы попасть к ним в друзья. Мы, вроде бы, оказывались лишними... Но нам повезло: пришла замена и через несколько дней уже плыли домой на теплоходе «Иван Франко». Впервые мы спокойно гуляли по палубе, ели нормальную пищу, а не только кашу с супом, на которую в последнее время уже смотреть не могли, отдыхали на нормальных койках с простынями и подушками.

Мы ждали, что нас будут встречать, как героев, с цветами и музыкой, девушки будут дарить цветы, а мы – хвастаться перед ними своими наградами. Но мечты редко сбываются: нас встречали, но не как героев, а как заключенных. Порт в Севастополе был оцеплен, никого и близко не подпускали. Нас посадили в крытые автомашины и повезли в казармы, у входа – часовые, запретили всякий выход в город и держали в карантине почти месяц. За это время подготовили документы и отправили по частям. С каждого получили подписку на 20 лет, что в случае распространения сведений о нашем местонахождении в этот период времени будем привлечены к уголовной ответственности.

В части, нас долго тоже не держали, сразу демобилизовали и все мы поехали по домам. И на том спасибо.

Эпилог.

Наши войска были выведены из территории Египта летом 1972 года, когда стало ясно, если сами не уйдем, то нас просто выгонят. Последнее время занимались подготовкой египтян по освоению советским оружием, хотя они особого рвения не проявляли.

6 октября 1973 года Египетские и Сирийские войска перешли границу и начали военные действия против Израиля. Война началась в дни иудейского праздника, длилась она 18 дней и получила название «война Судного дня». Первые двое суток, благодаря внезапности нападе-

ния, арабские войска продвинулись вглубь территории Израиля. Но затем всё изменилось. Уже 16 октября войска Израиля остановились в 20-25 км от Дамаска, столицы Сирии, и в это же время форсировали Суэцкий канал и начали продвижение к столице Египта. И опять только угроза военного вмешательства Советского Союза, спасла эти страны от полной оккупации.

Милиционеры в Афганистане.

Предисловие.

29 декабря 1978 года, в средствах массовой информации Советского Союза, было объявлено, что по просьбе правительства Демократической республики Афганистана на территорию республики, введен ограниченный контингент Советских войск. Было сообщено, что помощь молодой республике оказывается в соответствии с Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 года в целях противодействия вооруженным формированиям афганских моджахедов («душманов»), пользующихся политической, финансовой, материальной и военной поддержкой государств НАТО и консервативного исламского мира.

С первого момента нахождения советских войск, возникла проблема осуществления сбора разведывательных данных о вооруженных бандах и организации противодействия им. Вначале этим занимались разведывательные отделы штабов дивизий, бригад и полков. Затем был создан единый разведцентр, сотрудники которого, размещались во всех крупных городах. Для борьбы с бандами в Афганистане, был создан и направлен отряд КГБ «Каскад». Но специфика борьбы с бандами, требовала профессионалов, которые каждодневно сталкивались с этим в своей работе. И тогда вспомнили о скромных советских милиционерах, именно им приходилось бороться с бандами на территории государства. Это и в 30-х годах в Средней Азии, в послевоенный период – на западной Украине и в Прибалтике. Да, и в повседневной работе, время от времени, возникали различные банды.

С этой целью, весной 1981 года поступил приказ о создании сверхсекретного подразделения в системе МВД «Кобальт» в количестве 600 человек. В данное подразделение отбирались только оперативные сотрудники, со стажем работы не менее 10 лет. Все они числились гражданскими советниками по различным направлениям хозяйственной деятельности: промышленность, сельское хозяйство и т.д. Отряд состоял из 23 небольших хорошо вооруженных разведывательных групп, расположенных в различных провинциях. В каждой группе насчитывалось 7 человек: 4 офицера-оперативника, 1 переводчик, 2 водителя. Им было придано БТР и радиостанция, автомашина «Нива» или УАЗ, необходимый набор медикаментов. Задача перед каждой группой стояла сбор и обработка разведывательных данных по бандам, оказание помощи в организации работы «Царандоя» (афганской милиции), работа с агентурой, ну и естественно, уничтожение банд. Переводчики были из числа офицеров МВД Таджикской ССР.

Глава первая.

Когда раздался звонок телефона, я по инерции поднял трубку: «Иванов слушает». «Иванов, - я услышал голос дежурного Петренко, - давай срочно к Петрову». «А Сидоров там будет?» - спросил я дежурного. «Какой Сидоров? Только про тебя сказали», - ответил Петренко. «Раз Иванова зовут к Петрову, там еще Сидоров должен быть, ты, что не понимаешь? Иванов, Петров и Сидоров, они всегда вместе», - разъяснил я ему свою шутку. «Да пошел ты...», - так и не договорив, Петренко бросил трубку.

Пришлось мне идти к Петрову. Я, старший оперуполномоченный уголовного розыска Иванов Александр Иванович, должен явиться к Петрову Николаю Максимовичу, т.к. он заместитель начальника управления по линии уголовного розыска и мой непосредственно, самый

главный начальник. По дороге я стал вспоминать все свои грехи за последнее время, но так и не остановился на чем-либо конкретно. Слишком много их было. Подойдя к двери, я прислушался, было тихо. «Что ж, это уже хорошо», - подумал я и постучал в дверь. «Заходите», - раздался голос начальника. Я зашел в кабинет и громко отрапортовал: «По вашему приказанию капитан Иванов прибыл». «Все шутишь, шутник, развлекаешься?» - голос начальника звучал спокойно. «Ни как нет, товарищ подполковник», - сказал я. «Ладно, тебе недолго развлекаться осталось. Давай дуй, срочно к начальнику отдела кадров в ГУВД, там тебе все объяснят». «А что мне объяснить должны?» - спросил я. «Давай, давай иди, там все и узнаешь», - ответил Петров.

По дороге в ГУВД, я старался представить себе, что им нужно от меня. И пришел к мнению, что хотят предложить должность какого-то начальника. Я недавно закончил вечерний юридический факультет государственного университета, имел стаж работы 11 лет опером и вполне подходил на выдвижение. Честно говоря, меня это не очень устраивало, работа опера мне нравилось, район спокойный, всех знал, налажена агентурная сеть и раскрывать дела, было одно удовольствие. А тут новое место, новые люди, пока притреться. Но я понимал, что пора двигаться по карьерной лестнице вперед, да и жена все «капала», когда пойдешь на повышение. Ее, конечно, больше зарплата интересовала.

В общем, когда я зашел в кабинет начальника отдела кадров ГУВД, уже был готов к выдвижению. Николай Иванович, увидев меня, зачем-то встал из-за стола, подошел в вплотную, пожал руку и, заглянув глубоко в глаза, душевным голосом, спросил: «Как у вас дела Александр Иванович, как здоровье, как семья?» Можно было подумать, что он хочет мне предложить должность не меньше начальника управления. От такого трепетного отношения, я, честно говоря, растерялся. «Спасибо,- говорю все хорошо, - в семье все нормально». И жду, что будет дальше. А он так многозначительно смотрит на меня и говорит: «Да вы присаживайтесь, может чайку?» «Нет, нет спасибо», - говорю я, а сам думаю: «Что-то уж больно мягко стелет, как бы не упасть». Я сел на стул, а Николай Иванович так и кружит вокруг меня, что я головой не успеваю вертеть. «Александр Иванович, - наконец сказал он, - не хотите ли вы съездить в заграникомандировку?» «Куда, куда?» - не понял я сразу вопроса. «В заграникомандировку, в одну из зарубежных стран», - повторил он. «Это ж куда меня хотят послать и за какие заслуги?» - спросил я. «Мне ваше руководство рекомендовало вас, у вас большой опыт оперативной работы и мы сейчас набираем сотрудников для работы в Афганистане. Вы можете ответить не сразу, надо дома посоветоваться с женой, я понимаю. Но ваша кандидатура нас вполне устраивает. Вы коммунист и ответственный работник и райком тоже уже поддержал нас. Вы подумайте. Вас отправят на 6 месяцев, а там перспектива выдвижения, неплохая зарплата и получение квартиры, вполне реально». «Вот, зараза, - подумал я, - даже прочитал, что я в коммуналке живу». «Я отказаться могу?» - спросил я. «Можете, но партия рекомендовало вас и надеется, что вы ее поддержите», - ответил он. Конечно, предложение меня ошеломило, и я пообещал, что подумаю и через пару дней сообщу.

Афганистан. Слухи в нашей среде были, что набирают, но не думал, что это может коснуться меня. Вернувшись в отдел, я уселся за стол и стал размышлять: «Раз партия сказала, комсомол должен ответить есть! А это, значит, если я откажусь, то о перспективе выдвижения, придется забыть, во всяком случае, на ближайшие 5 лет, а может и насовсем. И квартира. Это, пожалуй, самое главное. Получить квартиру в милиции, это практически, невозможно. Денег на ЖСК не наберется, это уж точно. Наверное, надо ехать. Вот только, как Нинка к этому отнесется? Крику будет, но никуда не денешься». Вот так, примерно, я размышлял, и когда подъезжал к дому.

Полужинали, Серегу положили спать, моему сыну исполнилось всего 6 лет. Соседи все разбрелись по комнатам, а мы стали пить чай. Нинка, все поглядывала на меня, но молча, удивлялась, когда я предложил помыть посуду. Наконец не выдержала и спросила: «Ну, что

у тебя опять случилось? Выкладывай, не тяни». Тут я ей и все рассказал. Вначале, она и не поняла. Загранкомандировка. Квартира, Деньги неплохие. Но когда до нее дошло, куда меня отправляют, у нее глаза стали круглые, как у нашей кошки, когда в глотку вцепиться хочет. «Ты, что ж, меня вдовой оставить хочешь?» - так тихо меня спрашивает. В общем, разговор у нас не получился. Легли мы спать по разные стороны баррикады из подушек, и я долго слышал всхлипывание жены. Но решил проявить твердость, настойчивость, и уснул. Утром сбежал без завтрака. Вечером опять сошлись, реакция Нины была более спокойной и мои доводы о партии и долге коммуниста, и о последствиях отказа, возымели свое действие. Легли спать в мире и дружбе, только под утро я проснулся, весь обмытый ее слезами.

Поехал в кадры, написал рапорт о согласии, и послали меня на медицинскую комиссию. На комиссии попала мне такая строгая тетенька, что я даже испугался. Накануне вечером, мы с ребятами немного отметили такое событие и, когда она стала замерять мне давление, унюхала остатки былой роскоши. И как наехала на меня: «Вы что же решили спрятаться за своим давлением? И не ехать выполнять свой интернациональный долг. Ничего не получится, я доложу о вас куда следует». Да, не перевелись у нас «стукачи». «Вы сначала давление смерьте, а потом стучать побежите», - ответил я ей. Я знал, что, что, а давление у меня будет в порядке. Ничего не сказала, замерила давление, а у меня 120 на 80, как у космонавта. Фыркнула докторша и презрительным взглядом выпроводила меня из кабинета. Больше приключений на комиссии не было: здоров, как бык, и можно использовать в любой стране, без всяких ограничений. Затем я сдал партийный билет в райком партии и стал ждать. Прошла неделя, мне предложили уйти в отпуск и заняться домашними делами, одновременно готовиться к поездке, команда к отправке может поступить в любое время. Дома, как мог, старался все сделать, ублажить жену по всем вопросам, но, видно, не очень удавалось, т.к. глаза у Нинки были постоянно на мокром месте. Мне уже все стало действовать на нервы, но тут поступила команда и я, с чемоданчиком направился в аэропорт. Жене не разрешил ехать провожать, сказал, что все это совершенно секретно. В аэропорту меня встретил представитель отдела кадров и познакомил с остальными «везунчиками». Было нас всего 10 человек, все из разных районов, и я никого не знал. Усадили в самолет и через пару часов мы уже летели в направлении Ташкента.

Глава вторая.

Ташкент нас встретил 35 градусной жарой. После питерского прохладного лета, стало немного жарко. Автобусы стояли у трапа, и пассажиры стали нас интересом рассматривать, в глазах у них был единственный вопрос: «А кто же вы ребята такие?» Но мы, загадочно улыбаясь, уселись в транспорт и повезли нас летний лагерь Высшей школы милиции МВД Узбекистана, где мы должны были пройти подготовку. Помещения под жилье было удобное. Было видно, что узбекские товарищи неплохо побеспокоились о подрастающем поколении.

По дороге, в самолете, я познакомился с Николаем Мардашевым, он был из Петросельского РУВД, то же опер с 15 –летним стажем. Дома остались жена и 10-летняя дочь. Так, что интересы у нас были почти одинаковые: как выжить и вернуться домой. В казарме нас поселили вместе и, вообще, решили дальше держаться друг друга.

Наутро, построили, разбили по отрядам и объяснили стоящую перед нами задачу: овладеть всеми видами оружия, научиться стрелять, желательно попадать сначала в мишень, чтобы потом могли во врага и учить язык. Хотя обещали, что при каждой группе будет переводчик, из наших. Одна треть населения Афганистана, это таджики, узбеки и туркмены, в том числе и бежавшие с территории Советского Союза, потомки бывших душманов, поэтому особой любви к нам не питают. Одели нас в летнюю армейскую форму, только без погон, а то развелось много всяких майоров и подполковников, ими как-то командовать неудобно.

И началось: построение, завтрак, занятия по персидскому языку, политзанятия, изучение истории Афганистана, изучение ислама и стрельба. Вот где я настрелялся на всю свою жизнь. Нас обучали всему оружию, какое могла встретиться в Афганистане: пистолеты Макарова, «Береты», браунинги, «Вальтеры», зенитно-ракетные комплексы «Стингер», «Стрела-2». Самые разнообразные автоматы, в том числе и наши ППШ, которые раздавали мы «друзьям» после войны и новейшие наши автоматы АК-47, американские винтовки и даже британская 10-зарядная винтовка Ли-Энфильд, которая стреляла еще во времена англо-бурской войны в Южной Африке (это конец 19 и начало 20 века), причем она отличалась особой точностью. Как нам объяснили, все это оружие имеется у моджахедов, большинство поставляется из Китая, Египта, Израиля и стран НАТО. Да, китайцы там много нам вредили, даже их инструктора у моджахедов были.

Больше всего мне понравилась снайперская винтовка Драгунова с магазином на 10 патронов. Она отличалась простотой конструкции и высокой надежностью. У моджахедов котировались больше всего наши автоматы Калашникова и в бою они всегда старались их захватить в качестве трофеев. Были у них и автоматы Калашникова китайского и египетского производства, но те были изготовлены из стали низкого качества, поэтому после отстрела 2-3х магазинов, переставали просто стрелять, «плевались» пулями, фактически, не причиняя вреда.

К моему удивлению, у меня оказались задатки снайпера, и я показывал лучшие результаты по стрельбе из всего нашего набора. Даже сам собой гордиться начал. Снайперскую винтовку Драгунова ко мне и прикрепили в конце курса обучения.

На политзанятиях нам читали лекции по составу народов Афганистана, как себя вести с местных населений, их обычаи и привычки. Так дни шли за днями, раз в неделю звонил домой, жена, вроде бы, успокоилась. Прошло три месяца и нам объявили, что через пару дней забросят в Афганистан. Несколько человек испугались и стали усиленно болеть, даже пытались сбежать из лагеря, но не тут- то было. Вокруг охрана и никого никуда не выпускали. Но этих смельчаков с нами не взяли, отправили по домам и еще раз объявили, что кто не хочет, пусть заявит, насильно никуда не отправят. Больше желающих не оказалось, все были готовы к выполнению своего интернационального долга.

Глава третья.

28 декабря 1981 года около трех часов ночи нас подняли по тревоге и отправили на аэродром. Пару часов мы тряслись в грузовом самолете и в 7 часов утра были уже в Кабуле. Здесь нас встретили и повезли в военный палаточный городок, под охраной БТР и военных. Мы с интересом рассматривали окружающую обстановку: вокруг голая степь, ни кустика, вдаль, на горизонте, горы. Издалека кажутся не очень большими, но забираться на них стоило большего труда, особенно, если постреливали. Но это было потом. А пока мы осматривались, нас покормили солдатской кашей на завтрак и сказали, что к ней привыкать надо. Хотелось пить. Тут же предупредили, что пить можно только кипяченую воду и только если ты знаешь того, кто тебе ее дает. Отравить могут в любой момент и в любой лачуге.

Потом мы в этом неоднократно убеждались. Дело в том, что Народно-Демократическую партию Афганистана поддерживала армия и городская интеллигенция, что составляло всего 18% от всего населения. А 70% - это крестьяне, неграмотные и привыкшие к подчинению своего имама, который был родственником или другом полевого командира. Остальные – кочевники, которые жили сами по себе, но с условием, чтобы их никто не трогал. Поэтому нас не воспринимали в качестве спасателей, а, даже, наоборот, считали оккупантами, в следствии чего боролись всеми доступными для них средствами. Выстрела в спину ждали от любого: старухи, еле ползающей у ворот, и пацаненка, лет 6-7, который уже мог уже стрелять из автомата.

Днем нас построили на территории лагеря и стали раздавать по группам, приехавшим командирам подразделений. Мы, с Николаем, попросились вместе и нас направили в отряд, расположенный в Герате. На вертолете, через пару часов мы были уже на месте. Расположился отряд в старинной крепости, здесь же находились бойцы «Царандоя» и бойцы отряда КГБ «Каскад». Фактически наш отряд был придан им, и мы постоянно с ними взаимодействовали, если приходилось уничтожать банды.

Нахождение в крепости было очень удобным с многих позиций: вести оборону при нападении банд, прятаться при обстрелах и вести обучение, чтобы никто не мешал и не подглядывал.

Здесь же мы обучали бойцов Царандоя, возникли они после победы революции в 1978 году, вместо полиции и жандармерии. Наши советники разработали для них такую же структуру, которая была у нас: отделы, внутри которых были сотрудники по линии уголовного розыска и участковые инспектора. Только все больше им приходилось работать по выявлению банд и их уничтожению. Вместе с нами они также участвовали в операциях.

Помещение под казарму было сравнительно удобным, койки с Николаем мы выбрали рядом. Руководитель нашей группы майор из Челябинска, Константин, нам объяснил стоящие перед нами задачи: знакомиться с населением, которое постоянно мигрирует, через установленные нами блок посты, вербовать среди них агентуру и выявлять нахождение банд. Ставили перед нами и показатели работы, как без этого в нашем плановом социалистическом хозяйстве обойтись, в течение месяца каждый из нас должен был выявить и организовать не менее трех налетов на банды. Только больше это на показуху было похоже, потому, что приходилось гораздо чаще участвовать в операциях. Но счет погибшим моджахедам, вели отдельно. Мы отправляли наверх одни цифры, а там они становились весьма значительными. Если их сложить, то от населения Афганистана, наверное, никого бы не осталось.

Главным стимулом для вербовки афганцев были деньги: за деньги многие из них были готовы даже мать родную продать, что не раз подтверждалось на практике. Так, в один из дней я получил информацию от своего агента, что в одном из кишлаков находится на отдыхе банда. Сели мы с ним на вертолет и группой вылетели к месту назначения. При подлете, он стал объяснять, где расположились члены банды и указал на дом, сказал, что рядом с ним живет его брат. Я у него спрашиваю: «А ты не боишься, что снаряд попадет в дом твоего брата и может погибнуть вся его семья?» А он так спокойно мне и отвечает: «На все воля аллаха». Меня это здорово поразило. Правда, в этот раз, снаряды не попали в дом его брата, а банду мы уничтожили.

Первая ночь прошла у нас относительно спокойно. А на утро, я почувствовал себя не комфортно, желудок стал выражать свое недовольство новой пищей и всей этой средой. Николай с ребятами смеялись и советовали пить водку с солью, якобы поможет. Между прочим, нам выдавали на месяц бутылку водки и бутылку коньяка, а если праздник, то в двойном размере. Но такое лекарство мне претило, стал таблетки пить, но и они не очень помогали, засел на целый день на «толчке». Помог мне местный «царандоевец», дал какую гадость, зато помогла. А следом за мной и Николай пострадал. Теперь я уже смеялся. Вообще санитария у нас была жесткая: своя кружка, ложка и тарелка, руки мыть перед едой, в общем, все «по-взрослому». Да и не мудрено, гепатит был серьезной проблемой и некоторая часть военнослужащих и наших бойцов, сильно пострадали от него и их отправляли домой с таким заболеванием.

Начались у нас будни. С утра на блок посты, знакомимся с населением, вычисляем возможных бандитов, засланных «казачков», вербуем себе агентов, выясняем, где поблизости банды и так до четырех – пяти часов вечера. Снимаются посты, и власть переходит к моджахедам. У нас в провинции главным был Исмаил – Хан, чаще его называли Туран Исмаил. Это бывший капитан Афганской Армии, перешедший на сторону оппозиции. Хорошо знающий местные условия, жестокий и непримиримый. Против нас была развернута настоящая парти-

занская война. Днем они могли приехать в город, как обыкновенные крестьяне, все высмотреть. А с наступлением ночи, подобраться через известные только им тропинки и совершить нападение на нас или государственное учреждение. Своих вырезали, так же безжалостно, как и наших, если попадали к ним в плен.

Опорой моджахедам служили многочисленные кишлаки, которые снабжали их пропитанием и пополняли ряды. В случае нашего нападения они умело уходили из-под обстрела, пользуясь водоснабжающими колодцами и их разветвлениями. Мы же при подлетах уничтожали их дома, так что многие кишлаки стояли пустыми, где они тоже прятались. Оружие к моджахедам поступало из Ирана и Пакистана, там же они проходили военную подготовку.

В один из дней при проверке приезжих, мне сообщили, что со мной хочет встретиться один из полевых командиров, якобы желает перейти на сторону власти. Такие эпизоды были не раз, но что меня насторожило, так эту встречу мне назначили в одном из брошенных кишлаков. Когда я доложил командиру, мы обсудили и решили, что, скорее всего, меня будет ждать засада. В то же время эта банда доставляла нам много хлопот, поэтому приняли решение, попробовать их перехитрить. Встречу назначил я на три часа. Утром, около 10 часов, наши две группы и группа «царандоевцев», скрытно выдвинулась к кишлаку. Там еще никого не было, поэтому мы заняли очень удобные позиции. И вовремя. Около 12 часов подъехали две автомашины и из них вышли около десятка бандитов. Как только они направились к одному из домов, мы открыли огонь. Банда, почти, в полном составе была уничтожена. Один из захваченных бандитов, потом подтвердил, что хотели захватить меня в плен.

Вообще афганцы странный и интересный народ. Для них обмануть советского солдата, это как подарок, в то же время, сами очень доверчивые. Жили они, в сельской местности, в глинобитных домиках с маленькими окнами. В доме две половины: мужская и женская. Спали на жестких циновках, рядом с ними дети и домашний скот, тут же и отхожее место. Что интересно, на мужской половине дома, гораздо чище, чем на женской. Заходить на женскую половину, посторонним мужчинам, категорически воспрещалось. Так, один раз, необходимо было оказать медицинскую помощь женщине, то хозяин, с палкой набросился на доктора, когда тот попытался пройти на женскую половину. Самое интересное, что тут же в доме, среди всей этой нищеты, можно было увидеть японскую технику, которую у нас, на родине, и не достать было. Поэтому наши солдаты, офицеры, там затаривались импортными джинсами, магнитофонами и прочей техникой. Все было в продаже и по очень низким ценам, по сравнению с тем, что у нас в Союзе можно было купить.

Ездила, основная масса населения, на автобусах, такого года выпуска, что было удивительно, как они еще двигались. Набивались в них, как «селедки в бочке», даже сверху, сбоку и на капоте. Но оружие было, в каждой семье: пистолет, автомат или ружье самодельное, все зависело от доходов или участия в боевых действиях.

Обучали мы и наших коллег из «Царандоя», как выявлять моджахедов, которые приезжали в город на разведку. Если стрелок, то правое или левое плечо, имели отметины от стрельбы и другие всякие приметы. Обучали и борьбе с бандами. Борьба с мелкими бандами, требовала изворотливости и изобретательства, так как они могли вмиг раствориться среди своих, и те молчали, как настоящие партизаны. Прибегали и мы к уловкам: обучили небольшую группу «царандоевцев», придали им бронированную автомашину, которую с помощью приспособлений загоняли в кузов другой большой автомашины, туда же сажали «царандоевцев», одетых в одежду крестьян и направляли в местность, где действовали моджахеды. Появление одинокой автомашины и предвкушение легкой добычи, действовало на бандитов безупречно. Они выскакивали на дорогу, и тут выезжали наши бойцы на бронеавтомашине и укладывали всех бандитов в один ряд.

Так день за днем и шесть месяцев пробежало. Пора было готовиться к отправке. Но за несколько дней поступило сообщение, что большой караван с оружием пересек границу и дви-

жется внутрь страны. Собрали и мы, большой отряд, и нас на БТРах подбросили к ущелью. Дальше, в горы, надо было идти. Разбились по группам, и друг за другом медленно стали подниматься. Нападения ожидали в любой момент, так как их разведка действовала тоже неплохо. На гору поднялись без всяких приключений, вдаль виднелись кишлаки, и нам предстояло пройти мимо них. Первый прошли спокойно, но когда чуть отделились, с двух сторон ударили пулеметы и автоматы, пришлось залечь. Вызвали авиаподдержку и через некоторое время прилетели наши вертолеты и стали утюжить склоны, где находились моджахеды. Тут и мы пошли вперед. Положили человек 10 бандитов, остальные разбежались. С нашей стороны потерь не было.

Пока с этими разбирались, пришло сообщение, что караван с оружием нашими бойцами уже захвачен и надо, возвращаться домой. День уже клонился к вечеру, и начинало смеркаться. В горах быстро темнеет. Очевидно, поэтому руководство нашего отряда приняло решение, чтобы мы возвращались по той же дороге, что и поднимались. Вообще то, в горах, на данной войне, действовал негласный закон: «Никогда не спускаться вниз с гор, по той же дороге, что и поднимались». Но тут, видно, решили рискнуть. Пошли вниз. Нашей группе было приказано замкнуть отряд, обеспечить тылы. Весь отряд, было нас человек 150, спустился на дорогу, мы с Николаем шли последними и уже предвкушали ужин и отдых. Вдруг, впереди, с двух сторон раздались взрывы, произошел обвал и дорогу завалило. Нашу группу отрезало от остальных. Как я, Николай и наш командир Костя, очутились в метрах шести в расщелине, я не понял. Взлетели как птицы. Сверху посыпались пули, и мы стали отстреливаться. Со мной было снайперская винтовка и, успокоившись, я стал убирать один за другим душманов. Рядом стреляли Николай и Константин. Убедившись, что с нами так не справиться, душманы стали закидывать нас гранатами, несколько разорвались внизу, не причинив никакого вреда, но одна попала к нам на площадку. Взрыв сбросил Константина вниз, а Николай был тяжело ранен в грудь. Я затащил его подальше в расщелину и как мог, перевязал, сделал укол, но он потерял сознание. Тем временем, душманы подобрались к нам и я, схватив автомат, стал их расстреливать. Они отступили. Стало совсем темно, резко похолодало, одет я был сравнительно легко и, прижавшись к теплему камню, продолжал стрелять, уже ориентируясь больше на шум. Подобраться к нам в полной темноте, даже горцам, было невозможно, слишком отвесные были скалы. Меня начало клонить ко сну, но уснуть я боялся, могло что-либо непредвиденное произойти. И я стал вспоминать свою Нинку, милую, любимую жену. Как я бы сейчас с радостью послушал ее ворчание в свой адрес, все ее претензии. Меня она предупреждала, что если со мной что-то случится, домой не возвращаться. Так, периодически постреливая, я разговаривал с женой и не спал. Как только чуть рассвело, я услышал шум вертолетов и залпы снарядов по верху ущелья, а следом и выстрелы. Это наши бойцы, десант высадили и пошли в атаку. Тут и силы мои кончились, я отключился.

Глава четвертая.

Очнулся я уже в лазарете. Было темно. Пошевелил руками, ногами, вроде было все в порядке, все на месте и ничего не болело. Кроме меня, в палате никого не было. Я поднялся, рядом висел халат, накинул на плечи и вышел в коридор. Там, у стола, медсестричка книжку читает. Они увидели меня, вскочила: «Зачем вы встали, вам отдыхать надо». «Отдохну, обязательно отдохну. Сколько я спал», - спрашиваю у нее. «Больше суток» - отвечает сестричка. «А со мной еще бойцы были, где они?» «Один только живой остался, его в госпиталь в Ташкент отправили». И тут же, чтобы успокоить меня, затрещала: «А вы у нас герой. Один всю ночь с бандой воевали. Говорят, что вас к званию Героя Советского Союза представили». «А ты ничего не перепутала, меня то за что?» «Как за что? Вы там их человек двадцать положили и наших никого не отдали на растерзание». Вот так я узнал, что меня в Герои записали.

Послесловие.

Отряд «Кобальт» осенью 1984 года был упразднен, а находившиеся в это время в Афганистане офицеры МВД были переведены в статус советников. Многие бойцы были награждены орденами, медалями СССР, а одному из них, капитану милиции Исакову Михаилу Ивановичу присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Герой моего рассказа капитан милиции Иванов Александр Иванович не является кем-то конкретно, а написан на основе воспоминаний многих бывших бойцов отряда «Кобальт», из Ленинграда и Москвы, Прибалтики и Украины, бывших в то время единой семьей Союза Советских Социалистических Республик.